

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

ОРГАН ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

1 9 3 3

№ 5

П А Р Т И З Д А Т

ВСЕМ подписчикам и! читателям журнала!

Для аккуратного и бесперебойного получения журнала необходимо подписку на 1934 год сдать не позднее сроков, установленных местными почтовыми учреждениями

В связи с ограничением тиража поздно сданная подписка может остаться неудовлетворенной.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) ПАРТИЗДАТ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН

Г О Д
ИЗДАНИЯ
П Я Т Ы Й

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

Д
В
У
Х
М
Е
С
С
Я
Ч
Н
Ы
Й
Ж
У
Р
Н
А
Л

О Р Г А Н
И Н С Т И Т У Т А Э К О Н О М И К И
К О М М У Н И С Т И Ч Е С К О Й
А К А Д Е М И И

№ 5

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1933

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Передовая К 16.-летию диктатуры пролетариата	3
Е. Грановский — Диктатура пролетариата и техническая реконструкция . .	11
М. Кривицкий — К вопросу об уровне жизни рабочих в СССР	51
Мих. Алевский — Валютная разруха капиталистических стран	75
Б. Казанский — Н. Бухарин как критик Р. Люксембург	91
С. Петропавловский — Об основах теории социалистического планирования	111
БИБЛИОГРАФИЯ	
П. Боярский — Против рецидивов механицизма в политэкономии	140
И. Ханьковский — К. Пяртман „Единое энергетическое хозяйство СССР“ . . .	150
А. Подгорный — Экономика советской торговли	156

К 16-ЛЕТИЮ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

16 лет — возраст Страны советов. Путь, пройденный ею в эти 16 лет, — путь борьбы и всемирно-исторических побед. В эти 16 лет рабочим классом Союза под железным руководством его большевистской партии проделана работа, которую надо измерять веками, которая впервые в развитии человечества положила начало действительной истории его. До этого была только предыстория человечества.

16 лет назад рабочий класс отсталой и разоренной империалистической войной России под руководством коммунистической партии взял власть в свои руки. 16 лет назад была установлена диктатура пролетариата, положившая начало новой эпохе развития человечества.

Пролетариат России, используя особенности переходного момента, под руководством железной партии, вооруженной марксо-ленинской теорией построения социализма в одной стране, пошел «к социализму, который один даст измученным войной народам мир, хлеб и свободу» (Ленин).

В ожесточенной гражданской войне, в суровой борьбе с интервентами, с саботажем, с вредительством, с бешено сопротивляющимся классовым врагом, в борьбе против попыток прогнанных им классов вернуть себе господство рабочий класс вышел победителем. Победа над многочисленными врагами, укрепление диктатуры пролетариата — этого «коренного содержания пролетарской революции» и главного ее орудия — обеспечили победоносное развертывание социалистического строительства за прошедшие 16 лет.

Когда в 1917 г. наша большевистская партия поставила перед собой задачу захвата власти пролетариатом, все враги рабочего класса, начиная от меньшевиков, эсеров и кончая собственной и зарубежной буржуазией, ответили на это бешеным сопротивлением.

История показала и наглядно доказала, что именно партия Ленина и только она могла осуществить и осуществила пролетарскую революцию, руководя рабочим классом, завоевавшим диктатуру и открывшим новую эру человеческой истории. История показала, что пролетариат бывшей помещичье-капиталистической России под руководством идейно сплоченной и монолитной партии Ленина — Сталина способен на чудеса превращения отсталой, нищей, разоренной и эксплуатируемой хищниками всех форм и степеней страны в страну индустриальную, в страну самого крупного социалистического земледелия, в страну социалистическую, без эксплуатации человека человеком, в страну небывалого производственного энтузиазма рабочих и колхозных масс, в несокрушимую крепость социализма.

Пролетариат и трудящееся крестьянство под руководством коммунистической партии: этой направляющей и руководящей силы в системе диктатуры пролетариата, осуществили великий план Ленина — план ГОЭЛРО, победоносно завершили первый пятилетний план социалистического наступления по всему фронту и самоотверженно с

огромными успехами осуществляют теперь второй пятилетний план создания бесклассового, социалистического общества.

Итоги первой пятилетки ярко показали огромный контраст между прошлой, капиталистической Россией и Страной советов, огромный контраст между капиталистическими странами и страной строящегося социализма, между социалистической системой и капиталистической.

СССР построил фундамент социализма.

СССР вступил в период социализма.

СССР покончил с безработицей.

Мы создали крупную социалистическую промышленность.

Тов. Сталин на январском пленуме 1933 г. говорил:

«У нас не было черной металлургии, основы индустриализации страны. У нас она есть теперь.

У нас не было авиационной промышленности. У нас она есть теперь. У нас не было автомобильной промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было станкостроения. У нас оно есть теперь.

У нас не было серьезной и современной химической промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было действительной и серьезной промышленности по производству современных сельскохозяйственных машин. У нас она есть теперь.

У нас не было авиационной промышленности. У нас она есть теперь.

В смысле производства электрической энергии мы стояли на самом последнем счете. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест».

«А все это привело к тому, что капиталистические элементы вытеснены из промышленности окончательно и бесповоротно, а социалистическая промышленность стала единственной формой индустрии в СССР.

А все это привело к тому, что страна наша из аграрной стала индустриальной, ибо удельный вес промышленной продукции в отношении сельскохозяйственной поднялся с 48% в начале пятилетки (1928 г.) до 70% к концу четвертого года пятилетки (1932 г.)».

В области сельского хозяйства мы разгромили помещичье землевладение и помещиков, национализировали землю, подготовили таким образом величайший переворот — превращение мелкого крестьянского хозяйства в крупное социалистическое.

«Задача пятилетки по сельскому хозяйству состояла в том, чтобы превратить СССР из страны мелкокрестьянской и отсталой в страну крупного сельского хозяйства, организованного на базе коллективного труда и дающего наибольшую товарность» (Сталин).

В итоге выполнения первой пятилетки:

а) разгромлено кулачество, подорваны корни капитализма в сельском хозяйстве и тем самым обеспечена победа социализма в деревне, а колхозное хозяйство превратилось в прочную базу социалистического строительства;

б) решена историческая задача перевода мелкого индивидуального, раздробленного крестьянского хозяйства на рельсы социалистического крупного земледелия, и СССР из страны мелкокрестьянской превратился в страну самого крупного земледелия» (из резолюции январского пленума ЦК и ЦКК).

Социалистическое земледелие стало преобладающей формой сельского хозяйства.

В промышленности: «социалистическая промышленность стала единственной формой индустрии в СССР».

В сельском хозяйстве: социалистическая форма хозяйства стала преобладающей формой производства. В области торговли создана новая форма торговли, которая до сих пор не существовала и не могла существовать.

Если торговля на первой стадии нэпа допускала оживление капитализма и функционирование частнокапиталистического сектора в товарообороте, то советская торговля исходит из отрицания как того, так и другого. Что такое советская торговля? «Советская торговля есть торговля без капиталистов — малых и больших. Это особого рода торговля, которой не знала до сих пор история и которую практикуем только мы, большевики, в условиях советского развития» (Сталин).

Развертывание социалистического строительства под руководством ленинской коммунистической партии создало новые формы хозяйства, которые вне диктатуры пролетариата не могут быть созданы и не могут существовать. Они на языке бесчисленных фактов говорят об огромных преимуществах социалистической системы хозяйства перед другими, когда-либо существовавшими системами. Они говорят на убедительном и четком языке цифр.

За период первой пятилетки СССР стал страной тяжелой индустрии. Удельный вес тяжелой промышленности в 1932 г. достиг 52,5%. По электрификации промышленности СССР значительно обогнал ряд передовых капиталистических стран. Это показывает даже сопоставление с данными за 1929 г., когда капиталистическое хозяйство только еще вступало в период современного кризиса.

● Коэффициенты электрификации промышленности

Годы		(в процентах)
1932	СССР	71,2
1929	Англия	49,0
1929	Америка	78,3

Общий физический объем промышленной продукции в СССР за первую пятилетку увеличился значительно больше чем в 2 раза (2,18). В то же время общий физический объем продукции в капиталистических странах уменьшился на 33% (67%).

Удельный вес социалистического сектора в сельском хозяйстве в посевах возрос к 16-й годовщине до 88%, а в товарно-зерновой продукции к 16-й годовщине нами создано больше 227 тыс. колхозных хозяйств, 5 тыс. совхозов и около 2,6 тыс. машинно-тракторных станций.

На базе этих колоссальных достижений, технической и социальной реконструкции страны значительно повысился материально-культурный уровень трудящихся Страны советов. Ликвидирована безработица. Количество рабочих и служащих за первую пятилетку увеличилось в 2 раза (1928 г. — 11,59 млн., 1932 г. — 22,8 млн. чел.). Среднегодовая зарплата возросла за пятилетку на 103,6%. Фонды социального страхования выросли в 4 раза. Потребление трудящихся масс возросло. Сильно выросла сеть яслей, детских. Развертывание общественного питания достигло колоссальных размеров. Возросло количество учащихся в низшей, средней и высшей школах в огромной степени. Число грамотных возросло до 90%.

Приводимые цифры конечно далеко не полно характеризуют все сдвиги, происшедшие в СССР, но и они говорят убедительно о победоносном и бурном развертывании социалистического строительства СССР.

Убедительность успехов социалистического строительства в СССР делается еще более четкой, резкой и глубокой при сопоставлении с тем, что говорят цифры о состоянии капиталистического мира. Пусть капиталистический мир стыдливо прячет их от посторонних глаз, пусть он их «приглаживает, причесывает», чтобы они выглядели как можно прилично при появлении их в свет. Они не могут скрыть его банкротства. Они не могут скрыть все увеличивающейся колоссальной безработицы, падения производства, падения внешней торговли, катастрофически растущего обнищания масс... Временный подъем продукции, небольшое сокращение безработицы и другие признаки якобы начинающегося улучшения конъюнктуры в ряде стран за апрель — июнь 1933 г. вследствие роста военной промышленности и некоторых сезонных явлений быстро сменились еще большими ухудшениями. Установление в ряде стран фашистской диктатуры является показателем не укрепления буржуазии, а разрастающейся катастрофы; Борьба двух миров: одного — капиталистического, у которого все в прошлом, а в настоящем и в будущем — катастрофа, и другого — социалистического, у которого все в настоящем и еще более в будущем, — борьба их неизбежно складывается не в пользу первого. Не сегодня — завтра капитализм в кровавой схватке со своим могильщиком — пролетариатом — падет под ударом последнего.

СССР продолжает развертывание социалистического строительства. СССР вступил во вторую пятилетку, основной политической задачей которой «является окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще, полное уничтожение причин, порождающих классовые различия и эксплуатацию, и преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового, социалистического общества» (из резолюции XVII партконференции).

«1933 год — первый год второй пятилетки, пятилетки построения бесклассового общества. Осуществление основных задач второй пятилетки возможно лишь на базе дальнейшего развертывания технической реконструкции всего народного хозяйства, на базе освоения огромных достижений первой пятилетки».

«В период первой пятилетки мы сумели организовать энтузиазм, пафос нового строительства и добились решающих успехов. Это очень хорошо. Но теперь этого недостаточно. Теперь это дело мы должны дополнить энтузиазмом, пафосом освоения новых заводов и новой техники, серьезным поднятием производительности труда, серьезным сокращением себестоимости. В этом теперь главное. Ибо только на этой базе мы сможем добиться, скажем, ко второй половине второй пятилетки нового мощного разбега как в области строительства, так и в области прироста промышленной продукции» (из доклада т. Сталина на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), январь 1933 г.).

Одним из основных процессов второй пятилетки является процесс освоения новой техники, новых заводов, новых социалистических форм производства в сельском хозяйстве.

В первую пятилетку СССР вступил в период социализма, построил фундамент социалистической экономики. В первую пятилетку получили развертывание и стали преобладающими совхозная и колхозная формы хозяйства. Создана советская торговля и т. д. Развернуты, созданы новые формы хозяйства, которых до сих пор в истории человечества не было и не могло быть.

Процесс освоения, укрепления, развития новых форм хозяйства является задачей второй пятилетки, а следовательно и первого года второй пятилетки.

«Колхозы и советы представляют лишь формы организации, правда, социалистические, но все же формы организации. Все зависит от того, какое содержание будет влито в эти формы» (Сталин).

То же и в отношении советской торговли, «торговли без спекулянтов — малых и больших». Классовый враг, прокравшись сюда, может использовать ее в своих целях, может вливать свое содержание.

Проблема освоения, укрепления, развития этих новых форм хозяйства, проблема наполнения их нашим, большевистским, социалистическим содержанием является одной из важнейших проблем настоящего периода социалистического строительства.

Мы должны их наполнить большевистским содержанием.

Вот почему эта проблема в огромной степени является проблемой людей, проблемой кадров и в первую очередь партийных кадров.

«Многие наши товарищи переоценили колхозы как новую форму хозяйства, переоценили и превратили их в икону. Они решили, что коль скоро даны колхозы как социалистическая форма хозяйства, то этим уже дано все, этим уже обеспечены правильное ведение дела колхозов, правильное планирование колхозного хозяйства, превращение колхозов в образцовые социалистические хозяйства. Они не поняли, что колхозы в смысле своего организационного устройства все еще слабы и нуждаются в серьезной помощи со стороны партии как в смысле снабжения их проверенными большевистскими кадрами, так и в смысле текущего руководства колхозными делами» (Сталин, О работе в деревне).

И проблема проверенных большевистских кадров является одной из важнейших, решающих проблем на всех участках социалистического хозяйства: и в сельском хозяйстве, и в промышленности, и в торговле. Вот почему партия, вступая во вторую пятилетку, продолжая развернутое наступление по всему фронту, на всех участках фронта проверяет свои ряды, выбрасывает из своих рядов всех примазавшихся, всех разложившихся, всех колеблющихся. Осваиваются огромные достижения первой пятилетки, развертывается дальнейшее наступление. И всякий коммунист, стоящий на том или другом участке социалистического хозяйства, должен крепко, по-большевистски вести работу на нем, наполнять ее нужным нам содержанием и давать резкий отпор каждой попытке классового врага наполнить ее враждебным нам содержанием, направить ее против нас. Это одно из неперемных условий освоения и развития социалистических форм хозяйства.

Вот почему партия посылает проверенных, крепких большевиков в политотделы МТС, совхозов, политотделы транспорта и т. д. Вот почему партия проверяет свои ряды. Чистка рядов партии, как указывал т. Каганович, является показателем не ее слабости, а ее

мощи. Она должна явиться основанием для еще большего роста ее мощи. Вот почему январский пленум ЦК и ЦКК, намечая основные линии плана 1933 г., подчеркивает: «Успешное выполнение плана 1933 г. требует от всех парторганизаций беспощадной борьбы со всеми проявлениями сопротивления классового врага политике партии, укрепления единства рядов партии, решительного отпора всем антипартийным настроениям и чистке их от переродившихся и ставших чуждыми партии элементов» (из резолюции январского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б)).

Выполнение плана 1933 г. успешно разворачивается. Но для еще большего его развертывания и перевыполнения необходимо точное и тщательное проведение в жизнь решений ЦК и СНК по управлению и руководству производственными предприятиями. Уничтожение канцелярско-бюрократического метода управления и руководства предприятиями, укрепление производственно-территориального принципа руководства и уничтожение функциональщины в деле управления хозяйственными предприятиями являются необходимым условием успешного движения вперед по линии развертывания социалистического наступления в новых условиях периода второй пятилетки.

Лучшие инженеры, лучшие партийцы, лучшие организаторы и руководители перебрасываются на производство. И в этом направлении должна идти и идет перестройка методов управления и руководства производственными предприятиями. Успехи обеспечиваются максимально сейчас этим путем, путем перестройки аппарата и социалистической организации труда. И здесь решение проблемы зависит от людей, от их расстановки, от проверенности и крепости кадров на производстве.

Прсверка рядов партии сыграла немалую роль в деле успешного выполнения плана 1933 г.

Рабочие, инженеры и техники шахты «Бутовка» им. Л. М. Кагановича пишут вождю партии т. Сталину письмо о своих достижениях. Они до июля не могли выйти из глубокого прорыва. Проверив и перестроив свои ряды и систему организации труда и руководства, они успешно ликвидировали прорыв.

Месяцы	Колич. тонн	% выполн плана
Апрель	512	76,7
Май	580	90,3
Июнь	545	90,8
Июль	539	89,9
Август	613	102,2
Сентябрь	662	104,6

Такая же картина и по другим показателям. Они пишут, что победа, сдержанная ими, далась в жестокой борьбе с классовым врагом, переодевшимся в шахтерскую блузу и прикрывшимся партийным билетом. Враг стремился сорвать проведение решения ЦК ВКП(б) и СНК по углю и этим самым ударить по угледобыче.

«Однако благодаря работе партийной организации, благодаря проходящей чистке партии, благодаря тому, что мы насторожились в отношении враждебных элементов и дезорганизаторов производства, мы крепко ударили по врагам рабочего класса, изгнав их из шахты» («Правда» от 25 октября 1933 г.).

Такой же процесс происходит и на других участках социалистического хозяйства, Добыча угля, стали, чугуна по-большевистски поднимается вверх. Добыча угля по кварталам дает следующую картину в процентах к соответствующим кварталам 1932 г.

I квартал	II квартал	III квартал
97,4	113,7	136,8

Сентябрьская добыча угля превысила добычу за тот же период 1932 г. на 34%. 25 октября Донбасс дал рекордную добычу угля — 154,4 тыс. т, т. е. 99,6% повышенного плана.

По чугуну и стали за три квартала и за сентябрь мы имеем повышение производства в сравнении с прошлым годом (в процентах):

	3 квартала	Сентябрь
Чугун	113,4	122
Сталь	110,3	139

Движение качественных показателей рисует ту же самую картину успеха большевистского наступления на хозяйственном фронте, укрепления и освоения огромных достижений социалистического строительства.

Снижение себестоимости за 6 мес. 1933 г. (в процентах)

	Годовой план	Выполнение
По всей тяжелой промышленности	5,0	2,6
По машиностроению	8,5	11,6

Ярким примером процесса освоения и большевистского руководства этим процессом является работа завода им. Сталина. Из 7 500 видов инструментов завод освоил 7 499.

Движение продукции Сталинского завода, Горьковского завода, Челябинского тракторного и т. д. упорно идет вверх. Тот же процесс идет и в сельском хозяйстве. И здесь мы достигли огромных успехов. Под твердым руководством большевистской партии укрепилось и разворачивается колхозное и совхозное хозяйства. Процесс большевистского освоения этих форм производства идет вглубь и вширь.

Всем социалистическим сектором (колхозами и совхозами) в сельском хозяйстве в 1933 г. засеяно 88,4% всех посевов. Количество колхозов равняется 225 тыс. Колхозы крепко становятся на ноги, и задача, четко сформулированная т. Сталиным, — сделать все колхозы большевистскими, а колхозников — зажиточными, чрезвычайно быстрыми темпами воплощается в жизнь. Стали далеко не редкостью колхозы, в которых колхозник получает на один трудодень 8 кг хлеба и больше. Чаще начинают встречаться колхозы, где колхозник получает даже 14 — 16 кг на трудодень.

Процесс большевистского наступления идет. Разворачивается социалистическое строительство на всех участках огромной Страны советов. С большевистским упорством идет освоение новых социальных форм, новой техники. Ставятся мировые рекорды. 17 лет пролежавший на дне моря «Садко» подымается Эпроном на поверхность моря. Большевистские машины прокладывают путь через пустыню Кара-Кум. Большевистский стратостат подымается на высоту 19 км.

В свете всех этих огромных достижений ярко раскрываются перед глазами трудящихся капиталистических стран огромные преимущества Страны советов, строящей новый мир, где уже нет эксплуатации и эксплуатируемых, где не будет классов. Эти преимущества Страны советов показали, «какие богатые силы таятся в массе трудящихся, в разнообразии трудовых коммун большого государства, в интеллигентских силах, которые до сих пор работали, как мертвые, безгласные исполнители предначертаний капиталистов, какие силы таятся и могут развернуться при социалистическом устройстве общества» (Ленин, Первоначальный набросок к «Очередным задачам советской власти»):

Страна советов показывает путь, по которому должны пойти трудящиеся всего мира, для того чтобы навсегда покончить с царством нищеты, голода и рабства.

Итоги 16-летнего социалистического строительства, проводившегося в условиях жестокой классовой борьбы, под руководством коммунистической партии, партии Ленина, под руководством вождя мирового пролетариата т. Сталина, показывают, что основным условием этих успехов являются идейная вооруженность партии, ее монолитность, ее самоотверженность. Она непобедима, если она знает, чего она хочет, и неуклонно ведет и организует массы для достижения великих чаяний пролетариата. Она непобедима, если ряды ее дисциплинированы и если она ведет беспощадную борьбу с контрреволюционным троцкизмом, со всякими уклонами, с правым оппортунизмом как главной опасностью в период наступления социализма по всему фронту, равно как и с «левым» оппортунизмом. Она непобедима, если она борется и обеспечивает не только железную дисциплину в своих рядах, но и государственную дисциплину в масштабе всего государства.

ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА И ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ*

(К итогам первой пятилетки)

«В результате неуклонного проведения политики индустриализации и развернутого социалистического наступления по всему фронту рабочий класс СССР под руководством большевистской партии успешно выполнил основную задачу пятилетки — создание собственной передовой технической базы для социалистической реконструкции всего народного хозяйства»¹.

Успехи технической реконструкции обусловили коренное изменение хозяйственного лица страны, превращение СССР из аграрной страны в индустриальную. «СССР из страны аграрной превратился в страну индустриальную, что укрепило экономическую независимость страны, ибо СССР получил возможность решающую часть необходимого оборудования производить на своих собственных предприятиях»².

Техническая реконструкция промышленности наряду с успешным проведением политики сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса дала возможность подвести новейшую техническую базу под социалистическое сельское хозяйство.

«За последние 4 года организовано 2 446 машинно-тракторных станций, снабженных современными орудиями труда, мастерскими для ремонта, автомобилями и т. д.»³.

Техническая реконструкция явилась исходным пунктом для быстрого роста технических кадров СССР.

Успехи в области технической реконструкции народного хозяйства и создания новых технических кадров явились результатом творческой активности, энтузиазма и самоотверженности миллионов трудящихся масс, последовательного проведения генеральной линии партии и наконец особых преимуществ, присущих социалистическому хозяйству.

«Где те основные силы, которые обеспечили нам эту историческую победу, несмотря ни на что?»

Это прежде всего активность и самоотверженность, энтузиазм и инициатива миллионных масс рабочих и колхозников, развивших вместе с инженерно-техническими силами колоссальную энергию по развертыванию социалистического соревнования и ударничества. Не может быть сомнения, что без этого обстоятельства мы не могли бы добиться цели, не могли бы двинуться вперед ни на шаг.

Это, во-вторых, твердое руководство партии и правительства, звавших массы вперед и преодолевших все и всякие трудности на пути к цели.

* Статья одновременно печатается в сборнике Института экономики Комкадемии «Техническая реконструкция в первой пятилетке».

¹ Из решений январского пленума ЦК и ЦКК.

² Там же.

³ Там же.

Это наконец особые достоинства и преимущества советской системы хозяйства, таящей в себе колоссальные возможности, необходимые для преодоления всех и всяких трудностей.

Таковы три основные силы, определившие историческую победу СССР»⁴.

1. Экономика и техника при капитализме

Прежде чем приступить к рассмотрению вопроса о техническом перевооружении социалистического хозяйства в период первой пятилетки, остановимся несколько на общем вопросе о соотношении между техникой и экономикой.

Здесь прежде всего необходимо отметить исторический характер средств труда, обусловленность развития техники производственными отношениями, понимаемая под техникой средства труда, являющиеся продуктом человеческого труда (т. е. кроме земли), и соответствующие им методы производства.

Маркс подчеркивает то обстоятельство, что средства труда являются показателем общественных отношений. «Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда. Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд»⁵. Но средства труда являются показателем общественных отношений именно потому, что, с одной стороны, они составляют материальный базис этих отношений, с другой — они сами обусловлены этими отношениями.

В другом месте I тома «Капитала» Маркс говорит следующее: «Технология раскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а следовательно и общественных отношений его жизни и вытекающих из них духовных представлений»⁶.

Это место из «Капитала» объясняет, почему средства труда являются показателем общественных отношений и материальной основой их.

В первоначальных набросках I тома «Капитала», напечатанных в «Архиве Маркса и Энгельса», т. II (VII), Маркс с необычайной яркостью подчеркивает роль новой техники в конституировании капиталистического способа производства. Маркс различает так называемое формальное и реальное подчинение труда капиталу. Формальное подчинение труда капиталу Маркс характеризует следующим образом:

«Процесс труда становится средством процесса увеличения стоимости, процесса самовозрастания стоимости капитала — производства прибавочной стоимости. Процесс труда подчиняется капиталу (это — его собственный процесс), и капиталист вступает в него как управляющий, как руководитель; и этот процесс есть для него вместе с тем непосредственно процесс эксплуатации чужого труда. Это я называю формальным подчинением труда капиталу. Это — в с е о б щ а я форма всякого капиталистического процесса производства; но это вместе с тем о с о б е н н а я форма н а р я д у с р а з-

⁴ Сталин, Доклад на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7—15 января 1933 г., «Материалы объединенного пленума...», стр. 34.

⁵ Маркс, Капитал, т. I, стр. 122.

⁶ Там же, стр. 281.

витым специфически капиталистическим способом производства, так как последний включает в себя первую, между тем как первая вовсе не включает в себя обязательно последнюю»⁷.

Маркс подчеркивает, что при формальном только подчинении труда капиталу в реальном процессе производства еще не наступает существенных изменений, Наоборот, формальное подчинение процесса труда капиталу происходит на основе того процесса труда, который существовал до подчинения его капиталу⁸.

Формальному подчинению труда капиталу соответствует возможность получения прибавочной стоимости лишь «путем удлинения рабочего времени, стало быть в виде абсолютной прибавочной стоимости»⁹.

При формальном подчинении труда капиталу еще нет специфически капиталистического способа производства. «Тот факт, что труд становится интенсивнее или увеличивается продолжительность процесса труда, что труд становится более непрерывным и под наблюдением заинтересованного капиталиста более упорядоченным и т. д., сам по себе не изменяет характера самого реального процесса труда, реального способа труда. Таким образом это составляет большой контраст развивающемуся, как показано, в дальнейшем ходе капиталистического производства специфически капиталистическому способу производства (труд в крупном масштабе и т. д.), который одновременно с отношением различных агентов производства революционизирует способ этого труда и реальный характер всего процесса труда»¹⁰.

Исходным пунктом возникновения специфически капиталистического способа производства, создания наряду с формальным подчинением труда капиталу еще реального подчинения труда капиталу является увеличение масштаба производства сперва на базе мануфактурного разделения труда, а затем на основе внедрения машин, имеющее место в результате того, что мелкие, прежде самостоятельные производители переходят под власть и команду капиталиста. Это расширение масштаба и образует реальный базис, на котором возникает специфически капиталистический способ производства при прочих благоприятных исторических условиях, как например условия XVI в., хотя спорадически, не будучи господствующим в обществе, он конечно может появляться в отдельных пунктах внутри прежних общественных форм»¹¹.

Но переход к реальному подчинению труда капиталу требует помимо новых масштабов также новой техники. «Общая характерная черта формального подчинения остается, а именно — прямое подчинение процесса труда капиталу, каким бы технологическим способом он ни происходил. Однако на этом базисе возникает технологически и в других отношениях специфический, образующий реальную природу процесса труда и его реальные условия способ производства — капиталистический способ производства. Лишь с возникновением последнего имеет место реальное подчинение труда капиталу»¹².

⁷ «Архив Маркса и Энгельса», т. II (VII), стр. 89—91; разрядка наша.

⁸ Там же, стр. 93.

⁹ Там же, стр. 95.

¹⁰ Там же; разрядка наша.

¹¹ Там же, стр. 95—97.

¹² Там же, стр. 119.

«С реальным подчинением труда капиталу происходит полная (и постоянно продолжающаяся и повторяющаяся) революция в самом способе производства, в производительности труда и в отношениях капиталиста и рабочего».

Соответственно этому наряду с производством абсолютной прибавочной стоимости возникает производство относительной прибавочной стоимости.

«Реальное подчинение труда капиталу развивается во всех тех формах, которые развивают относительную прибавочную стоимость в отличие от абсолютной»¹³.

В ряде мест рукописи «Капитала» Маркс подчеркивает диалектическую связь, существующую между капиталистическими производственными отношениями и новой техникой. С одной стороны, капиталистический способ производства приводит к созданию новой, адекватной ему техники, способа материального производства. С другой стороны, создание новой техники, изменение способа материального производства является основой укрепления и развития капиталистических производственных отношений. В основе развития производственных отношений лежит изменение самих производительных сил. «Развиваются социальные производительные силы труда и вместе с трудом в крупном масштабе развивается применение науки и машин в непосредственном производстве. С одной стороны, капиталистический способ производства, который теперь складывается как способ производства особого рода, создает измененный образ материального производства. С другой стороны, это изменение материального образа составляет базис для развития капиталистического отношения, адекватный образ которого поэтому соответствует определенной степени развития производительных сил труда»¹⁴.

Противоречие между общественным характером производства и капиталистической формой присвоения, являющееся главной характеристикой капитализма и основой всех его противоречий, лежит также в основе развития производительных сил капитализма вообще и в частности его техники. Развитие техники при капитализме несет на себе печать капиталистических противоречий.

«Противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением выступило как антагонизм между буржуазией и пролетариатом»¹⁵. Отсюда — классовый характер развития техники при капитализме, специфические, присущие лишь капитализму ограничения развития техники, исторический и классовый характер самой техники капитализма как таковой.

Классовый характер развития техники при капитализме и классовый характер самих средств труда при капитализме является основой ограничений в развитии техники.

Сюда относятся прежде всего ограничения, вытекающие из специфических движущих мотивов развития техники при капитализме — прибыли и индивидуальной сверхприбыли как стимулов внедрения технических усовершенствований. Ограничения эти проявляются в специфических границах замещения рабочих машинами при капитализме, в границах, которые ставит развитию техники борьба капиталистов,

¹³ «Архив Маркса и Энгельса», т. II (VII), стр. 121.]

¹⁴ Там же, стр. 119.

¹⁵ Э н г е л ь с, Анти-Дюринг, III отдел, гл. II, изд. 1923 г., Гиз., стр. 246.

в особенности в условиях капиталистических монополий, против обесценений основного капитала, против морального снашивания и т. д.

При капитализме «рабочий относится к общественному характеру своего труда ради общей цели, его комбинации с трудом других, как к некоторой чуждой ему силе; условием осуществления этой комбинации является чуждая рабочему собственность, расточение которой нисколько не затрагивало бы интересов рабочего, если бы его не принуждали экономизировать ее. Совершенно иначе обстоит дело на фабриках, принадлежащих самим рабочим, например в Рочдэле»¹⁶.

Капиталистическая система фактически означает устранение многомиллионных масс пролетариата от активного участия в развитии техники в силу того, что у рабочей массы отсутствуют стимулы к созданию технических усовершенствований, так как дело касается чужой и враждебной рабочему собственности — все результаты технических улучшений используются капиталом, служат усилению его власти, усилению порабощения рабочего класса.

С антагонистическим характером капиталистического производства теснейшим образом связана капиталистическая система разделения труда. Техника в условиях капитализма используется для укрепления капиталистической иерархии в сфере производства, для закрепления частичного характера труда и «бессодержательной специализации», основанной на противоположности физического и умственного труда и выражающейся, с одной стороны, в отрыве рабочих от духовных потенций производства, с другой — в характерном для капитализма отрыве науки от практики.

Противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением проявляется так же, «как противоположность между организацией производства в отдельной фабрике и анархией производства во всем обществе»¹⁷. Поскольку дело касается развития техники при капитализме, это противоречие выражается в ограничениях развития техники, проистекающих из специфических форм движения капиталистического производства.

Сюда относятся ограничения развития техники, вытекающие из анархии производства, стихийности хозяйственного развития при капитализме, из неравномерности развития техники промышленности и техники сельского хозяйства, техники тяжелой и легкой индустрии, техники добывающей и обрабатывающей промышленности, техники различных предприятий внутри отдельных отраслей и наконец из неравномерности технического развития различных звеньев производственного процесса внутри отдельных предприятий.

Следствием ограничений развития техники, вытекающих из специфических форм движения, равно как и из специфических движущих мотивов развития техники при капитализме, является также извращенность форм развития техники, выражающаяся в незавершенности прогрессивных тенденций технического развития (в частности тенденции к автоматизации) и в том, что развитие техники при капитализме часто проходит в стороне от большой дороги технического прогресса, уклоняясь в сторону форм, не имеющих ничего общего с технической рациональностью, а проистекающих из осо-

¹⁶ Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, стр. 47, Партиздат, 1932 г.; разрядка наша.

¹⁷ Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 248; разрядка наша.

рых условий конкуренции при капитализме, условий реализации, сбыта и т. д.

Наиболее яркое выражение противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением получает в кризисах и циклической форме воспроизводства. «В кризисах сказывается доведенное до стихийного столкновения противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением»¹⁸. Циклический характер воспроизводства ставит границы развитию производства и тем самым развитию техники. Технический регресс капитализма в период современного кризиса является ярчайшей иллюстрацией задерживающего влияния кризисов на развитие техники.

Высшая форма развития капитализма — империализм — создает специфические границы развития техники, выражающиеся, по определению Ленина, в загнивании техники.

Капиталистические монополии являются оковами технического прогресса. «Как мы видели, самая глубокая экономическая основа империализма есть монополия. Это монополия капиталистическая, т. е. выросшая из капитализма и находящаяся в общей обстановке капитализма, товарного производства, конкуренции, в постоянном и безысходном противоречии с этой общей обстановкой. Но тем не менее, как и всякая монополия, она порождает неизбежно стремление к застою и загниванию: поскольку устанавливаются хотя бы на время монопольные цены, постольку исчезают до известной степени побудительные причины к техническому, а следовательно и всякому другому прогрессу, движению вперед; постольку является далее экономическая возможность искусственно задерживать технический прогресс»¹⁹.

Таким образом противоречия развития техники при капитализме являются выражением противоречия между развитием производительных сил и производственными отношениями капитализма. Правильный анализ закономерностей развития техники как элемента производительных сил при капитализме требует поэтому рассмотрения этого развития под углом зрения определяющего влияния капиталистических производственных отношений.

Иначе ставит вопрос т. Бухарин. Он устанавливает три типа противоречий в развитии техники при капитализме.

I. Противоречия имманентного движения, «самодвижения», техники, развития ее в соответствии с внутренними, присущими движению самой техники противоречиями. Сюда т. Бухарин относит: а) противоречие между орудием труда и предметом труда; б) противоречие между машиной и материалом для ее производства; в) противоречие между частями машины; г) противоречие между сконструированной машиной и данными техническими возможностями ее производства; е) противоречие между техническими основами разных отраслей производства и т. д.»²⁰.

II. Противоречия движения таких форм, «где техника переходит в экономику». Сюда т. Бухарин относит: а) противоречие между техникой, системой орудий труда и рабочей силой (ее квалификацией); б) противоречие между техникой и строем технического разделения труда внутри данной производственной единицы; в) противоречие

¹⁸ Э н г е л ь с, Анти-Дюринг, стр. 251.

¹⁹ Л е н и н, Империализм, Собр. соч., т. XIII, стр. 314.

²⁰ Б у х а р и н, Техника и экономика современного капитализма, стр. 11—12.

между техникой и размерами предприятия; д) противоречие между техникой и общественным разделением труда»²¹.

III. Наконец третья группа противоречий — это противоречия между техникой и экономикой капитализма.

Такое деление ошибочно. Бухарин отделяет китайской стеной первую и вторую группы противоречий от противоречия между техникой и экономикой. Между тем так называемые технические противоречия находятся в тесной связи с противоречием между техникой и экономикой, занимая по отношению к нему подчиненное место. С другой стороны, противоречия, относимые т. Бухариным ко второй группе, суть конкретные выражения противоречия между техникой и экономикой, являющегося частью основного противоречия между производительными силами и производственными отношениями капитализма.

Ошибочность бухаринского анализа закономерностей развития техники при капитализме является прежде всего результатом того, что т. Бухарин исходит из ошибочных методологических позиций, свойственных всей его теоретической концепции и нашедших свое отражение во всех его основных работах.

Здесь нужно прежде всего отметить характерное для т. Бухарина отождествление производительных сил с техникой.

Игнорирование рабочей силы как элемента производительных сил неизбежно ведет к игнорированию внутренней связи между производительными силами и производственными отношениями капитализма. Связь эта осуществляется рабочей силой, которая является элементом производительных сил в системе капиталистических производственных отношений, диалектически сочетает в себе производительную силу и одну из антагонистических сторон производственных отношений капитализма. Игнорирование этой внутренней связи производственных отношений и производительных сил приводит т. Бухарина к игнорированию классового характера производительных сил при капитализме и в частности техники. Это наложило свою печать на весь ход рассуждений т. Бухарина. В частности отсюда у т. Бухарина вытекают технизация процесса труда, технизация общественного разделения труда, технизация концентрации производства, рассмотрение технических противоречий в отрыве от производственных отношений капитализма.

Отрыв противоречий между техникой и квалификацией рабочей силы, между техникой и «строем технического разделения труда» (Бухарин), между техникой и размерами предприятий, между техникой и общественным разделением труда, а также технических противоречий от противоречия между техникой и экономикой капитализма, приводящий т. Бухарина к игнорированию классового характера этих противоречий, является яркой иллюстрацией ошибочности методологических позиций т. Бухарина.

Несмотря на указание, что все частичные противоречия движутся в рамках основного противоречия, Бухарин фактически рассматривает технические противоречия как самостоятельные, как противоречия «самодвижения» техники, изолированно от экономики и ищет разрешения этих противоречий в пределах самой техники. Такой подход превращает технику в самостоятельный фактор общественного развития, что ведет к эклектизму. Техника имеет свою специфику развития, обусловленную природой самого объекта. Так называемые технические противоречия суть форма противоречия между

²¹ Бухарин, Техника и экономика современного капитализма, стр. 15.

производительными силами и производственными отношениями капитализма (а тем самым также противоречия между техникой и экономикой, являющегося частью основного противоречия). Трактовка технических противоречий как противоречий «самодвижения» техники в отрыве от противоречия между техникой и экономикой и тем самым в отрыве от основного противоречия капитализма является прямым результатом характерной для всей системы взглядов т. Бухарина технизации производственных отношений. Отсюда т. Бухарин приходит к возведению технических противоречий в абсолют, присущей всем типам хозяйства, выхолащиванию исторического и классового содержания этих противоречий, что характерно для механицизма.

Для того чтобы показать, что данная нами оценка бухаринской трактовки противоречий «самодвижения» техники при капитализме не является голословной, разберем конкретные примеры, приводимые т. Бухариным в подтверждение его мысли об имманентных движению самой техники противоречиях.

1. В качестве примера противоречий между орудием труда и предметом труда т. Бухарин приводит противоречие между американским зеленосемянным хлопком — предметом труда — и примитивными орудиями очистки его, вызывавшими громадные потери труда. Противоречие было снято изобретением машины Уитни, в результате которого экспорт хлопка из Америки увеличился с 63 тыс. кг до 8 200 тыс. кг в 1800 г.²² На деле это противоречие не есть какое-то самостоятельное имманентное движению самой техники противоречие. В основе здесь лежит противоречие между возросшими масштабами текстильного производства на базе характерного для тогдашней стадии капитализма роста внутреннего и мирового рынков, которое требовало соответствующего увеличения количества сырья-хлопка, и примитивными орудиями очистки хлопка, тормозившими этот рост. В основе здесь лежит таким образом экономическое противоречие, получившее свое отражение в технической сфере в форме противоречия между зеленосемянным хлопком и примитивными орудиями очистки его. Тов. Бухарин видит имманентное движению самой техники противоречие там, где на деле за этой кажущейся «имманентностью» стоит переложенное на «технический язык» противоречие между производительными силами и производственными отношениями, в частности противоречие техники и экономики, несоответствие средств труда требованиям, выдвигаемым данным уровнем развития капитализма.

2. Другое противоречие «самодвижению» техники, приводимое в качестве примера т. Бухариным, — противоречие между машиной и материалом для ее производства. Тов. Бухарин представляет дело таким образом, что замена дерева железом, а впоследствии железа качественной сталью явилась результатом закономерной «самодвижения» техники. На деле это было результатом действия имманентной капитализму тенденции к повышению абсолютной и относительной прибавочной стоимости путем ускорения производственных процессов, а также тенденции к экономии на постоянном капитале. Замена дерева железом, а затем — уже значительно позже — железа качественной сталью дала возможность повысить скорости работы машин, а также перейти к более прочным и долговечным, а следовательно (в определенных пределах) и более выгодным орудиям производства.

²² Бухарин, Техника и экономика современного капитализма, стр. 12.

3. Третье противоречие «самодвижения» техники — противоречие между частями машин²³.

Введение паровой машины явилось, как отмечает Маркс²⁴, второй революцией после революции в исполнительном механизме, которой характеризуется промышленный переворот конца XVIII в., и связано с ним. Здесь было налицо техническое противоречие между претерпевшим революцию исполнительным механизмом, с одной стороны, и человеческой или животной двигательной силой — с другой. Но это техническое противоречие нельзя рассматривать изолированно и трактовать его как источник «самодвижения» техники; оно является отражением в технической сфере противоречия между производительными силами и производственными отношениями, звеном процесса создания технического аппарата, адекватного капиталистическим производственным отношениям.

Маркс неоднократно указывал на то, что революция в исполнительном механизме составила материально-техническую базу промышленного переворота, явилась результатом предшествующего и основой последующего развития капиталистических отношений. Революция в области двигательного механизма, непосредственно вытекающая из революции в исполнительном механизме, является следующим этапом процесса разрешения противоречия между потребностями развития капитализма и несоответствующей ему технической базой.

Само техническое противоречие между двигательным и исполнительным механизмами может быть правильно понято лишь в свете всего технического переворота, имевшего место в конце XVIII и первой половине XIX в. и означавшего создание адекватной капитализму технической базы.

4. Следующее противоречие «самодвижения» техники у т. Бухарина — противоречие между сконструированной машиной и данными техническими возможностями для ее производства²⁵. В качестве одного из примеров этого противоречия «самодвижения» техники Маркс приводит противоречие между машинным производством во всех важнейших отраслях промышленности, с одной стороны, и ремесленно-мануфактурным способом производства машин — с другой. Это противоречие было разрешено созданием машинного производства машин. Является ли это противоречие противоречием «самодвижения» техники, противоречием, имманентным развитию самой техники? Отнюдь нет.

Говоря о противоречии между машинным производством и несоответствующим ему материальным базисом (ремесленным и мануфактурным производством машин), Маркс исходит, во-первых, из решающей роли экономических противоречий, во-вторых, из того, что заключающееся здесь техническое противоречие всецело обусловлено капиталистическими производственными отношениями.

Маркс говорит об этом следующее: «Следовательно машинное производство первоначально возникло на несоответствующем ему материальном базисе. На известной ступени развития оно должно произвести переворот в этой основе, которую оно нашло готовой и вырабатывало дальше, сохраняя ее старую форму, и создать для себя новый базис, соответствующий его собственному способу производства»²⁶.

²³ Бухарин, Техника и экономика современного капитализма, стр. 13.

²⁴ Тетради по технике

²⁵ Бухарин, Цитированная работа, стр. 14.

²⁶ Маркс, Капитал, т. I, стр. 289.

Конкретизируя это свое положение, Маркс отмечает здесь прежде всего экономическое противоречие. Это экономическое противоречие заключается, во-первых, в противоречии между дороговизной машин как следствием мануфактурного способа их производства и потребностями капиталистического развития и, во-вторых, в том, что при ремесленно-мануфактурном способе производства машин расширение производства зависело от возрастания числа рабочих с искусной квалификацией, которое могло происходить не скачками, а лишь постепенно, тогда как капитализм развивается циклически, т. е. скачкообразно.

«Не говоря о дороговизне машин как следствии такого (т. е. ремесленного и мануфактурного — *Е. Г.*) способа их происхождения, обстоятельство, которое как сознательный мотив оказывает определяющее влияние на капитал, — дальнейшее расширение промышленности, которая приобрела уже машинный характер, и проникновение машин в новые отрасли производства всецело зависели благодаря этому от такого условия, как возрастание этой категории рабочих, которая вследствие полуартистического характера ее занятий может увеличиваться не скачками, а лишь постепенно»²⁷.

Таким образом, в основе перехода от ремесленного и мануфактурного способа производства машин к машинному производству их лежало, как мы видим, прежде всего чисто экономическое противоречие, проистекавшее из потребностей капитализма в удешевлении машин и из условий, связанных с циклическим характером его воспроизводства.

Наряду с этим Маркс констатирует и техническое противоречие между развитием крупной промышленности и ее ремесленным и мануфактурным базисом.

«Но на известной ступени развития крупная промышленность попадает и в техническое противоречие (разрядка наша — *Е. Г.*) со своим ремесленным и мануфактурным базисом. Увеличение размера двигательных машин, передаточного механизма и рабочих машин; увеличение сложности и многообразия; более строгая правильность составных частей рабочей машины, возрастающая по мере того, как последняя порывает со своим ремесленным образом, первоначально всецело определявшим ее конструкцию, и приобретает свободную форму, определяемую исключительно ее механической задачей; развитие автоматической системы и все более неизбежное и растущее применение материала, труднее поддающегося обработке, например железа вместо дерева, — вот те естественно выросшие задачи, разрешение которых повсюду наталкивалось на рамки, которые обуславливаются зависимостью работ от личности рабочего и которые даже комбинированный рабочий персонал в мануфактуре мог лишь несколько раздвинуть, но не уничтожить по существу»²⁸.

Таким образом налицо техническое противоречие, которое, казалось бы, должно было оправдать изолированную трактовку т. Бухариным противоречий «самодвижения» техники. Однако более внимательный подход к рассмотрению этого технического противоречия вскрывает обусловленность его в целом и его отдельных элементов от экономики, от противоречия между капиталистическими производительными силами и капиталистическими производственными отношениями. В самом деле, увеличение размеров двигательных машин, пе-

²⁷ Маркс, Капитал, т. I, стр. 289.

²⁸ Там же, стр. 289—290.

редаточного механизма и рабочих машин, сложности и многообразия машин является непосредственным результатом концентраций производства, вытекающей из основных закономерностей капитализма.

Капиталистическая фабрика основана на техническом единстве, которое предполагает наличие единого двигателя, приводящего в движение все рабочие машины²⁹.

Рост размеров фабрик вызвал соответствующее увеличение размеров двигательных машин и соответственно — передаточного механизма. Концентрация производства привела также к соответственному росту размеров рабочих машин, увеличению их сложности и многообразия, а наряду с тенденцией к ускорению производственных процессов, вытекающей из стремления капитализма к повышению абсолютной и относительной прибавочной стоимости, к более строгой правильности составных частей рабочих машин, развитию автоматизма и т. д., одним словом — к значительному росту технического совершенства орудий труда.

Увеличение сложности и многообразия машин явилось также результатом проникновения капиталистических отношений и соответственной машинной техники в различные отрасли промышленности, до того не схваченные капиталистическим способом производства.

Таким образом мы видим, что само техническое противоречие между машинным производством и его ремесленным и мануфактурным базисом отнюдь не есть противоречие «самодвижения» техники, а является выражением противоречия между производительными силами и производственными отношениями капитализма, переведенного на «технический язык», получившего свое отражение в технической сфере. Иная трактовка вопроса означала бы признание наличия каких-то внеисторических противоречий, присущих развитию средств труда как таковых.

5. Наконец, говоря о противоречиях «самодвижения» техники, т. Бухарин указывает еще на одно противоречие, якобы имманентное движению техники как таковой, — противоречие между техническими основами различных производственных отраслей³⁰. Для критики этого положения т. Бухарина применимо все сказанное о противоречиях между орудиями труда и предметом труда, а также о противоречиях между отдельными частями машин. В частности, касаясь одного из примеров, приведенных т. Бухариным для доказательства своей мысли, необходимо отметить, что не ткацкий челнок сам по себе, а потребность капитализма в создании адекватней технической базы для массового текстильного производства вызвала к жизни прядильную машину. Хотя техническое противоречие между технически совершенным ткацким челноком и ручным прядением налицо, оно лишено самостоятельного характера.

Приведенные выше соображения показывают глубокую ошибочность трактовки технических противоречий как противоречий «самодвижения» техники и противопоставления их противоречию между техникой и экономикой, как это делает т. Бухарин.

Также ошибочно трактовать как самостоятельные и выделять в особую группу (противопоставляя их противоречию между техникой и экономикой) противоречия между развитием вещественных элементов производительных сил и технологическими процессами в их

²⁹ Маркс, Капитал, т. I, стр. 286—287.

³⁰ Бухарин, Цитированная работа, стр. 14.

материально-вещественном выражении, с одной стороны, и рабочими силами и их технической организацией — с другой³¹.

Указанные противоречия суть не что иное, как конкретные выражения противоречия между производительными силами (в том числе техникой) и производственными отношениями капитализма. В данном случае бухаринская постановка вопроса, как и в случае с противоречиями «самодвижения» техники, вытекает из технизации им экономических категорий и приводит к выхолащиванию классового содержания этих противоречий.

Остановимся на конкретном рассмотрении противоречий, относимых т. Бухариным к этой группе.

1. Относимое т. Бухариным ко второй группе противоречие между техникой и квалификацией рабочей силы является отнюдь не техническим или каким-то промежуточным (где «техника переходит в экономику»), а экономическим, классовым противоречием, конкретным выражением общего противоречия между производительными силами и производственными отношениями капитализма. Капитализм дрсит и обесценивает квалификацию рабочей силы, превращает рабочего в частичного рабочего. Капиталистическое производство основано на принципе противоположности физического и умственного труда. Это находит свое техническое подтверждение в специфическом типе машины, являющейся при капитализме орудием порабощения рабочего.

Однако тенденция к обесценению квалификации рабочего приходит в противоречие с потребностями развития передовой техники, в первую очередь автоматической техники, основанной на электрификации, требующей для своего применения высоко квалифицированной рабочей силы. Но это противоречие является не самостоятельным техническим или промежуточным, а чистейшей воды экономическим, классовым противоречием. Это есть противоречие между техникой, носящей на себе печать капитализма, которая развивается, несмотря на ограничения, ставящиеся ее развитию капитализмом (в этом сказывается двойственный характер развития техники при капитализме), и капиталистическими производственными отношениями, сводящее квалификацию рабочей силы к частичной, неполноценной, «бессодержательной специализации»; капитализм, основанный на отделении рабочего от духовных потенций производства, сделал ее таковой. Все противоречие в целом и отдельные элементы его несут на себе печать капиталистических производственных отношений.

Капитализм разрешает это противоречие, но разрешает его только так, как это позволяет ему его классовая природа—односторонне, путем углубления отделения рабочего от духовных потенций производства. Конкретно это происходит в форме создания рабочей аристократии, подкупленной капиталистами, которой поручаются наиболее сложные, требующие наиболее высокой квалификации функции, в то время когда основная масса рабочего класса обречена на занятие в течение всей своей жизни трудом, лишенным всякого содержания.

Такое чисто капиталистическое «разрешение» противоречий приводит соответственно к извращениям в развитии техники, к незавершенности прогрессивных тенденций ее: развитие передовой, в частности автоматической техники направляется по путям, часто не имеющим ничего общего с требованиями технической рациональности, но совпадающим с интересами капитала, с интересами усиления эксплуатации, угнетения и порабощения миллионов масс.

³¹ Бухарин, Цитированная работа, стр. 15.

Бухаринская трактовка противоречия между техникой и квалификацией рабочей силы как самостоятельного, отнесение его в особую группу противоречий, оторванную и противопоставленную противоречию между техникой и экономикой, а тем самым противоречию между производительными силами и производственными отношениями капитализма приводят к тому, что классовые моменты в анализе т. Бухарина оказываются выхолощенными.

Аналогично разрешается т. Бухариным стоящий в той же плоскости вопрос о противоречии между техникой и «техническим» разделением труда, т. е. разделением труда внутри данной производственной единицы. Здесь технизация т. Бухариным производственных отношений сказывается прежде всего в отрыве единичного разделения труда, которое Бухарин называет почему-то техническим, от общественного разделения труда, частью которого оно является³². Единичное разделение труда при капитализме основано на противоположности физического и умственного труда, определяющей не только тип труда рабочего, но и в значительной степени тип развития техники при капитализме. Связь между единичным разделением труда и техникой ярко иллюстрирует обусловленность развития техники производственными отношениями капитализма.

Все эти грандиозного масштаба классовые проблемы, разрешение которых составляет содержание переходного периода от капитализма к социализму (противоположность физического и умственного труда отмирает лишь на высшей фазе развития коммунизма), т. Бухарин заменяет лишёнными всякого классового содержания «противоречиями», которые представляют собою по существу не что иное, как перифразированную на «диалектический» лад формулу теории равновесия.

Первое звено этой формулы — равновесие (квалификация рабочей силы и «техническое» разделение труда адекватны технике).

Второе звено — нарушение равновесия (квалификация рабочей силы и «техническое» разделение труда перестают быть адекватными технике).

Третье звено — восстановление равновесий (квалификация рабочей силы и «техническое» разделение труда снова становятся адекватными технике).

Здесь технизация производственных отношений и механистический отрыв т. Бухариным анализа указанных противоречий от производственных отношений капитализма, трактовка их как самостоятельных противоречий приводят т. Бухарина к тому, что решающую роль в определении квалификации рабочей силы и «технического комбинирования» рабочих сил (т. е. единичного разделения труда — Е. Г.) он приписывает технике.

Развитие самой техники обусловлено потребностями развития капиталистического способа производства, представляющего собою диалектическое единство производительных сил и производственных отношений капитализма.

2. К тому же промежуточному типу противоречий т. Бухарин относит также противоречие между техникой и размерами предприятий. Отнесение этого противоречия к особой группе промежуточных про-

³² Маркс, Капитал, т. I, стр. 264.

творечий и отрыв его от противоречия между техникой и экономикой, являющегося частью основного противоречия между производительными силами и производственными отношениями капитализма, глубоко ошибочно. Противоречие между техникой и размерами предприятий является противоречием чисто экономическим. Это есть противоречие между техникой как элементом производительных сил и частной формой присвоения.

Тов. Бухарин представляет себе дело чрезвычайно просто: техника растет — концентрация увеличивается, техника снова растет — концентрация снова увеличивается³³. Но, рассуждая так, т. Бухарин игнорирует два важнейших момента. Во-первых, то, что условия концентрации являются исходными для роста техники (т. е. что и в данном случае рост техники в конечном счете обусловлен развитием капиталистических производственных отношений, что т. Бухарин обходит)³⁴. Во-вторых, то, что ограничение пределов роста обобществления труда при капитализме (в частности концентрации, комбинирования и т. д.) ставит границы развитию техники. У т. Бухарина этих границ нет, у него концентрация и «техническое комбинирование» растут безгранично.

Таким образом отрыв противоречия между техникой и размерами предприятий от противоречия между техникой и экономикой при капитализме и от основного противоречия между производительными силами и производственными отношениями (или иначе: между общественным производством и капиталистическим присвоением), отнесение этого противоречия к особой, искусственно созданной группе промежуточных противоречий приводит т. Бухарина, во-первых, к игнорированию обусловленности роста техники развитием концентрации — ярчайшего проявления закономерностей капиталистического способа производства; во-вторых, к игнорированию границ развития техники, возникающих на основе специфических границ обобществления труда (прежде всего в форме совместного труда) при капитализме.

Лишь в анализе противоречий между техникой и общественным разделением труда т. Бухарин подходит, — но и то только словесно, а не по существу — к правильной постановке проблемы тем, что он в одном из пунктов (в п. «д») противоречие между движением совокупной техники связывает со всей общественной системой разделения труда при капитализме и с основными противоречиями капитализма. Но только подходит, так как и здесь т. Бухарин ограничивается постановкой вопроса о влиянии техники на общественное разделение труда, а отнюдь не ставит вопроса о роли общественного разделения труда при капитализме в развитии техники. А между тем противоположность физического и умственного труда, характерная для единичного разделения труда, противоположность города и деревни, лежащая в основе общего разделения труда, играют огромную роль в качестве факторов ограничения технического прогресса при капитализме.

Таким образом здесь т. Бухарин снова смазывает классовый характер развития техники при капитализме и границы этого развития, вытекающих из обусловленности развития техники при капитализме антагонистическими производственными отношениями.

³³ «...техническое развитие постоянно взрывает данный размер предприятия, расширяет «систему машин» и сосредоточивает в гигантских зданиях огромные массы агрегатов, топлива, сырья, живого труда, воспроизводя процесс концентрации на все новой и новой основе» (цитированная работа, стр. 16).

³⁴ Маркс, Капитал, т. I, гл. XXIII, изд. 1932 г., стр. 618.

Первая пятилетка и закономерность технического развития

Каковы методологические предпосылки теоретического рассмотрения закономерностей технического развития в советском хозяйстве? Основное заключается здесь в необходимости рассмотрения этих закономерностей в связи с определяющей ролью диктатуры пролетариата в движении советского хозяйства и с социалистическими производственными отношениями.

Диктатура пролетариата, означающая ведущую, определяющую роль социалистических производственных отношений в развитии всего народного хозяйства, играет такую же определяющую роль в развитии техники. Диктатура пролетариата означает отмену капиталистических закономерностей в развитии средств труда (техники) и замену их социалистическими закономерностями развития производительных сил советского хозяйства, осуществляющимися в условиях классовой борьбы, т. к. еще существуют классы и задача уничтожения классов еще не решена.

Определяющая роль диктатуры пролетариата в развитии техники проявляется прежде всего в форме преимуществ и особенностей развития техники, проистекающих из отмены капиталистических противоречий и из преимуществ социалистического хозяйства.

Диктатура пролетариата означает коренное изменение классового характера производительных сил. С социалистическим переворотом производительные силы становятся социалистическими производительными силами, средства труда не противостоят рабочему, как при капитализме; это основное и наиболее общее, что характеризует систему советского хозяйства, играет определяющую роль в развитии техники. Отсюда прежде всего вытекают коренное изменение движущих мотивов развития техники и снятие связанных с ними ограничений. Развитие социалистических форм труда играет крупнейшую роль в развитии и освоении техники, которая со своей стороны является материальной базой укрепления и развития социалистических форм труда.

Социалистический переворот означает начало уничтожения противоположности физического и умственного труда, которое наступает полностью на высшей стадии коммунизма, отмену границ развития техники, существующих при капитализме вследствие противоречия между потребностями развития передовой техники и отделением непосредственных производителей от духовных потенций производства. С другой стороны, новые средства труда являются материально-технической основой изменения типа труда, постепенного изживания противоположности физического и умственного труда.

Диктатура пролетариата означает также уничтожение анархии производства, коренное изменение форм движения хозяйства, присущих капитализму, и создание новых форм движения в развитии хозяйства и техники. Изменение форм движения означает отмену стихийности и плановое развитие техники, являющееся основой колоссального роста ее, коренное изменение характера воспроизводства и накопления по сравнению с капитализмом (в частности отмену циклической формы воспроизводства) с вытекающим отсюда ростом продукции, использованием производственных возможностей, концентрацией производства и развитием техники.

Диктатура пролетариата означает коренное изменение характера обобществления труда, в частности совершенно недоступное капита-

лизму расширение рамок совместного труда, предполагающего «непосредственную кооперацию индивидуумов»³⁵.

Отсюда пристокают новые огромные возможности развития техники, с одной стороны, и роста социалистического обобществления труда на базе технической реконструкции — с другой.

Диктатура пролетариата означает отмену ограничений, создаваемых движущими мотивами развития техники при капитализме; индивидуальной сверхприбылью как обязательной предпосылкой введения технических усовершенствований; отмену неравномерности и извращений в развитии техники, специфических границ замещения рабочего машиной, характерных для капитализма; отмену границ, создаваемых стремлением капиталистов избежать обесценения основного капитала, принимающего особенно резкие формы в период монополистического капитализма, и наконец отмену границ развития техники, создаваемых производством для непосредственного эффекта. «Так как отдельные капиталисты занимаются производством и обменом ради непосредственной прибыли, то во внимание могут приниматься прежде всего лишь ближайшие, непосредственные результаты»³⁶.

Новые формы движения хозяйства и новые движущие мотивы развития техники являются исходным пунктом быстрого количественного и качественного роста социалистических производительных сил и в том числе техники, роста, составляющего материальную основу для вытеснения капиталистических элементов и переделки мелкотоварного хозяйства в социалистическое и для осуществления задачи «в кратчайший срок догнать и перегнать передовые капиталистические страны в технико-экономическом отношении».

Советское хозяйство характеризуется новым типом развития техники, выражающимся в критическом освоении техники передовых капиталистических стран, в последовательном развитии наиболее прогрессивных технических тенденций и в создании на этой основе новых средств труда и методов производства, новой техники, адекватной социалистическим производственным отношениям.

Исключительно быстрые темпы накопления, свойственные лишь системе социалистического хозяйства, колоссальное расширение рамок социалистического обобществления труда (плановое хозяйство, создание обобществления труда и непосредственной кооперации производителей в масштабе целых районов и всей страны, громадный рост концентрации производства, комбинирования и кооперирования предприятий), развитие социалистических форм труда и линия на уничтожение старого разделения труда являются исходными моментами не только колоссального расширения применения технических усовершенствований, но и создания техники нового, иного типа.

Плановое начало в выборе средств и предметов труда является основой рационального подхода к созданию новой техники и устранения извращений в развитии техники, имеющих место при капитализме в результате конкурентной борьбы.

В первую пятилетку это выразилось прежде всего в тщательном отборе типов оборудования, подлежащих освоению, а также в разработке собственных конструкций, которые ликвидируют извращения и диспропорции, присущие технике капитализма, и учитывают особые условия и преимущества социалистического хозяйства.

³⁵ Маркс, Капитал, т. III, 1932 г., стр. 61.

³⁶ Энгельс, Диалектика природы, стр. 73.

Критическое освоение передовой капиталистической техники является основой богатого расцвета изобретательской мысли в Советском союзе, подхода к созданию оригинального советского оборудования.

Станкостроительная промышленность дает очень яркие примеры того, как мы, беря за основу зарекомендовавшие себя за границей типы станков, переконструируем станки, «переводим машины на наш, советский язык»³⁷.

Аналогичное станкостроению положение имеет место и в других отраслях промышленности. Например в области электрометаллургического оборудования мы отказываемся от простого копирования заграничных образцов, так как в них ярко сказались ограничения развития производительных сил и техники, характерные для капитализма, в особенности на современном его этапе. В частности это относится к емкости печей. Небольшая емкость заграничных электропечей на машиностроительных заводах обусловлена сравнительно ограниченными пределами концентрации машиностроительного производства при капитализме³⁸, а также тем, что, заменяя тигельный процесс электроплавкой, капиталисты во избежание обесценения имеющегося основного капитала сохранили при этом остальное оборудование (изложницы и т. д.), рассчитанное на переработку мелких слитков³⁹.

В области сельского хозяйства капитализм в силу присущей ему противоположности города и деревни, промышленности и сельского хозяйства не создал типов машин, адекватных особенностям с.-х. крупного производства. Вследствие этого диктатуре пролетариата, которая впервые в истории осуществила такое колоссальное обобществление сельского хозяйства, какое имеет место на базе роста совхозов и сплошной коллективизации в первую пятилетку, приходится вырабатывать свои собственные типы машин, приспособленные к потребностям крупного с.-х. производства. В особенности это относится к области технических культур, чрезвычайно трудоемких и наименее механизированных.

Первая пятилетка характеризуется крупными достижениями в этой области. В частности здесь необходимо отметить создание крупносерийного и массового производства нового инвентаря советской конструкции для механизации трудоемких процессов в области технических и пропашных культур: хлопко-кукурузные сеялки, хлопкоуборочные машины, картофелесажалки, картофелекопатели, свеклокопатели, свеклокомбайны, кукурузные пиккера, льнотеребилки⁴⁰.

В особенности интересно в этом отношении решение проблемы механизации уборки хлопка, которая наметилась у нас в течение первой пятилетки: уже сейчас около 2 тыс. турман-вакуумов и большое количество опытных машин других типов занято на уборке хлопка.

Классовая борьба на фронте технической реконструкции в качестве одного из своих ярких проявлений имеет вредительство в форме заказа за границей и ввоза технически несовершенного, уже устарев-

³⁷ Альперович, Техническая политика в области станкостроения, «Станки и инструменты» № 1, январь 1933 г.

³⁸ Рассуждения буржуазных экономистов об обусловленности слабой концентрации машиностроительных заводов природой самого производства (Wiskott Eisen-schaffende und Eisenverarbeitende Industrie, 1930) блестяще опровергаются практикой Советского союза (см. «Итоги», таблица на стр. 69).

³⁹ Самарин А. М., «Электричество» № 10, май 1932 г.

⁴⁰ «Итоги выполнения пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР», стр. 79.

шего оборудования. Одним из видов вредительства в области технической реконструкции явилось также то, что под маркой «технической помощи» некоторые иностранные фирмы вкупе с вредителями пытались подsunуть нам для освоения уже устарелые типы оборудования, намеченные к снятию с производства у технически передовых капиталистических фирм. Правый оппортунизм здесь проявился в отсутствии на ряде участков бдительности в вопросе о типах ввозимого и осваиваемого нами в производстве оборудования, в некритическом подходе к тому, насколько это оборудование удовлетворяет потребностям социалистического хозяйства. Наряду с этим первая пятилетка дает ярчайшие примеры бдительности и творческого энтузиазма рабочих, советских инженеров и техников, раскрывавших вредительство и преодолевавших его.

Плановый подход к развитию техники нашел в первой пятилетке свое выражение также в последовательном развитии с т а н д а р т и з а ц и и, являющейся одним из основных принципов, лежащих в основе процесса технической реконструкции. При капитализме погоня за зрительностью приводит к производству многочисленных типов оборудования, служащих одним и тем же целям, но выпускаемых на рынок как орудие конкуренции в целях обхода патентов и привлечения новых категорий потребителей. Яркие примеры в этом отношении дает наиболее передовая в техническом отношении станкостроительная и электротехническая промышленность Западной Европы и Америки.

Одной из особенностей станкостроительной промышленности Запада и САСШ является «технически ничем не оправдываемое множество конструкций. Условия конкуренции заставляют обходить патенты и выпускать новинки с сомнительными техническими преимуществами и засорять только рынок множеством излишних марок и моделей. Это в свою очередь часто ведет к излишнему усложнению машин»⁴¹.

В области электротехнической промышленности капиталистических стран дело обстоит точно таким же образом. Здесь огромный технический аппарат, разрабатывающий сложнейшие проблемы высоковольтных передач, мощного электромашиностроения, выключателей и т. д., целиком подчинен интересам конкуренции. Вследствие этого усилия техников направлены в большинстве случаев не в сторону научного решения больших технических проблем, открывающих новые перспективы, не по большой дороге развития техники, а по различным ее проселкам, в направлениях, диктуемых интересами хозяйского кармана капиталиста. «Если фирма Вестингауз создает деионный выключатель, то фирма «General Electric» сейчас же выдвигает в противовес из-за конкурентных соображений выключатель с камерой масляного дутья. Если фирма «Сименс» в Германии создает выключатель с расширением пара, то конкурентная фирма опять в противовес выдвигает идею выключателя со сжатым газом и т. д.»

И далее: «Сложнейшие явления разрыва дуги электрического тока с их глубокой физической природой изучаются под углом зрения рыночных требований, конкуренции и кармана хозяина. То же мы имеем с проблемами высоковольтного трансформаторного мощного электромашиностроения и т. д. Связанный патентными ограничениями и сложными взаимоотношениями на капиталистической бирже буржуазный ученый-исследователь если и хочет, то не может дать

⁴¹ «Станки и инструменты» № 11—12 за 1931 г.

решения данной проблемы в ее целом, решения, являющегося результатом действительного изучения и синтеза всех особенностей данной проблемы»⁴².

Для машиностроительной промышленности капиталистических стран характерно слабое развитие нормализации деталей машин и станков в результате слабого развития кооперирования работ между отдельными заводами. Здесь налицо специфические препятствия развития техники при капитализме, вытекающие не только из стихийности, но и из ограниченности рамок совместного труда.

Все эти извращения — разнородность типов, слабая нормализация и т. д. — обходятся чрезвычайно дорого хозяйству, во-первых, потому, что множество типов требует затраты колоссального количества технических сил на конструирование этих типов и освоение производства их; во-вторых, потому, что наличие многочисленных типов оборудования требует большого увеличения склада запасных частей, что является одним из наиболее крупных элементов себестоимости продукции.

В противоположность этому первая пятилетка в Советском союзе характеризуется далеко проведенной стандартизацией (хотя еще в недостаточной степени, но это является результатом недостаточной работы в этом направлении, а отнюдь не вытекает из природы советской системы как таковой) лучших типов оборудования и нормализацией деталей. Стандартизация и нормализация являются руководящими принципами технической политики во всех областях социалистического хозяйства. Стандартизация охватывает собой не только отдельные части машин, отдельные машины и агрегаты, но и целые предприятия.

Так например, в области угольной промышленности диктатура пролетариата открыла громадное поле для проведения стандартизации горных выработок и почти всего горнотехнического оборудования, всех основных производственных агрегатов. Совершенно противоположную картину мы имели в дореволюционный период, когда каждый рудник в Донбассе имел особого типа вагонеточный парк, колею подземной откатки, в результате чего после национализации шахт для объединенного угольного хозяйства возникли крупные трудности⁴³.

В области металлургии мы не только приняли определенные стандартные типы металлургических агрегатов — домен, мартенов, блюмингов, прокатных станов, — но и создали свой собственный советский стандартный тип металлургического завода мощностью в 1—1,2 млн. т в год с 4 стандартными доменными печами, 8—10 мартенами мощностью в 150 т каждый, мощным блюмингом, 2 непрерывными заготовочными станами и 4 чистовыми прокатными станами.

В области машиностроения мы осуществили курс на максимальную взаимозаменяемость деталей и машин, последовательное проведение которого вытекает из того, что советское хозяйство отменяет специфические границы обобществления труда, существующие при капитализме, и в колоссальной степени развивает массовое производство, а также специализацию и кооперирование заводов (в основе которых лежит взаимозаменяемость деталей и машин).

В области электрификации мы положили на данном этапе в основу нашего строительства тепловых ЦЭС типы турбогенераторов мощностью в 24 тыс. и 50 тыс. кВт для одного агрегата, создали свой тип

⁴² «Электричество» № 5, 1933 г., стр. 258.

⁴³ «Техника» от 1 января 1903 г., статья инж. Чеботарева.

районной тепловой ЦЭС мощностью в 150—300 тыс. квт, провели стандартизацию давлений пара с соответствующей стандартизацией котельного хозяйства.

Плановое хозяйство отменяет характерное для капитализма заскречивание технических усовершенствований и дает основу для колоссального роста процесса обобществления технических усовершенствований. Этот рост выражается в колоссальном размахе научно-исследовательской работы, в широком обмене опытом между предприятиями, во втягивании огромных масс в процесс изобретательства. Последнее обстоятельство служит основой для ликвидации характерного для капитализма отрыва научно-исследовательской работы от производства, который имеет там место и идет по линии отрыва научно-теоретического обобщения и технического изобретения от их животворящего источника — производственного опыта масс, с одной стороны, и отрыва от производства, от научно-теоретического обобщения и технического изобретения — с другой.

Сосредоточение научно-исследовательской работы в руках крупных трестов при капитализме представляет собой попытку преодоления этого разрыва. Однако результаты этого таковы, что монополия выступает в роли тормоза технического прогресса, в роли фактора технического загнивания, приводя тем самым к чрезвычайному углублению указанного разрыва.

В нашей практике наблюдаются некоторые элементы оторванности научно-исследовательских учреждений от производства, от технической практики. Отсюда — проблема «обинженеривания» науки и «онаучивания» инженеров⁴⁴. Но этот разрыв не присущ советскому хозяйству как таковому, не лежит в его природе. Эта оторванность — элемент буржуазно-классового отношения к науке и к практике, поэтому ее преодоление — необходимое условие невиданных успехов науки на основе теоретического обобщения практического опыта масс. Плановое, т. е. научно обоснованное, ведение хозяйства предполагает сильное возрастание роли науки в хозяйственной жизни по сравнению с капитализмом, а пролетарская диктатура открывает все возможности для осуществления этой возросшей роли науки.

Советская система характеризуется отменой ограничений развития техники, вытекающих из условий движения общественного капитала — накопления и реализации при капитализме. Устранение основного противоречия капитализма между общественным характером производства и частной формой присвоения означает снятие цикличности развития и устранение кризисов, задерживающих в условиях капитализма развитие технических усовершенствований. С другой стороны, социалистическое хозяйство создает новые, невиданные возможности для усиления темпов хозяйственного развития и тем самым для развития техники.

Высокие темпы накопления и развития промышленного производства, не известные капитализму даже в самые блестящие периоды его развития, требуют освоения самой новой и передовой техники; техническая реконструкция, т. е. развитие производительных сил народного хозяйства на самой передовой технической базе, есть разрешение противоречия между отсталым уровнем материального производства и потребностями развития социалистического хозяйства, обу-

⁴⁴ Б у х а р и н, Техническая реконструкция и текущие проблемы научно-исследовательской работы.

словливаемого его ролью в переделке мелкотоварного хозяйства, ликвидации технико-экономической отсталости и укреплении обороноспособности страны.

С другой стороны, техническая реконструкция является процессом разрешения противоречия между самой передовой в мире политической формой — советской властью — и социалистическими производственными отношениями, с одной стороны, и отсталой техникой — с другой.

«... с одной стороны, мы имеем в нашей стране наиболее передовую власть во всем мире, советскую власть, с другой стороны, мы имеем чрезмерно отсталую технику промышленности, представляющей базу социализма и советской власти. Думаете ли вы, что можно добиться окончательной победы социализма при наличии этого противоречия? Что нужно сделать, чтобы ликвидировать это противоречие? Для этого необходимо добиться того, чтобы догнать и перегнать передовую технику развитых капиталистических стран. Мы догнали и перегнали передовые капиталистические страны в смысле установления нового политического строя, советского строя. Это хорошо. Но этого мало. Для того чтобы добиться окончательной победы социализма, нужно еще догнать и перегнать эти страны также в технико-экономическом отношении. Либо мы этого добьемся, либо нас затрут»⁴⁵.

Высокие темпы социалистического накопления в период социалистической реконструкции, с одной стороны, являются условием осуществления перестройки всего народного хозяйства на основе самой передовой техники. С другой стороны, осуществление высоких темпов возможно лишь на основе самой передовой техники.

Плановое развитие техники и новая форма общественного производства получают свое яркое выражение в отмене неравномерности технического развития, что ярко проявилось в первой пятилетке.

Советская система отменяет неравномерность развития техники промышленности и сельского хозяйства, вытекающую из присущей капитализму противоположности между городом и деревней. Последовательное осуществление процесса технической реконструкции народного хозяйства означает всемерное развитие технического перевооружения сельского хозяйства. Первая пятилетка дала колоссальные сдвиги в этом отношении. За годы первой пятилетки сельское хозяйство получило 153,9 тыс. тракторов, из них 94,3 тыс. советского производства⁴⁶, которые сконцентрированы главным образом в крупных механизированных хозяйствах, обеспечивающих наиболее эффективное использование тракторного парка. Из общего числа тракторов, имеющих в Советском союзе, на долю МТС к концу 1932 г. приходилось 52%, на долю совхозов — 42%⁴⁷. Внедрение тракторов означало колоссальный рост энерговооруженности рабочего в совхозах, что обусловило значительное повышение производительности труда. Последнее проявилось в частности в том, что в весенней посевной кампании 1933 г. на 10 июля совхозы выполнили план посевной кампании на 110%, засеяв свыше 11 млн. га, т. е. почти столько, сколько засеяли все единоличные хозяйства.

Наряду с ростом энерговооруженности первая пятилетка характеризуется чрезвычайным ростом количества и качества применяемых в сельском хозяйстве рабочих машин. Особенно интересны в этом от-

⁴⁵ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9-е.

⁴⁶ «Итоги выполнения первого пятилетнего плана...», стр. 139.

⁴⁷ Там же, стр. 142.

ношении качественные изменения в механическом оборудовании с.-х. производства. В год, предшествующий началу пятилетки (1927/28), доля орудий механической тяги в сельском хозяйстве была равна 4,6%, а в последний год пятилетки — 84%. Это полное изменение лица с.-х. техники явилось результатом последовательного проведения пролетарской диктатурой линии на техническую реконструкцию сельского хозяйства, вытекающей из политики сплошной коллективизации и ликвидации на этой основе кулачества как класса, а также политики развития крупных государственных хозяйств.

Техническая реконструкция сельского хозяйства могла быть осуществлена лишь при финансовой поддержке рабочего государства. За годы первой пятилетки пролетарское государство оказало колхозной деревне колоссальную помощь. Финансирование планируемых мероприятий колхозов и МТС составило 4,7 млрд. руб., из которых на колхозы пришлось 3,2 млрд. руб., а на МТС — 1,5 млрд. руб. Из общей суммы в 4,7 млрд. около 3 млрд. руб. было дано колхозной деревне в порядке помощи со стороны пролетарского государства⁴⁸.

Советская система приводит к отмене характерной для капитализма неравномерности в техническом развитии отдельных районов. В противоположность капитализму, который превращал отсталые национальные районы в колонии, 16 лет развития советского хозяйства и особенно период первой пятилетки характеризуются колоссальным развитием национальных районов, ставших центрами крупнейших технически передовых промышленных предприятий в области тяжелой и легкой индустрии (Украина — рост каменноугольной промышленности и черной металлургии, создание мощного тяжелого и с.-х. машиностроения; Казакстан — цветная металлургия; Башкирия — цветная металлургия и т. д.).

Ярким примером ликвидации неравномерности технического развития различных районов является Урало-кузнецкий комбинат. Последний представляет собой особый тип кооперации ряда необычайно мощных, технически совершенных, главным образом каменноугольных, металлургических, машиностроительных и химических предприятий. Такое образование, как УКК, не под силу капитализму не только в нынешний период всеобщего развала экономики капитализма, но оно было невозможно и в период наивысшего расцвета капитализма.

Предприятия, созданные уже в первой пятилетке на основе исторического постановления ЦК ВКП(б) от 15 мая 1930 г. о работе Уралмета и постановления XV партийного съезда, в пределах УКК означают крупнейший сдвиг в направлении повышения технического уровня народного хозяйства. Колоссальный прирост продукции Кузнецкого каменноугольного бассейна в первой пятилетке⁴⁹ нового каменноугольного района в Караганде, входящего в систему, оказался возможным лишь на основе применения передовой техники каменноугольной промышленности. Проведение основной работы по строительству крупнейших гигантов черной металлургии — Магнитогорского и Сталинского (Кузнецкого) комбинатов, создание ряда предприятий цветной металлургии, создание Березниковского химического комбината и т. д. означают крупнейшие шаги в повышении технического уровня соответствующих отраслей. Аналогично УКК обстоит дело и с Подмосковным бассейном, представляющим собой средоточие колоссальных энергетических

⁴⁸ «Итоги выполнения первого пятилетнего плана...», стр. 150.

⁴⁹ Там же, стр. 97. Продукция Кузбасса в 1932 г. составляла 834,45% его продукции в 1913 г. и 290,1% его продукции в 1927/28 хозяйственном году, т. е. за первую пятилетку выросла почти в 3 раза.

ческих и сырьевых богатств, который оказался почти нетронутым вплоть до самой Октябрьской революции. Между тем за 15 лет, прошедших со времени Октябрьской революции, добыча угля в Подмосковном бассейне увеличилась почти в 9 раз (872,3%). За первую пятилетку добыча увеличилась почти в 2,5 раза (231,4%)⁵⁰. Создано также такое мощное и технически передовое химическое предприятие, как является Бобриковский химкомбинат.

Устранение неравномерности технического развития различных районов Союза и линия на равномерное размещение производительных сил обусловили также чрезвычайное развитие геологоразведочных работ, особенно в национальных районах (Казакстан, Башкирия, Сибирь). Геологоразведочные работы увеличились в последний год пятилетки примерно в 50 раз по сравнению с 1926/27 г. В результате колоссального разворота геологоразведочных работ в первой пятилетке запасы СССР повысились по каменному углю в 2 раза — с 550 млрд. т до 1 000 с лишним миллиардов тонн за счет главным образом новых районов (Тунгусский бассейн, Восточная Сибирь, Караганда, Печора, Дальний Восток), что поставило СССР в отношении угольных запасов на второе место в мире. По нефти открыты новые запасы на Урале, в Средней Азии, на Средней Волге, что поставило СССР на первое место в мире по запасу нефти (30—35% мирового запаса). По черным металлам известные запасы железной руды повысились более чем в 4 раза — с 450 млн. т до 1 900 млн. т, что поставило СССР по запасу железной руды также на первое место в мире. По меди известные запасы повысились с 0,8 млн. т до 6 млн. т. По химии открыты самые мощные в мире соликамские калийные месторождения мощностью в 16 млрд. т (первое место в мире) и залежи хибинских апатитов мощностью в 1,5 млрд. т, обеспечившие фосфатную промышленность СССР собственной сырьевой базой вместо ввозившихся раньше марокканских фосфоритов⁵¹.

В особенности следует подчеркнуть роль достижений геологоразведочных работ для создания промышленных центров в сельскохозяйственных и отдаленных национальных районах.

Указанные достижения могли иметь место лишь в результате ожесточенной борьбы против вредительства буржуазно-технической интеллигенции, тормозившей развертывание геологоразведочных работ, и против оппортунистических теорий свертывания разведок, имевших «хождение» среди некоторых специалистов и хозяйственников.

Диктатура пролетариата ликвидирует характерную для капитализма неравномерность технического развития тяжелой и легкой промышленности, вытекающую из принципа «производства для производства прибавочной стоимости», лежащего в основе развития капиталистического хозяйства. Диктатура пролетариата ликвидирует отставание техники сельского хозяйства и техники легкой индустрии. Лозунг быстрого развития легкой индустрии, выдвинутый т. Сталиным на XVI съезде партии, означает соответственное развитие техники легкой индустрии. Первая пятилетка дала большие сдвиги в этом направлении во всех областях легкой промышленности (текстильная, бумажная, трикотажная, обувная, полиграфическая и консервная промышленность, производство искусственного волокна и т. д.).

Крупнейшее значение для развития техники легкой и пищевой про-

⁵⁰ «Итоги выполнения первого пятилетнего плана...», стр. 97.

⁵¹ Б у х а р и н, Техническая реконструкция и текущие проблемы научно-исследовательской работы.

мышленности сыграло создание в первой пятилетке собственной машиностроительной базы, которой до начала первой пятилетки почти не существовало. Особенное развитие получило текстильное машиностроение, которое освоило все виды машин, необходимых для хлопчатобумажной промышленности, большую часть машин, необходимых для шерстяной промышленности, а также ряд машин для обработки лубяных волокон. В области трикотажной промышленности освоено производство сложных автоматов, в области кожевенного и обувного производства — серийное производство кожевенных и сложных обувных машин, для швейной промышленности создано серийное производство швейных машин быстрогоходного типа. В области полиграфии освоено производство линотипов, ротационных и переплетных машин. В колоссальной степени возросло оборудование пищевой промышленности: консервные заводы с автоматическими линиями, элеваторы, маслособойные заводы, мельницы, механизированные хлебозаводы, работающие по методу непрерывного потока (инж. Марсакова), и т. д.

Устранение неравномерности технического развития означает также и ликвидацию неравномерности технического развития между добывающими и обрабатывающими отраслями промышленности. Капитализм характеризуется отсталым уровнем развития техники добывающей промышленности по сравнению с техникой обрабатывающей промышленности⁵².

Первая пятилетка характеризуется прежде всего коренной реконструкцией каменноугольной промышленности, имевшей место в результате широкого внедрения врубовых машин и отбойных молотков и приведшей к тому, что в 1932 г. процессы зарубки были механизированы на 71,9% против 35% в Англии и 77,5% в САСШ. За 4½ года первой пятилетки число тяжелых врубовых машин увеличилось с 550 до 1 470, т. е. почти в 3 раза, а число отбойных молотков — с 71 до 7 376, т. е. больше чем в 100 раз.

Очень сильно увеличилось и механическое оборудование для транспортировки угля (конвейеры, электровозы и т. д.). Это привело к тому что операция доставки в Донбассе механизирована на 72% против 17,5% в Англии и 90% в Германии⁵³.

Другой пример дает техническая реконструкция торфодобычи, где механизированная добыча повысилась за 4 года первой пятилетки с 15 до 50%, причем 2/3 механизированной добычи приходится на технически наиболее совершенный фрезерный способ⁵⁴.

Еще один пример из этой области — техническая реконструкция рудодобычи, где механизация отбойки руды уже к началу 1932 г. в Кривом Роге достигла 100% и где на Урале на горе Магнитная заложены основы создания технически совершенного рудника, который должен дать 50% добычи всех старых уральских рудников, вместе взятых⁵⁵.

Отмена неравномерности технического развития означает и отмену неравномерности технического развития внутри отдельных отраслей. Крупные предприятия в Советском союзе — не уникамы, как при капитализме. Пролетарская диктатура последовательно проводит курс

⁵² «Итоги выполнения первого пятилетнего плана...», стр. 80.

⁵³ Там же, стр. 98.

⁵⁴ Там же, стр. 102.

⁵⁵ Там же, стр. 113.

на техническую реконструкцию важнейших групп предприятий в каждой отрасли, борясь одновременно против политики поддержки устарелых предприятий, против политики «всем сестрам по серьгам».

Ликвидация неравномерности внутри отдельных отраслей нашло свое яркое выражение в области машиностроения, где 53,3% всех рабочих сосредоточено в предприятиях, насчитывающих свыше 5 тыс. рабочих, 20,4% — в предприятиях от 2 тыс. до 5 тыс. рабочих, 12,5% — в предприятиях от 1 тыс. до 2 тыс. рабочих и лишь 13,8% — в предприятиях до 1 тыс. рабочих⁶⁶. Показателем последовательности проведения технической реконструкции внутри отдельных отраслей промышленности является также последовательное внедрение индивидуального электропривода в область машиностроения. В 1932 г. более половины общего числа станков работало на индивидуальном приводе; из них: металлорежущих — 40,4%, металлодавящих — 60,9% и деревообрабатывающих — 49,7%⁶⁷.

В химической промышленности первая пятилетка характеризуется созданием ряда новых химических предприятий, которые фактически означали создание новой химической промышленности на самой совершенной технической основе.

Наконец, ликвидируя характерные для капитализма специфические условия и границы развития техники, пролетарская диктатура обеспечивает уничтожение неравномерности технического развития внутри отдельных предприятий между отдельными стадиями производственного процесса. В то время как в области угольной промышленности капитализм характеризуется крупными разрывами в механизации отдельных звеньев производственного процесса, вся техническая реконструкция каменноугольной промышленности у нас направлена в сторону создания комплексной механизации, т. е. механизации всех звеньев производственного процесса. Отсюда вытекает ряд еще не полностью разрешенных в первой пятилетке проблем механизации отбойки, навалки и создания непрерывного потока. В области металлургии первая пятилетка также характеризуется рядом сдвигов в направлении ликвидации разрывов в механизации отдельных звеньев производственного процесса (механизация загрузки и разлива на домнах и в мартенах).

Отмена в советском хозяйстве специфических границ замещения рабочего машиной, существующих при капитализме, нашла себе в первой пятилетке яркое проявление в значительном развитии механизации трудоемких работ, имевшем место на фоне совершенно противоположных тенденций и явлений современного капитализма («план кирки и молота»). Развитие механизации трудоемких работ было и остается одной из важнейших задач в области технической реконструкции социалистического хозяйства.

Значение механизации трудоемких работ ярко подчеркнуто т. Сталиным в его исторической речи о шести условиях:

«...нужно немедленно перейти на механизацию наиболее тяжелых процессов труда, развертывая это дело во-всю (лесная промышленность, строительное дело, угольная промышленность, погрузка, выгрузка, транспорт, черная металлургия и т. п.). Это не значит конечно, что нужно якобы забросить ручной труд. Наоборот, ручной труд долго еще будет играть в производстве серьезнейшую роль. Но это значит, что механизация процессов труда является той новой дья

⁶⁶ «Итоги выполнения первого пятилетнего плана...», стр. 66.

⁶⁷ Там же, стр. 69.

на с решающей силой, без которой невозможно выдержать ни наших темпов, ни новых масштабов производства».

Наиболее яркие примеры механизации трудоемких работ дает донецкая каменноугольная промышленность, где к концу первой пятилетки операции добычи угля механизированы на 71,9% по зарубке и на 15% — по откатке. Тем не менее имеется еще ряд весьма трудоемких звеньев процесса добычи угля, почти или совсем не механизированных. Таковы в первую очередь уже упоминавшиеся выше отбойка угля, навалка его на конвейер. Конец первой пятилетки характеризуется напряженной работой в области конструкции частичных и комбинированных машин, осуществляющих указанные операции, так называемые «утиные носы» различных конструкций, самоотдирающий и самозагружающий скреппер, комбайн Роменского и Яцких, комбайн Бахмутского и другие, осуществляющие операции зарубки, отбойки и навалки угля на конвейер.

Крупнейшие сдвиги в области механизации трудоемких работ дает черная металлургия. Здесь полная механизация загрузки домны (трансферкар, бункер, вагон-весы, доменный подъемник), механизация разливки чугуна посредством разливочных машин приводит на новых и реконструированных заводах к полному устранению каталей и чернорабочих, составлявших основные кадры рабочих, обслуживавших работу домны. В том же направлении действуют механизация завалки шихты в мартены и реконструкция прокатных цехов. Современный блюминг, дающий свыше 1 млн. т обжатой болванки в год, обслуживается двумя машинами; непрерывный прокатный стан, дающий сотни тысяч тонн проката в год, обслуживается одним машинистом.

Колоссальный размах и быстрые темпы капитального строительства потребовали соответствующей технической базы — механизации строительной индустрии.

Техническая реконструкция строительной индустрии, замена ручного труда механизацией, была обязательным условием осуществления намеченных темпов строительства: огромные строительные работы первой пятилетки могли быть осуществлены лишь на основе последовательного внедрения технически совершенных механизмов прежде всего в область наиболее трудоемких работ.

Помимо механизации строительной индустрии первая пятилетка характеризуется созданием собственных предприятий по производству строительных механизмов. Примером является производство наиболее сложных механизмов — экскаваторов, которые до начала первой пятилетки целиком ввозились из-за границы и производство которых нам удалось наладить в первую пятилетку на ряде заводов: «Красном металлисте» (Москва); Ковровском машиностроительном, Киевском судостроительном и Бердянском механическом. В 1932 г. у нас уже было построено 105 советских экскаваторов, в 1933 г. их будет произведено 220⁵⁸.

Коренное изменение движущих мотивов развития техники в советском хозяйстве по сравнению с капиталистическим означает также отмену специфических ограничений развития техники, вытекающих из стремления предпринимателей-капиталистов избежать обесценения основного капитала; эти ограничения особенно значительны в период монополистического капитализма и выражаются в частности в под-

⁵⁸ «Правда» от 21 декабря 1932 г.

держке монополиями отсталых в техническом отношении предприятий, в борьбе старых отраслей против новых и т. д.

Ярким примером отмены специфических ограничений этого типа развития является тот факт, что пролетарское государство, осуществляя миллиардные вложения в черную металлургию и создавая колоссальный производственный аппарат, уже в настоящее время лучший в Европе, не только не мешает развитию научно-исследовательской и экспериментальной работы по внедоменному процессу, но всячески форсирует ее. Причина этого лежит, во-первых, в том, что пролетарское государство применяет новые методы производства, исходя из обеспечения высокой производительности труда в масштабе всего общества, с учетом всех моментов, обуславливающих ее; во-вторых, в том, что внедрение новых методов производства отнюдь не означает отказа от использования технически менее совершенного, но физически еще не изношенного производственного аппарата, если это диктуется интересами всего народного хозяйства. В капитализме положение другое: узкие границы сбыта и жесточайшая конкурентная борьба означают неизбежный моральный износ технически еще ценного с народнохозяйственной точки зрения оборудования.

Другой пример. В противоположность капитализму, который всячески тормозит развитие производства синтетической нефти⁵⁹, пролетарское государство при наличии весьма развитой нефтяной промышленности осуществляет ряд мероприятий по развитию производства синтетической нефти, главным образом в районах, отдаленных от естественных источников нефти (Сибирь и т. п.). В условиях капитализма такое развитие производства синтетической нефти рассматривалось бы владельцами нефтяных источников как удар по их интересам и наталкивалось бы на величайшие препятствия, несмотря на свою высокую народнохозяйственную эффективность (огромная экономия на специальных перевозочных средствах и издержках перевозки).

Примерами подобного рода являются также одновременное интенсивное развитие старых отраслей текстильной промышленности и промышленности искусственного волокна в Советском союзе в первой пятилетке, одновременное развитие промышленности каучуконосов и синтетического каучука, промышленности естественных и синтетических органических кислот и т. д.

Наконец отказ и полная отмена в советском хозяйстве производства для непосредственного эффекта в смысле, характерном для капитализма в отличие от капитализма, от производства только для непосредственного эффекта, также является основой ускоренных темпов и нового типа технического развития.

Производство для непосредственного эффекта при капитализме означает погоню за прибылью. Капитализм не может пойти на длительное вложение сколько-нибудь значительных капиталов без того, чтобы непосредственно получать прибыль.

В советской системе хозяйства отказ от производства только для непосредственного эффекта дает возможность осуществления грандиозных предприятий, имеющих исключительное значение в развертывании процесса технической реконструкции и развития техники в собственном смысле слова.

Одним из ярких примеров роли отказа от производства только для непосредственного эффекта технической реконструкции является раз-

⁵⁹ Ср. например покупку американским нефтяным трестом «Стандарт-Ойл» патента на производство синтетической нефти по способу Бергиуса у И. Г. Фарбениндустри

витие тяжелой индустрии в восстановительный и частично в реконструктивный периоды. В первые годы после введения новой экономической политики тяжелая индустрия, в первую очередь металлургия и машиностроение, были явно убыточными. Однако, исходя из необходимости создания базы тяжелой индустрии для социалистической реконструкции народного хозяйства, пролетарское государство продолжало финансировать эти отрасли промышленности и усиленно развивать их до такого уровня, когда они стали не только ведущими во всей системе народного хозяйства, но превратились в отрасли, где Советский союз далеко обогнал ряд передовых капиталистических стран. Почему это оказалось возможным? Потому, что советская система отменяет производство только для непосредственного эффекта. Если бы на месте пролетарской диктатуры в условиях хозяйственной разрухи в результате империалистической и гражданской войн оказался капитализм, то капиталистические методы хозяйства не дали бы возможности в столь короткий срок и в таких масштабах создать собственную тяжелую индустрию и Россия была бы неизбежно обречена на превращение в аграрный придаток передовых капиталистических стран. Ни о какой технической реконструкции, ни о каком осуществлении задачи «в кратчайший срок догнать и перегнать передовые капиталистические страны в технико-экономическом отношении» не могло бы быть и речи.

«Мы страна самой концентрированной промышленности. Это значит, что мы можем строить нашу промышленность на основе с а м о й лучшей техники и обеспечивать благодаря этому невиданную производительность труда, невиданные темпы накопления»⁶⁰.

Капитализм ставит крупнейшие препятствия развитию обобществления труда.

«Современная передовая техника, — писал Ленин в замечаниях по аграрной программе французской компартии, — настоятельно требует электрификации всей страны и ряда соседних стран». Примером капиталистических границ мирового обобществления труда в его наиболее развитых формах, в частности в форме расширения рамок совместного труда, является невозможность осуществления электрификации и единой высоковольтной сети в масштабе европейского континента (проекты Оливена, Ввеля и Шергольцера). Расширение рамок обобществления труда в результате создания единой высоковольтной сети в масштабе европейского континента означало бы колоссальное повышение технического уровня народного хозяйства стран европейского континента: резкое повышение коэффициента полезного действия электростанций вследствие более равномерной нагрузки и соответственного удешевления электроэнергии; крупные шаги в области техники электропередач (сверхвысокие напряжения, аппаратура, изоляция); крупные сдвиги в техническом уровне промышленности и особенно сельского хозяйства вследствие возможности на базе единой высоковольтной сети широкого внедрения дешевой электроэнергии в производственный процесс — применение электричества в технологических процессах промышленности, широкое применение электричества в сельском хозяйстве в качестве двигательной силы (электропахота), в животноводстве и т. д.

Капитализм ставит также границы для обобществления труда в пределах отдельных капиталистических стран. Отсюда вытекают крупней-

⁶⁰ Сталин, О задачах хозяйственников, Речь 4 февраля 1931 г., стр. 7—8.

шие ограничения для развития техники. Последние находят свое выражение в невозможности создания районных комбинатов, развития единого энергетического хозяйства в масштабе целой страны, в возможности проведения планового кооперирования предприятий на основе их специализации и т. п. Все эти ограничения отпадают в социалистическом хозяйстве.

«Впервые после столетий труда на чужих, подневольной работы на эксплуататоров является возможность работы на себя, и притом работы, опирающейся на все завоевания новейшей техники и культуры... Это величайшая в истории человечества смена труда подневольного трудом на себя... трудом планомерно организованным в гигантском общегосударственном (в известной мере и в интернациональном, в мировом) масштабе».

Снятие границ обобществления труда в масштабе всей нашей страны в колоссальной степени оплодотворило развитие техники в первой пятилетке. Ярче всего это сказалось в области электрификации, где это выразилось в создании системы районных и коммунальных станций мощностью в 2 855 тыс. кВт и системы силовых колец, вытекающими отсюда сдвигами в технике электропередачи, технически совершенные электроагрегаты в плановой электрификации, давшей возможность последовательного применения электроэнергии во всех важнейших производственных процессах с соответствующим революционизированием техники: за три первых года пятилетки мощность установленных электродвигателей в промышленности выросла почти вдвое — с 1 691,8 тыс. кВт в 1928 г. до 2 904 тыс. кВт в 1931 г.

Диктатура пролетариата снимает границы для обобществления труда в масштабе отдельных предприятий и отраслей. Последнее выражается в чрезвычайном развитии концентрации производства, комбинирования и кооперирования предприятий.

Первая пятилетка дает множество иллюстраций влияния снятия капиталистических границ обобществления труда на развитие техники в различных отраслях промышленности. Остановимся на важнейших моментах.

В области электроэнергетического хозяйства концентрация производственных мощностей привела к тому, что 65% всей электроэнергии, выработанной в конце первой пятилетки в Советском союзе, было дано районными станциями. Основным типом, принятым для районных тепловых электростанций, в первой пятилетке была электростанция в 150—200 кВт, а для гидросиловых станций даже больше. В результате этого в конце первой пятилетки мы имели в числе уже построенных (без вторых очередей) 10 станций свыше 100 тыс. кВт, из них 5 станций свыше 150 тыс. кВт мощностью каждая.

Концентрация производственных мощностей в области электроэнергетики обусловила соответствующие масштабы и техническое совершенство агрегатов: основные типы турбогенераторов, принятые к концу первой пятилетки, — 24 тыс. кВт и 50 тыс. кВт для тепловых ЦЭС и 62 тыс. кВт для Днепрогэса. Концентрация мощностей привела также к повышению применяемых давлений: для ЦЭС — свыше 30 атмосфер, для ТЭС — 60 атмосфер (Березняки) и 130 атмосфер (ТЭС ТТИ в Москве, где поставлены два котла типа Лефлера и один советский прямоточный котел давлением в 130 атмосфер каждый).

Развитие теплофикации в СССР (повышение мощности ТЭС с 55 тыс. кВт в 1928 г. до 300 тыс. кВт в 1932 г.), а также концентрации

производственных мощностей в этой области обусловили собой создание нового типа советской теплофикационной турбины мощностью в 25 тыс. кВт (строится в 1933 г.). Создание такой турбины является еще неразрешенной технической задачей на Западе.

Аналогично электроэнергетике обстоит дело в металлургии, где концентрация мощностей достигла крупнейших размеров. Мы уже упоминали о том, что основной тип нового и реконструируемого металлургического завода рассчитан на мощность в 1—1,2 млн. т и что соответственно этому там устанавливаются крупные агрегаты, имеет место полная механизация транспорта, загрузки и разлива, которая является основным условием использования производительной способности доменных и мартеновских печей.

В каменноугольной промышленности концентрация мощностей характеризуется тем, что средняя мощность шахты из числа вступивших в эксплуатацию в первой пятилетке равна 400 тыс. т против 25 тыс. т в 1913 г., а средняя мощность строящихся шахт — 1 млн. т. Соответственно укрупнению шахт осуществляется и техническая реконструкция производственного процесса: тяжелые врубные машины на зарубке, механизация всех остальных операций, осуществление непрерывного потока.

В машиностроении концентрация производства в форме массового производства обусловила собой внедрение высокой автоматической техники. Помимо применения специализированных станков с индивидуальными электроприводами в механической обработке металлов и дерева и непрерывного потока в сборке расширение рамок социалистического обобществления труда в машиностроении обуславливает собою переход к несравненно более высокой и совершенной технике и по линии заготовительных цехов. Примером этого является центральная ленинградская литейная, где укрупнение размеров производства является основой введения ряда технических усовершенствований и где сконцентрировано все передовое, чего достигла современная европейская и американская техника литейного дела. Центральная ленинградская литейная обладает чрезвычайно развитым транспортом и подъемным оборудованием цехов, в особенности литейного. Первостепенное значение транспорта в центральной ленинградской литейной вытекает из необходимости транспортировать на 1 т годового литья от 65 до 152 т разного груза. Высокий уровень техники производства центральной ленинградской литейной обусловлен крупнейшим масштабом ее производства — 40 тыс. т литья в год с возможным расширением до 60 тыс. т, тогда как мощность литейных крупнейших заводов в 8—10 раз меньше (мощность литейной «Красного путиловца» — 8 тыс. т, завода им. Сталина — 6 500 т, завода им. Ленина — 6 тыс. т, завода «Экономайзер» — 7 тыс. т в год)⁶¹.

Особенно ярко проявилась роль социалистического обобществления труда в области сельского хозяйства. Расширение рамок совместного труда в сельском хозяйстве выразилось в том, что средние размеры посева на один колхоз повысились с 42 га в 1928 г. до 434 га в 1932 г., по совхозам — с 544 га в 1928 г. до 2 303 га в 1932 г. При наличии того решающего обстоятельства, что 80 % всего посева было сделано в 1932 г. колхозами и совхозами, это явилось исходным пунктом для внедрения новой техники в сельское хозяйство.

Огромную роль в развитии техники сельского хозяйства сыграли

⁶¹ «15 лет советского машиностроения», стр. 253.

МТС как сосредоточие большого количества средств производства — тракторов и с.-х. машин. В МТС, принадлежащих пролетарскому государству, концентрация средств производства является основой высокого типа технической организации, вследствие чего МТС является базой технической реконструкции колхозного производства.

Первая пятилетка разбила мелкобуржуазные, вредительские утопии относительно большей жизненности мелкотоварного сельского хозяйства, показав на практике, что поднятие производительных сил сельского хозяйства может быть осуществлено лишь на базе сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Практика первой пятилетки разоблачила также вредительские теории оптимальных размеров с.-х. предприятий, которые, по существу говоря, сводились к отрицанию преимуществ крупного концентрированного с.-х. производства и передовой с.-х. техники.

Диктатура пролетариата и социалистический переворот коренным образом меняют классовый характер производительных сил. Средства труда не противостоят рабочему, машина не является средством борьбы против рабочего, как при капитализме, а является условием освобождения рабочего от тяжелого физического труда и основой улучшения условий его существования. Первая пятилетка дает яркие факты облегчения труда рабочих во всех отраслях промышленности, в первую очередь в каменноугольной промышленности, в металлургии, имевшего место в результате внедрения новой техники, механизации и реконструкции технологических процессов, проведения специальных мероприятий по оздоровлению условий труда, крупных затрат на осуществление техники безопасности и т. д.

Диктатура пролетариата характеризуется также коренными изменениями в распределении народного дохода в результате сосредоточения решающей части производительных сил в руках пролетарского государства.

Все это в совокупности является основой иного отношения к труду и к средствам труда. При диктатуре пролетариата работа на предприятии есть работа на себя, работа для осуществления величайших целей строительства социализма, для целей повышения материального и культурного уровня рабочего класса. Труд перестает быть проклятием, а становится «делом чести, делом славы, делом доблести и геройства» (С т а л и н).

Диктатура пролетариата означает создание основ для социалистического воспитания пролетариата, которое идет по линии выработки социалистической дисциплины труда (борьба с рвачеством и мелкобуржуазным разгильдяйством), переработки сознания отсталых элементов и освобождения их от психологических и идеологических пережитков капитализма, развития социалистических форм труда (соцсоревнование и ударничество). Все это является формами классовой борьбы в период уничтожения классов. Социалистическая дисциплина и социалистические формы труда обуславливают собой чрезвычайный расцвет творческой инициативы рабочего класса, который является мощным рычагом развития и освоения техники.

Яркие примеры роли социалистической дисциплины и социалистических форм труда в развитии и освоении техники мы имели в течение первой пятилетки на Сталинградском тракторном заводе, на московском автозаводе им. Сталина, в каменноугольной промышленности, где изотовцы показали пример роли социалистической дисциплины труда и социалистического соревнования в овладении техникой и

передаче опыта творческой взаимопомощи не только в пределах бригады, цеха, шахты и даже каменноугольной отрасли, но и в пределах различных отраслей (передача Изотовым и изотовцами их опыта нефтяной промышленности). Овладение техникой производства является одним из основных обязательств каждого ударника, и творческий энтузиазм масс становится таким образом колоссальной движущей силой развития техники.

Диктатура пролетариата, означающая создание основ для постепенного изживания противоположности между физическим и умственным трудом, тем самым создает и новые движущие силы развития техники и развертывания процесса технической реконструкции. В советском хозяйстве снимаются границы развития техники, обусловленные противоречием между потребностями развития передовой автоматической техники и капиталистическим принципом разделения физического и умственного труда.

Диктатура пролетариата создает прежде всего общественные основы для уничтожения частичного характера труда. Осознание труда как общественной функции ликвидирует безразличное отношение рабочего к труду. Борьба масс за овладение техникой, рост технической грамотности, ознакомление рабочего с производственным процессом в целом как на том участке, где он работает, так и на других участках, участие в выработке техпромфинплана, подготовка кадров без отрыва от производства, создание огромных возможностей для рабочего изобретательства⁴¹, ознакомление рабочих с научно-исследовательской работой и вовлечение их в эту работу составляют общественные основы для уничтожения частичного характера труда, для приобретения трудом творческого и осмысленного характера.

Параллельно идет процесс создания технической базы, адекватной новому типу организации труда, наиболее существенным моментом которой является внедрение электричества в производственные процессы, непрерывность производственных процессов и электроавтоматизм.

Уничтожение противоположности физического и умственного труда и создание технической базы, адекватной новому типу труда, является длительным процессом с рядом стадий, который полностью заканчивается лишь на высшей стадии коммунизма. Одним из этапов этого процесса является переход от «бессодержательной специализации», характерной для капитализма, к специализации содержательной, характерной для периода социалистической реконструкции. Под содержательной специализацией необходимо понимать такой тип специализации, при котором работник социалистического общества не перестает быть специалистом, но тем не менее перестает быть частичным рабочим. Содержательная специализация предполагает хорошее знание всей техники данной отрасли, четкое понимание технологического процесса в целом и замену исполнительских функций рабочего функциями руководства и контроля системой машин с вытекающим отсюда колоссальным повышением производительности труда и развитием творческого характера труда.

⁴¹ Примером того, какие огромные возможности таятся в рабочем изобретательстве, которое при капитализме не получает своего развития, дает опыт рабочего изобретательства на заводе «Красный путиловец». Здесь в месячник рабочих предложений, проведенный на заводе, на 27 тыс. рабочих было внесено свыше 10 тыс. предложений, причем 2 тыс. из них при осуществлении дадут экономию в 3 200 тыс. руб. в год («15 лет советского машиностроения»).

* * *

Развитие техники в советском хозяйстве характеризуется некоторыми отличительными чертами, вытекающими из особенностей переходного периода. Переходный период имеет определенные, ему одному присущие противоречия, изживаемые в ходе социалистического строительства. Но наличие этих противоречий и методы их изживания оказывают определенное влияние на характер и темпы технического развития.

Диктатура пролетариата характеризуется уничтожением специфических границ, препятствий и тормозов развитию техники, присущих капитализму. Системе социалистического хозяйства чужды противоречия, присущие капиталистическому хозяйству и задерживающие развитие техники.

Однако глубоко ошибочным и явно оппортунистическим было бы предполагать, что техника в период диктатуры пролетариата развивается плавно и гладко. Процесс технической реконструкции является процессом ожесточенной классовой борьбы. На этом участке ведется ожесточенная борьба социализма с остатками капитализма в форме прямого вредительства со стороны классово враждебных элементов, тормозящих наше техническое развитие, ведется борьба партии пролетариата за социалистическое перевоспитание отсталых элементов, борьба за социалистическую дисциплину труда, за переработку сознания масс трудящихся, борьба за освобождение его от идеологических пережитков капитализма и наконец борьба с различными видами и формами оппортунизма.

Препятствия, создаваемые развитием и освоению техники со стороны остатков и пережитков капитализма, не являются, как мы уже говорили выше, препятствиями, присущими социалистической форме хозяйства как таковой. Однако в период диктатуры пролетариата эти пережитки и остатки или прямое буржуазное вредительство имеют место и затрудняют освоение новой техники. Пролетариат ведет с этими явлениями ожесточенную классовую борьбу.

Диктатура пролетариата преодолевает сопротивление классовых врагов, вредительство в области освоения техники, применяя все имеющиеся в ее распоряжении рычаги как в смысле обезвреживания вредительских элементов, так и в смысле создания новых инженерно-технических кадров из среды рабочего класса, замещающих классово враждебные инженерно-технические элементы.

Высокий уровень техники, достигнутый в период первой пятилетки, требует соответствующей квалификации рабочих и инженерно-технических кадров. Первая пятилетка характеризуется наличием определенного противоречия между высоким уровнем осваиваемой техники и квалификацией рабочих и инженерно-технических кадров.

На основе определяющей роли диктатуры пролетариата, означавшей колоссальный процесс социалистического воспитания рабочих масс вообще и в частности, социалистического воспитания в смысле овладения техникой, создаются кадры, требуемые уровнем самой передовой техники.

Важнейшие отрасли промышленности дают яркие примеры роли квалификации рабочей силы в освоении новой техники. Повышение квалификации рабочей силы является узловым моментом для освоения новой техники.

В прорыве с выполнением плана каменноугольной промышленности в 1932 г. наряду с неправильной организацией труда и зарплаты, ле-

жавшей в основе текучести, немалую роль сыграла недостаточная квалификация рабочей силы (главным образом новой) и инженерно-технических кадров по сравнению с уровнем осваиваемой техники.

В металлургии отставание темпов роста производства черной металлургии от наметок пятилетки объясняется отчасти трудностями освоения передовой техники кадрами новых рабочих и молодым инженерно-техническим персоналом⁶². В I квартале 1933 г. среднесуточная выплавка чугуна домен Магнитогорска давала чрезвычайно резкие колебания — от тысячи до десятков тонн — соответственно резкому колебанию всех технических показателей. Причины этих колебаний лежали в бесконечных авариях, которые происходили главным образом из-за плохого освоения техники и из-за недостатка в квалифицированной рабочей силе. Другой причиной было отсутствие инструкций для пользования импортным оборудованием, хотя, как отмечает газета «Техника», неграмотный и полуграмотный персонал ими (инструкциями — Е.Г.) все равно не смог бы пользоваться, так как техническая учеба там сорвана⁶³.

Аналогично обстояло дело и на коксовых печах Магнитогорского завода. Здесь выдача кокса составляла вместо 185 только 93 печи в сутки. «Недостача кокса происходит из-за аварий, являющихся результатом неосвоения техники управления механизмами (коксовыталькивателями)»⁶⁴.

В области сельского хозяйства наряду с вредительством классово враждебных элементов крупным препятствием для освоения передовой техники сельского хозяйства (частая поломка тракторов и с.-х. машин) явилась недостаточная квалификация кадров. Аналогичные примеры можно привести из области химической промышленности (трудности освоения техники на Березниковском химкомбинате и т. д.).

Противоречие между высоким уровнем осваиваемой техники и квалификацией рабочей силы и инженерно-технических кадров разрешается через огромную работу, осуществляемую в период диктатуры пролетариата в области социалистического воспитания миллионов рабочих по линии освоения ими техники, а также в форме создания собственной производственно-технической интеллигенции рабочего класса.

Опыт крупнейших заводов показывает ряд достижений в первой пятилетке в этой области. Блестящим примером освоения техники является опыт Ижорского завода, освоившего производство блюмингов, а также производство высококачественных сталей, опыт Верхнеисетского завода, где изучение процесса производства всей массой занятых на электропечах рабочих обусловило собой достижение таких показателей, которых не знает заграница.

Крупнейшую роль в развитии техники и в развертывании процесса технической реконструкции играет правильная социалистическая организация труда, соответствующая потребностям данного этапа. Предпосылкой освоения техники является ликвидация текучести, которая имела место на протяжении первой пятилетки и еще в значительной степени имеет место и в настоящее время. Текучесть наносит урон производству даже при невысоком уровне техники, но в условиях высокой техники текучесть превращается в бич производства⁶⁵.

⁶² «Итоги выполнения первого пятилетнего плана народного хозяйства СССР», 1933 г., стр. 105.

⁶³ «Техника» от 9 марта 1933 г.

⁶⁴ «Техника» от 9 декабря 1932 г.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о работе угольной промышленности Донбасса подчеркивает эту связь между освоением передовой техники и ликвидацией текучести. «Понятно, что при такой текучести немислимо осуществить сколько-нибудь удовлетворительное освоение новой техники, новых механизмов. А освоение новой техники составляет, как известно, ключ подъема всего угольного хозяйства Донбасса»⁶⁵.

Ряд постановлений партии и правительства о заработной плате в ведущих отраслях промышленности и на ж.-д. транспорте для различных категорий рабочих является показателем той роли, которую играет правильная система зарплаты для освоения техники. Это относится не только к рабочим, но и к инженерно-техническому персоналу.

Наконец правильная социалистическая организация труда играет роль в освоении техники еще и по линии ликвидации обезлички. Ликвидация обезлички в пользовании механизмами и агрегатами — условие бережного отношения к ним, предотвращения поломок и осуществления плано-предупредительного ремонта, которые являются важнейшими элементами освоения новой техники. Ликвидация обезлички в пользовании механизмами в первой пятилетке (спаренная езда на ж.-д. транспорте, прикрепление оборудования к определенным рабочим, единый выходной день для ряда предприятий с целью избежать обезличку в пользовании оборудованием) явилась основой крупных шагов в освоении передовой техники.

Немалую роль в этом отношении играет и общественное воздействие. Так например, на «Красном путиловце» борьба с небрежным отношением к оборудованию сократила ремонт в отдельных мастерских на 25% и сильно повысила сохранность оборудования⁶⁷.

Осуществление технической реконструкции требует соответствующих форм хозяйственного руководства.

На ряде участков социалистического строительства процесс технической реконструкции характеризуется противоречием между передовой техникой, подлежащей освоению, и системой хозяйственного управления, отражающей предыдущие этапы в развитии этих отраслей хозяйства. Наиболее яркий пример этого противоречия дают угольная промышленность, железнодорожный транспорт, металлургия, где старые формы хозяйственного управления не обеспечивали должных темпов в освоении передовой техники, результатом чего был ряд прорывов в этих областях. Партия разрешает эти противоречия путем выработки новых форм хозяйственного управления и приспособления их к потребностям данного этапа в развитии процесса технической реконструкции, переходом от старой, функционально-бюрократической системы управления сверху к районной, комплексной системе управления и ответственности руководителей за производственные комплексы по всем линиям хозяйственного руководства.

Говоря о причинах невыполнения плана 1930 г., т. Сталин подчеркивает это обстоятельство: «Мы имели первое условие: «объективную» возможность для выполнения плана. Но мы не имели в достаточной степени второго условия: умения руководить производством»⁶⁸.

⁶⁵ Сталин, Новая обстановка, новые задачи хозяйственного строительства

⁶⁶ «Правда» от 9 апреля 1933 г.

⁶⁷ «15 лет советского машиностроения», стр. 215.

⁶⁸ Сталин, О задачах хозяйственников. Речь 4 февраля 1931 г.

Правильное хозяйственное руководство, соответствующее требованиям переживаемого этапа социалистического строительства, в частности требованиям освоения новой техники, требует отказа от старых методов руководства и глубокого вникания во все детали, связанные с новой техникой. «Если ты — директор завода, вмешивайся во все дела, вникай во все, не упускай ничего. Учиться и еще раз учиться. Большевики должны овладеть техникой. Пора большевикам самим стать специалистами. Техника в период реконструкции решает все. Хозяйственник, не желающий изучать технику, не желающий овладеть техникой, — это анекдот, а не хозяйственник»⁶⁹.

Опыт важнейших отраслей промышленности подтверждает всю глубину и правильность анализа проблемы хозяйственного руководства на современном этапе, данного т. Сталиным.

Разве не ярким подтверждением правильности этой мысли является тот факт, что одной из важнейших причин прорыва в выполнении плана каменноугольной промышленности в 1932 г. явился канцелярско-бюрократический метод руководства в каменноугольной промышленности, при котором большинство технических сил было сосредоточено в трестах, а не в шахтах. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о работе каменноугольной промышленности Донбасса и последующие постановления об изменении системы зарплаты и системы хозяйственного управления каменноугольной промышленностью вносят коренной переворот в систему хозяйственного управления, соответствующим образом приспособляя ее к потребностям освоения новой техники.

Аналогично обстоит дело во всех других отраслях промышленности, в частности в металлургии и на ж.-д. транспорте. Постановление ЦК ВКП(б) о реорганизации управления и организации политотделов на ж.-д. транспорте должно обеспечить такую перестройку хозяйственного руководства на ж.-д. транспорте, которое создаст основу для общего улучшения его работы, в том числе и для освоения техники.

* * *

Развитие техники в советском хозяйстве характеризуется рядом особенностей, проистекающих из того, что СССР находится в капиталистическом окружении.

Диктатура пролетариата обусловила выпадение Советского союза из системы мирового капиталистического хозяйства и возникновение особых отношений с мировым хозяйством, характеризующихся коренным противоречием и борьбой двух систем — капитализма и социализма.

Для страны диктатуры пролетариата отсюда вытекает борьба за высокие темпы развития промышленности, за экономическую независимость и всемерное укрепление обороноспособности страны.

Политика пролетарского государства в области борьбы за экономическую независимость, за осуществление задачи «догнать и перегнать» и укрепление обороноспособности страны играет огромную роль для развития процесса технической реконструкции; с другой стороны, освоение новой техники играет решающую роль в укреплении экономической независимости и обороноспособности советской страны.

Успехи первой пятилетки в области технической реконструкции обусловили огромный шаг вперед в деле укрепления экономической независимости и обороноспособности Советского союза и осуществления задачи «догнать и перегнать». По ряду отраслей СССР со-

⁶⁹ Там же.

вершено освобождился от иностранной экономической зависимости, по ряду других отраслей эта зависимость в весьма сильной степени ослаблена. Успехи первой пятилетки разбили на практике контрреволюционную, троцкистскую установку на рост зависимости СССР от капиталистических стран.

Высшие темпы развития промышленности и борьба за экономическую независимость и укрепление обороноспособности страны потребовали технической реконструкции старых и создания на самой передовой технической основе ряда новых отраслей, в первую очередь в области машиностроения, являющегося базой создания нового материального костяка «костной и мускульной системы производства» (Маркс) для важнейших отраслей производства.

Все это явилось исходным пунктом колоссального развития советского машиностроения, которое к концу первой пятилетки достигло производственной мощности, равной германскому машиностроению, превосходя его однако по техническому уровню.

В особенности крупный переворот имел место в области станкостроения, производящего оборудование для машиностроения, металлообработки и деревообработки, в области производства горнометаллургического оборудования, в области энергетического машиностроения (котлы, турбины, генераторы и т. д.) и наконец в области авто-тракторной промышленности, создающей основные средства производства для сельского хозяйства и лесной промышленности.

В области развития энергетического машиностроения за первую пятилетку необходимо отметить совершенно исключительные сдвиги, выразившиеся в повышении общей мощности произведенных паровых турбин свыше чем в 20 раз, мощности произведенных турбогенераторов свыше чем в 7 раз, мощности произведенных машин переменного и постоянного тока свыше чем в 5 раз, мощности трансформаторов — в 8 раз и в создании совершенно новых производств гидротурбин и гидрогенераторов, производство которых в 1933 г. составляло 79,6 и 254,6 тыс. кВт соответственно.

В области горнометаллургического машиностроения основным является постройка Уральского завода тяжелого машиностроения мощностью в 100 тыс. т оборудования в год, пущенного 15 июля 1933 г., Краматорского завода с проектной мощностью в 150 тыс. т оборудования в год и Горловского завода врубовых машин. Однако первые два завода свою основную роль в качестве базы для развертывания капитального строительства должны сыграть лишь во второй пятилетке.

В области машиностроения высокие темпы (увеличение в 1932 г. производства в 10 раз против 1913 г.) и борьба за последовательное применение и развитие самой передовой техники обусловили необходимость перехода к массовому и крупносерийному производству там, где капитализм ставит лишь в лучшем случае мелкосерийное производство: 48% всей продукции машиностроения дано заводами массового производства, а 74,4% всего производства дано в 1932 г. заводами массового и крупносерийного производства. Переход к массовому и крупносерийному производству выдвинул ряд новых технических проблем, не разрешенных в капитализме и впервые получивших разрешение в Советском союзе. Показателем того, насколько последовательно машиностроение реконструируется на самой передовой технической основе, является электрификация советского

машиностроения на 98%, а также глубокое проникновение в область машиностроения индивидуального электропривода.

Высокие темпы и крупнейшие масштабы производства обусловили в области машиностроения переход к специализированным заводам (по отдельным машинам и деталям), что дало возможность применить специализированные высоко производительные станки с индивидуальными приводами, широко осуществить принцип взаимозаменяемости деталей с соответственным повышением точности выработки. В противоположность этому специфические условия реализации при капитализме, в особенности в период современного кризиса, обуславливают регрессивные тенденции к замене специализированных станков, предназначенных для массового производства, станками универсальными, могущими быть использованными для производства различных деталей в соответствии с изменяющимися потребностями рынка и соответственно гораздо менее экономичными и производительными.

Крупнейшие успехи в области машиностроения привели к колоссальному уменьшению в последнем году первой пятилетки удельного веса импортного оборудования, несмотря на то, что именно в этом году процесс технической реконструкции развернулся особенно широко. В области металлорежущего оборудования, где отставание уровня производства от потребности народного хозяйства было и является наиболее сильным, удельный вес станков внутреннего производства повысился до 46% в I квартале 1932 г. против 34% в 1928 г. и 24% дореволюционного периода⁷⁰.

Мощное развитие тракторной промышленности привело к тому, что техническая реконструкция сельского хозяйства в 1932 г. происходила исключительно на основе собственного тракторостроения — импорт тракторов был прекращен.

Колоссальные успехи, достигнутые в области развития собственного энергетического машиностроения, дали возможность в первой пятилетке в громадной степени усилить независимость по линии мощных турбин и генераторов. Развитие производства горнометаллургического оборудования привело к освобождению от иностранной зависимости по линии производства крупнейшего и сложнейшего металлургического оборудования (блумынги, прокатные станы и т. д.), а также оборудования для каменноугольной и рудной промышленности (врубковые машины, отбойные молотки).

Развитие химического машиностроения дало возможность значительно ослабить зависимость от заграницы по этой линии. Первая пятилетка характеризуется также развитием собственной электрослаботочной промышленности и почти полным освобождением от иностранной зависимости в этой области.

Реконструкция технической базы машиностроения и создание новых машиностроительных отраслей само собой разумеется означали не только крупнейшие сдвиги в развитии техники самого машиностроения, но и в технике всего народного хозяйства, получившего в результате технической реконструкции машиностроения новые, технически более совершенные средства труда. Техническая реконструкция машиностроения и создание новых машиностроительных отраслей явились важнейшей основой того, что СССР превратился из аграрной страны в страну индустриальную, что укрепило экономическую независимость страны.

⁷⁰ «Итоги выполнения первого пятилетнего плана...», стр. 73.

Резолюция январского пленума ЦК и ЦКК

В области металлургии высокие темпы развития и борьба за укрепление экономической независимости и обороноспособности обусловили коренную перестройку производственного аппарата. За первую пятилетку вложено 2717 млн. руб. на капитальное строительство в металлургию и кроме того 284 млн. — на реконструкцию, рудного хозяйства, т. е. свыше 3 млрд. руб. Техническая реконструкция металлургии означала постройку ряда новых современных агрегатов и реконструкцию старых, последовательное проведение механизации и электрификации всех производственных процессов, реконструкцию воздухоудного, газового и электрического хозяйства в металлургии, реконструкцию внутривозовского транспорта металлургии и создание новой технической базы для повышения качества продукции (обогащательные установки, контрольно-измерительные приборы, лаборатории и т. д.).

Высокие темпы развития химической промышленности, борьба за экономическую независимость и укрепление обороноспособности обусловили собой освоение по ряду химических отраслей самой передовой техники капитализма, а также необходимость отыскания новых путей развития химической техники, выходящих за пределы того, что имеется в современном капитализме. Техническая реконструкция химической промышленности в первом пятилетии характеризуется крупнейшими капиталовложениями, созданием ряда по существу новых отраслей промышленности (коксохимия, азот, калий, апатитовая промышленность, анилинокрасочная промышленность, производство искусственного волокна, производство синтетического каучука, пластических масс, лесохимическая и химико-фармацевтическая промышленность) и новых комбинатов, базирующихся на последних достижениях техники (Березниковский, Бобриковский, Кемеровский, Воскресенский, Хибинский и др.). Из областей, где высокие темпы развития народного хозяйства обусловили выход за пределы техники современного капитализма, необходимо отметить производство синтетического каучука, которое впервые поставлено в промышленном масштабе в Советском союзе на базе широко распространенного сырья (спирт и ацетилен), и производство синтетического аммиака на подмосковном угле.

В химической промышленности создание ряда новых отраслей означало освобождение от иностранной зависимости по линии готовых продуктов, а также сырья (апатиты, анилинокрасочное сырье, коксохимическое сырье и т. д.).

* * *

Процесс технической реконструкции требует определенной последовательности в освоении передовой техники и создании основ социалистической техники, адекватной развернутому социалистическому хозяйству.

Осуществляя темпы, далеко превосходящие темпы капитализма в любой период его развития, государство диктатуры пролетариата тем не менее должно соблюдать определенную последовательность в процессе технической реконструкции. Развертывание технической реконструкции требует ожесточенной борьбы, с одной сто-

роны, против правого оппортунизма — главной опасности на современном этапе, выражающегося на этом участке в недооценке преимуществ социалистического хозяйства в области развития производительных сил и техники, с другой — против так называемых «левых» теорий развития техники, не желающих признавать необходимости соблюдения определенной последовательности в развертывании процесса технической реконструкции.

К ВОПРОСУ ОБ УРОВНЕ ЖИЗНИ РАБОЧИХ В СССР

Ухудшение положения рабочего, понижение его жизненного уровня, с неизбежностью, вытекает из сущности капиталистического способа производства, из его развития. «Ненасытная жажда прибавочного труда» (Маркс), превращающегося в условиях капитализма в прибавочную стоимость, стремление к безграничному выкачиванию прибавочного труда, к максимальной эксплуатации рабочих является характерным для капитализма, необходимым условием его развития. И в докапиталистических формациях существовала жестокая эксплуатация непосредственных производителей. Но вследствие того, что там «преобладающее значение имеет не меновая стоимость, а потребительная стоимость, прибавочный продукт ограничивается более или менее узким кругом потребностей, но из самого характера соответственного производства не вытекает безграничной потребности в прибавочном труде»¹. Безграничная жажда прибавочного труда при капитализме влечет за собой чрезмерный труд. Последний появляется на сцену при добывании меновой стоимости «в ее самостоятельной форме — в производстве золота и серебра. Но лишь при капитализме чрезмерный труд становится законом, необходимым условием развития капиталистического общества». «Во всяком ужасе рабства, крепостничества и т. д. прибавляется цивилизованный ужас чрезмерного труда»².

Ненасытная жажда прибавочного труда неизбежно вытекает из сущности капиталистического производства. Стремление к расширению производства, введение новых машин, вытеснение рабочих и т. д., чрезмерный труд последних и рост их эксплуатации, — все это является законом для капиталистического способа производства.

В капиталистическом обществе все подчиняется или должно подчиняться этой ненасытной жажде прибавочного труда. Капитализм стремится подчинить всю жизнь рабочего производству прибавочной стоимости. Он стремится существование рабочего, даже вне производства, превратить лишь «в время перерыва производства», необходимое для производства. Он хотел бы превратить «всю жизнь рабочего в рабочее время» (Маркс). Он стремится максимально сузить, уменьшить этот перерыв, являющийся для капитализма лишь неизбежным злом.

Этим характером капиталистического производства определяется и уровень жизни рабочего. Мы не будем подробно останавливаться на характеристике уровня жизни рабочего в условиях капитализма. Мы остановимся лишь на основных вопросах методологии изучения этой проблемы. Совершенно ясно, что положение рабочего и уровень его жизни являются не адекватными понятиями. Положение рабочего — реальные уровни жизни. Уровень жизни является одной из основных, решающих составных частей первого. Проблема положения и уровня жизни

¹ Маркс, Капитал, т. I, стр. 165.

² Там же, стр. 166.

ни непосредственного производителя является классовой проблемой, и в различных классовых обществах объем, содержание, взаимоотношение их резко отличны. Уровень жизни непосредственного производителя определяется не количеством и качеством получаемых средств существования, но сопоставлением их со все изменяющимися потребностями их, в свою очередь определяемыми изменениями условий общественного производства.

В классовом обществе духовная и материальная деятельность, наслаждение и труд, производство и потребление выпадают на долю различных индивидов³, на долю различных классов.

В условиях рабства существование раба не принадлежало ему, а принадлежало его владельцу. Поэтому его существование было ему «гарантировано», как гарантировано было существование скота. И труд раба был трудом, побуждаемым лишь внешним страхом. То, что получал раб для своего существования, являлось независимым от величины затрачиваемого им труда. Точно так же как например корм скота. Средства потребления являются лишь средствами поддержки существования, рабу не принадлежащего. Потому и выбор средств потребления не зависел от него. Не случайно, что раб получал средства существования в натуральной форме, как скот — овес, сено и т. д. Поэтому раб собственно не имел определенного уровня жизни, он был лишен его, как лишен был скот.

Наемный рабочий является формально свободным. Он является свободным владельцем своей рабочей силы. Поэтому у него нет той гарантированности существования, которой располагает раб. Он принужден продавать свою рабочую силу и работать на хозяина капиталиста, как раб когда-то рабстал на своего владельца. Внешнее принуждение заменено голодом, невозможностью существования без работы на капиталистов. Формальная свобода наемного рабочего является лишь новой замаскированной и более развитой формой рабства. Маркс в «Святом Максе» говорит, что свобода труда освобождает не работника, а потребителя.

Существование рабочего в условиях капитализма как бы раздваивается на две антагонистические части. Одна из них (процесс труда) отчуждается классом капиталистов. В условиях капитализма ведущей, господствующей частью является именно эта часть, отчуждаемая капиталом. Остальная часть существования лишь формально принадлежит рабочему. Рабочий является настолько же владельцем этой части существования, насколько труд его является действительно свободным трудом. Мы уже видели, что свобода труда в условиях капитализма является лишь формой наемного рабства. Так же и владение одной частью существования является замаскировкой фактического подчинения ее капиталу. Эту часть существования капитализм стремится превратить лишь в неизбежный перерыв процесса производства прибавочной стоимости, нужный лишь для этого процесса.

Отчуждаемая часть стремится пожрать другую часть существования рабочего — собственную часть его существования. Уровень жизни рабочего при капитализме определяется этой оставшейся частью его существования. Другая часть его существования — это процесс производства прибавочной стоимости — стремится поглотить целиком все существование рабочего. Поэтому уровень жизни рабочего в условиях капитализма все более и более понижается.

³ Маркс, Немецкая идеология, стр. 82.

Капитализм стремится содержанием существования рабочего сделать производство прибавочной стоимости, другими словами, содержанием его существования сделать существование другого класса, а его собственное существование лишить содержания. В самом процессе производства рабочий не принадлежит себе. Средства производства противостоят рабочему как чуждая, враждебная ему сила, сила, неизбежно подчиняющая его.

Так как положение рабочего в производстве является определяющим для уровня жизни, то мы остановимся на характеристике процесса труда, хотя этот процесс, как мы уже говорили, не включается в характеристику уровня жизни.

В процессе труда рабочий применяет «средства производства»^{3а}.

Но эти средства производства в условиях капитализма являются собственностью капиталиста, а поэтому там «не рабочий применяет средства производства, а средства производства применяют рабочего»⁴. Средства производства превращаются в средства эксплуатации рабочего, в средства, выкачивающие живой труд рабочего, превращающие его в прибавочную стоимость.

«Сырье, вообще предмет труда, служит только для того, чтобы всасывать чужой труд и инструмент труда служит только как проводник, как то, что управляет в этом процессе всасывания. Благодаря тому, что живая способность к труду приобщается к вещным частям капитала, последний становится чудовищем, получившим жизнь, и начинает действовать, точно побуждаемый страстью»⁵.

Потребительная стоимость производимого товара играет подчиненную роль. Основная цель машиностроительных заводов, текстильных фабрик и т. д. — это не производство машин, текстиля и т. д., — это производство прибавочной стоимости, максимальная эксплуатация рабочего. Процесс труда, его содержание чужды рабочему. «Подобно тому как капиталу в качестве самовозрастающей стоимости безразличен особенный вещный сбраз, в котором он выступает в процессе труда, будь то паровая машина, куча навоза или шелк, — точно так же безразлично рабочему особое содержание его труда. Его труд принадлежит капиталу, он есть только приблизительная стоимость товара, которую он продал, и он продал его только, чтобы присвоить себе деньги и с помощью денег — средства существования»⁶.

Если особое содержание его труда, создание тех или других потребительских стоимостей являются безразличными для рабочего, то сам процесс труда, являющийся процессом его эксплуатации, враждебен ему.

Фейз в своей книге «Трагедия расточительства» приводит данные одной анкеты, проведенной в Германии среди 4 800 производственных рабочих, об отношении к работе. Эта таблица свидетельствует о следующем отношении рабочего к работе, (см. таблицу на стр. 80).

Эта таблица конечно страдает целым рядом недостатков, недочетов, недоговоренностей и т. д., но и она ярко показывает отношение рабочих к труду в условиях капитализма. Совершенно ясна нелепость деления рабочих на «неинтересующихся» и «равнодушных» (в чём различие?). Совершенно ясно, что и те и другие враждебно относятся к процессу труда как к процессу своей эксплуатации.

^{3а} «Архив Маркса и Энгельса» т. II, (VII), стр. 67.

⁴ Там же, стр. 31.

⁵ Там же, стр. 67.

⁶ Там же, стр. 79.

Промышленность	Число рабочих	% неинтересующихся работой	% равнодушных к работе
Угольная	2 000	60	17
Текстильная	1 000	75	14
Металлообрабатывающая	1 800	57	17

Труд является процессом потребления купленного капиталистом товара — рабочей силы. И капиталист стремится этот процесс потребления сделать непрерывным. Каждая минута — деньги!

Время работы — не время рабочего, а время, принадлежащее капиталисту. В современном капиталистическом предприятии сама техника и организация труда в значительной мере освобождают мастера от необходимости подталкивать рабочего. Конвейер, современные формы зарплаты и т. д. заставляют рабочего втискивать в один день труд нескольких дней. Рабочая сила изнашивается чрезвычайно быстро. Рабочий почти молодым «выходит в тираж». Капиталисту это не страшно, ибо за воротами предприятия имеется огромная армия безработных. Вышедший в тираж рабочий всегда может быть заменен новым, особенно на современном этапе капитализма, когда армия безработных чрезвычайно велика. Этим определяются также условия охраны труда на капиталистическом предприятии. Колоссальная интенсификация труда, существующая на современном предприятии и приводящая иногда к огромной текучести рабочей силы на многих капиталистических предприятиях вследствие быстрого выбывания из строя дееспособных рабочих, сопровождается ухудшением условий охраны труда. Этим объясняется в значительной мере резкое увеличение количества несчастных случаев на капиталистических предприятиях. Например в ряде отраслей в Германии, по данным Кучинского, количество несчастных случаев с 1924 по 1929 г. возросло вдвое.

Все это с неизбежностью вытекает из сущности капитализма, из его развития. Рабочий в капиталистическом производстве — лишь купленная на время способность к труду в действии, лишь источник прибыли капиталиста. Капиталист стремится за время, на которое куплена эта способность к труду, максимально исчерпать ее. Он поступает, как потребитель какой-нибудь вещи, не принадлежащей ему и взятой на прокат, стремящийся максимально использовать ее. Пусть эта способность к труду, т. е. рабочая сила, будет разрушена раньше времени. Это капиталиста не касается. Это касается ее постоянного владельца — рабочего. Капиталист — ее временный владелец. Сам механизм развития капитализма освобождает капиталиста от заботы о сохранении рабочей силы от изнашивания. Наоборот, весь механизм развития капитализма неизбежно приводит все к более и более преждевременному изнашиванию рабочей силы. Заботы о существовании «свободного» рабочего капитализм возлагает на плечи самого рабочего, «освободив» его от возможности нахождения какой-нибудь другой формы обеспечения своего существования, кроме продажи рабочей силы капиталисту, причем непрерывной продажи ее.

Если, как мы уже говорили выше, в условиях рабства раб «свободен» от забот о существовании, ибо последнее ему не принадлежит,

но оно тем не менее ему «гарантировано»⁷, то в условиях капитализма рабочий является «хозяином» своего существования, но оно ничем не гарантировано, ничем не обеспечено. Другими словами, рабочий вынужден «добровольно», для того чтобы существовать, покупать средства существования за счет продажи своей способности к труду, за счет отдачи себя в эксплуатацию, а процесс эксплуатации рабочего стремится поглотить его собственное существование. В результате «не рабочий покупает средства существования и средства производства, а средства существования покупают рабочего, чтобы его приобщить к средствам производства»⁸.

Развитие производительных сил в условиях капитализма служит не базой улучшения положения рабочего, а базой его ухудшения. Например развитие техники в условиях капитализма сопровождается увеличением интенсивности труда, увеличением безработицы, опустошением содержания труда рабочего, уменьшением его заработной платы и т. д. Таким образом труд рабочего и результаты его труда являются базой ухудшения его положения, его обнищания и базой обогащения другого класса — класса капиталистов. Освобождение, приносимое развитием производительных сил, было освобождением лишь для господствующего класса, давало ему возможность все большего и большего удовлетворения своих потребностей за счет угнетенного класса.

Машина — могучее средство увеличения производительности труда и следовательно сокращения рабочего дня — в капиталистическом обществе является орудием экстенсивного или интенсивного удлинения рабочего дня.

Машина, могучее средство облегчения труда, в условиях капитализма «становится источником пытки, потому что машина не рабочего освобождает от труда, а его труд от всякого содержания»⁹. Она превращает рабочего в часть частичной машины, лишь в своеобразный сознательный орган, которого не хватает машине и который подчиняется ей волей капитала.

Введение новых машин, развитие техники не уменьшают рабочий день рабочего, а увеличивают армию безработных.

Ухудшение положения рабочего в производстве служит основой ухудшения условий его существования вне производства, которое, как мы уже говорили выше, хотя формально и принадлежит ему, но всем процессом развития капитализма получает тенденцию превратиться в один из моментов движения самого капитала, в один из моментов процесса производства прибавочной стоимости.

Рабочий день его растет если не экстенсивно, то интенсивно. «Свободное» время рабочего соответственно сокращается. Не время отдыха определяет границы рабочего дня, а границы рабочего дня определяют время отдыха. вернее рабочее время стремится поглотить «свободное» время рабочего. Время, остающееся ему, становится все более и более недостаточным для восстановления затраченной рабочей силы.

Заработная плата неизменно, за исключением отдельных кратких периодов, стремится к понижению.

Материальные условия существования ухудшаются, рабочий нищает и относительно и абсолютно. Особенно резко обострился этот процесс в период современного экономического кризиса. Армия безработных огромна. Она равна около 50 млн., с семьями — около 150 млн. Де-

⁷ «Архив Маркса и Энгельса», т. II (VII), стр. 113.

⁸ Там же, стр. 61.

⁹ Маркс, Капитал, т. I, гл. XIII, § 4.

сятки миллионов людей лишены средств существования, умирают от голода, в то время как огромные количества средств существования и средств производства, созданные ими, лежат непроданными на складах капиталистических предприятий.

Жилищные условия ухудшаются, рабочим приходится отказываться от целого ряда не только возможных, но и необходимых благ... Это конечно еще больше сжимает время, остающееся формально в распоряжении рабочего. Но все это лишь отдельные стороны положения рабочего в условиях капитализма. Закон капитализма, с железной необходимостью вытекающий из сущности капиталистических отношений, ухудшает положение рабочего. «И пока существует капиталистический способ производства, до тех пор глупо решать отдельно жилищный или какой-нибудь другой общественный вопрос, затрагивающий судьбу рабочего. Решение заключается в уничтожении капиталистического способа производства, в присвоении самим рабочим классом всех средств жизни и орудий труда»¹⁰.

Движение уровня жизни рабочего определяется не просто динамикой материально-вещественных элементов уровня жизни рабочего, а сопоставлением этой динамики с динамикой потребностей, вытекающей из изменений условий общественного производства и из других производных отсюда изменений. Рост уровня производительных сил не может не вызывать изменений уровня потребностей рабочих.

Конечно эти потребности не просто потребности вне времени и пространства, эти потребности и их изменения продиктованы изменениями, происходящими в капиталистической экономике. Введение конвейера, проведение капиталистической рационализации и т. д., чрезвычайно интенсифицирующие труд, не могут не вызывать необходимости усиления потребления для восстановления нормальной жизнедеятельности рабочего. Уже из этого простого примера видно, что например 2 кг хлеба, $\frac{1}{4}$ кг мяса, $\frac{1}{8}$ кг масла и т. д. не означает одно и то же для одинаковых рабочих, работающих в разных условиях. И не всякое увеличение материально-вещественных элементов потребления является показателем повышения уровня жизни рабочего. При этом может происходить даже понижение уровня жизни, например при значительно большей интенсификации труда.

Говоря о развитии производительных сил, мы здесь брали для примера лишь развитие техники, развитие капиталистической организации труда и указывали влияние его на потребности рабочего.

Мы здесь не говорим о рабочей аристократии, живущей гораздо лучше основной массы рабочих благодаря подкупу ее буржуазией.

Но мы не можем здесь не подчеркнуть, что развитие производительных сил должно требовать развития также и важнейшей производительной силы — рабочего. Возьмем например развитие промышленности: «Сама крупная промышленность своими катастрофами делает вопросом жизни и смерти признание перемены труда, а потому и возможно большей многосторонности рабочих за всеобщий закон общественного производства, к нормальному осуществлению которого должны быть приспособлены отношения»¹¹.

Капиталистические отношения особенно сильно тормозят развитие важнейшей производительной силы — рабочего.

Неизбежный рост потребностей рабочего сталкивается все с боль-

¹⁰ Энгельс, Жилищный вопрос, стр. 68.

¹¹ Маркс, Капитал, т. I гл. XIII, § 9.

щим и большим ограничением возможностей удовлетворения их. Рабочий получает все меньше и меньше необходимых средств существования. Рабочий нищает и относительно и абсолютно. В ежедневной, ежечасной борьбе рабочий класс растет, превращаясь из «класса в себе» в «класс для себя», в класс, сознательно ведущий борьбу за уничтожение своей эксплуатации. Растут классовые потребности рабочего. Газета и даже взнос в партийную кассу делаются потребностью его. Получая на 50—60% сниженную заработную плату, германский рабочий-коммунист платит взнос в кассу своей партии, загнанной Гитлером в подполье. Он буквально отрывает часть от своего скудного куса хлеба. Это говорит об его огромной сознательности, об огромном росте его классовых потребностей.

И вот, если взять весь этот процесс в целом, то получается огромный разрыв между ростом потребностей современного рабочего и все уменьшающейся и уменьшающейся возможностью их удовлетворения, делается ясной картина резкого понижения уровня жизни рабочего. И это — неизбежное следствие развития капитализма. Это — закон его. Но следует ли из этого ненужность борьбы за улучшение своего положения за пфениг, за марку, за рабочий час и т. д. в условиях капитализма? Если бы этой борьбы не было, условия существования рабочего были бы еще хуже. Кроме того эта борьба является школой, прохождение которой превращает его в борца против самого существования капиталистического общества. Эта борьба показывает, что понижение его жизненного уровня есть закон капитализма, и этот закон может быть уничтожен только вместе с капитализмом.. Уровень жизни его в условиях капитализма определяется законом развития капиталистического общества, законом, господствующим над людьми.

Этот закон приводит к огромному противоречию между его растущими потребностями и возможностями удовлетворения, это — закон абсолютного обнищания.

Отрицание этого роста потребностей является отрицанием пролетарской революции. Закон обнищания пролетариата может быть уничтожен только пролетарской революцией.

Рабочий Ганцке (Ю. Герман, Вступление), начинающий под влиянием ряда ударов, посыпавшихся на него, осознавать окружающий его капиталистический мир и мир, который строится в СССР, приходит к открытию нового закона, ошеломляющего его. Этот закон он назвал «все наоборот».

«Я придумал закон... Карлу он очень понравился; он называется «все наоборот».

В капиталистической Германии кризис, в СССР, наоборот, подъем. В капиталистической Германии он безработный, в СССР, наоборот, его зовут на работу. Там нет безработицы.

В капиталистической Германии рабочий Ганцке — никто и ничто. Лишен всего. Им распоряжается всякий. В СССР — он хозяин. Мы не будем вдаваться в «теоретические тонкости» закона, найденного Ганцке. Подчеркнем только то, что неоднократно подчеркивалось и что бросилось в глаза Ганцке, как только он начал сопоставлять два мира: что процессы, происходящие в СССР, носят противоположный характер процессам, совершающимся в капиталистическом мире. Эти два мира покоятся на противоположных основаниях. Основное в СССР — это диктатура пролетариата и вытекающее отсюда строительство социалистического общества.

Тов. Сталин на XVI партсъезде, характеризуя советскую систему хозяйства, к числу важнейших признаков, определяющих ее, относит следующее:

«1) Власть класса капиталистов свергнута и заменена властью рабочего класса;

2) орудия и средства производства, земля, фабрики, заводы и т. д. отобраны у капиталистов и переданы в собственность рабочего класса и трудящихся масс крестьянства;

3) развитие производства подчинено не принципу конкуренции и обеспечения капиталистической прибыли, а принципу планового руководства и систематического подъема материального и культурного уровня трудящихся...»

Власть рабочего класса, т. е. диктатура пролетариата, и отсюда переход средств производства в общественную собственность, в собственность самих производителей, является решающим признаком, определяющим все дальнейшее развитие общества, коренное изменение его закономерностей, а также и коренное изменение и положения рабочего класса и его уровня жизни. Уровень жизни перестает быть законом, создающимся помимо воли и сознания людей, законом, направленным против рабочего класса, законом, господствующим над людьми. «С переходом средств производства в общественную собственность устраняется товарное производство, а вместе с тем — господство продуктов над производителями»¹². «Жизненные условия, окружающие человечество и до сих пор над ним господствующие, подпадут под власть и контроль людей, которые впервые станут действительными и сознательными повелителями природы именно в той мере, в какой они станут господами своих собственных общественных отношений»¹³.

Этот процесс освобождения от власти своих собственных общественных отношений, «процесс подчинения их себе» Маркс и Энгельс называют скачком из царства необходимости в царство свободы. Познанные законы превращаются в законы, которые подчиняются господству людей. «Свобода — познанная необходимость». В условиях капитализма этой свободы не может быть. В условиях капитализма, где средства производства противостоят производителю как чуждая, враждебная сила, где законы общественных условий также противостоят людям как чуждая, господствующая над ними сила, не может быть свободы. Закон заработной платы, рост резервной армии, понижение уровня жизни рабочего не могут быть уничтожены в условиях капитализма точно так же, как не может быть уничтожено отделение средств производства от производителя в условиях капитализма, ибо это есть один из важнейших определяющих признаков самого капитализма.

Эти законы — заработной платы, резервной армии, понижения уровня жизни рабочего — могут и должны быть уничтожены только вместе с капиталистическим обществом. И осознание этого положения является необходимой предпосылкой, необходимым условием скачка из царства необходимости в царство свободы.

Познанная неизбежность ухудшения положения рабочего в условиях капитализма является основой революционного вывода о необходимости уничтожения капитализма. Говоря о скачке, надо помнить,

¹² Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке, ИМЭЛ, 1931 г., стр. 72.

¹³ Там же, стр. 74.

что скачок — это несвоеобразная «точка» во времени, как думают некоторые «так называемые социалисты», а таким скачком является в сущности вся экономика переходного времени. «О том, что «скачком» учителя социализма называли перелом под углом зрения поворота всемирной истории и что скачок такого рода обнимает период лет по 10, а то и больше, — об этом не умеет подумать большинство так называемых социалистов»¹⁴.

В переходный период уровень жизни производителя, как и вообще все жизненные условия перестают определяться законами, господствующими над людьми. Они начинают определяться людьми, создаваться ими.

Энгельс, говоря об этом периоде, подчеркивает, что «лишь с этого момента люди начнут сами вполне сознательно делать свою историю; лишь с этого момента созданные ими общественные причины будут иметь преимущественно и во все возрастающей степени желаемые ими следствия»¹⁵.

Но сам процесс овладения своими собственными общественными отношениями является длительным процессом, чрезвычайно сложным и происходит в условиях ожесточенной классовой борьбы. Больше того, даже процесс осознания возможности стать хозяином своих отношений является также длительным процессом.

Е переходный период, в период диктатуры пролетариата, происходит процесс перестройки всей экономики, процесс уничтожения классов, процесс революционной перестройки капиталистического общества в коммунистическое.

Этот процесс перестройки происходит по этапам, которые отличны друг от друга. От классового общества к бесклассовому — таков путь переходной экономики, путь развития диктатуры пролетариата, путь ожесточенной классовой борьбы.

Повышение уровня жизни рабочих и всех трудящихся масс неизбежно вытекает из сущности диктатуры пролетариата и социалистических отношений и базируется на развертывании социалистического строительства. Различные этапы борьбы за социализм, за развертывание социалистического строительства имеют свои особенности, получившие свое выражение в уровне жизни рабочего класса. Совершенно ясно, что в условиях военного коммунизма, в условиях гражданской войны, когда все было в основном подчинено организации победы на фронте гражданской войны, уровень жизни рабочего определялся другими условиями, чем в условиях восстановительного периода и тем паче в условиях реконструктивного периода. И даже, если берем весь реконструктивный период, на различных этапах его имеются свои специфические особенности роста уровня жизни рабочего, например в связи с ликвидацией безработицы и т. д.

Анализируя вопросы уровня жизни в СССР, мы не будем останавливаться на всех укладах нашей экономики. Мы остановимся лишь на социалистическом укладе, господствующем и ведущем на всех этапах нашего развития, а на современном — еще и преобладающем, что вытекает из сущности диктатуры пролетариата. Он является ближайшим будущим всей нашей экономики. Мелкотоварный уклад будет перестроен в социалистический (в преобладающей части этот процесс уже проведен), капиталистический уклад почти ликвидирован

¹⁴ Ленин, т. XV, изд. 1-е, стр. 206.

¹⁵ Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 288; подчеркнуто нами.

и т. д. Все эти процессы характеризуют процесс развития и укрепления диктатуры пролетариата.

Укрепление диктатуры пролетариата, развертывание социалистического строительства неизбежно характеризуется и повышением уровня жизни рабочего. Качественная характеристика уровня жизни делается совершенно иной. Содержание его, объем являются другими. Уровень жизни в целом меняется, меняются резко каждая сторона, каждый момент уровня жизни рабочих.

Средства производства уже не противостоят рабочему как чуждая, враждебная ему сила. Они принадлежат рабочему классу. Они поэтому превращаются в могучую силу, которая не только не подчиняет себе рабочего, но сама подчиняется последнему. Процесс овладения средствами производства, осознания себя хозяином и подчинения их себе — процесс по необходимости длительный и трудный. Но он осуществлен в СССР. В этом процессе рабочий класс постепенно возвращает труду то, что было ограблено капиталом. Капитал стремился лишить его труд содержания.

В условиях СССР для рабочего «впервые после столетий труда на чужих, подневольной работы на эксплуататоров является возможность работать на себя...» (Ленин, Как организовать соревнование). Его труд является трудом на себя. Процесс труда не выключается из времени его личного существования, а становится частью его. Его собственное существование расширяется, его границы раздвигаются и охватывают время труда. Он в процессе производства принадлежит самому себе, и сам процесс производства принадлежит самому рабочему, сам процесс производства является процессом, подчиненным ему. Из этого конечно следует, что уровень жизни рабочего в СССР резко изменил свое содержание и свой объем. В его уровень жизни включаются и элементы, которые при капитализме не могли быть включенными. В него включается например весь процесс труда. Потребности рабочего изменились. Говоря о рабочем, мы конечно говорим о рабочем как типичном выразителе рабочего класса, класса господствующего, класса, ставшего владельцем средств производства. Процесс труда становится частью его собственного существования, а не существованием, отчужденного от него. Вот почему рождается и развивается такая внимательность к самому процессу производства. — ибо он свой. Вот почему рождается и развивается радость в процессе производства, чего не было и не могло быть в капиталистическом обществе. Ибо процесс производства в условиях капитализма был исключен из существования рабочего, даже был враждебным последнему. Процесс производства, выключенный из собственного существования рабочего, стремился поглотить все существование рабочего. Противоположное происходит в условиях СССР, в условиях социалистического производства. Вот почему нарастает радость труда. Вот почему условия и обстановка труда так же воспринимаются рабочими, как условия и обстановка их собственной жизни дома. Доменщики Магнитогорска домны № 3 пишут письмо в «Правду» (26 июня 1933 г.). Они говорят о принятии ими в эксплуатацию домны таким образом: «Все металлические части, все конструкции домны и ее агрегатов блестят на солнце свежей краской и лаком. На такой печи радостно будет работать...»

Если существование рабочего в условиях капитализма было разорвано на две части, враждебно противоположные друг другу, причем ведущей и господствующей частью, поглощающей остальную, была

часть, проданная капиталисту, не принадлежащая рабочему, то в социалистических условиях нет этого разрыва, и прежде чужая часть его собственного существования, служившая базой для обогащения и благополучия класса капиталистов, стала действительно собственной частью его существования, стала базой его собственного благополучия, базой повышения уровня его жизни.

Существование работника в социалистических условиях принадлежит ему. Средства производства, принадлежащие ему, становятся средствами обогащения и повышения его жизненного уровня.

Из этого конечно не следует, что уже этот этап является тем этапом, когда, как говорил Энгельс, труд дает «каждому отдельному человеку полную возможность всесторонне развивать все свои физические и духовные способности, так что труд из бремени превращается в наслаждение», в первую жизненную потребность.

До этого этапа еще далеко, еще нужно проделать большой путь и перестройки самого человека и повышения уровня производительных сил.

Но и на данном этапе процесс, о котором мы говорили, получает свое яркое выражение в разворачивании социалистического соревнования, в разворачивании рабочей инициативы и т. д. «Самое замечательное в соревновании состоит в том, что оно производит коренной переворот во взглядах людей на труд, ибо оно превращает труд из зазорного и тяжелого бремени, каким он считался раньше, в дело чести, в дело славы, доблести и героизма»¹⁶.

Первая пятилетка характеризовалась огромным разворачиванием соцсоревнования. Соцсоревнование стало действительно массовым движением. Оно является ярким показателем этого изменившегося отношения к труду, того, что рабочий почувствовал, осознал, что труд его является трудом на себя. Оно является показателем того, что труд уже осознанно стал собственной частью его существования в противоположность труду как своеобразному процессу отчуждения его собственного существования другим классом. К концу первой пятилетки соцсоревнование и ударничество охватили $\frac{3}{4}$, т. е. 75%, всего числа рабочих, хозрасчетными бригадами охвачена $\frac{1}{3}$ всех рабочих¹⁷.

Это один из величайших итогов первой пятилетки. Он говорит об огромных сдвигах в отношении к труду. Рамки существования рабочего раздвинулись, включился в него сам процесс труда. Существование стало богаче. Уровень жизни значительно повысился, стал по существу другим. Если в капиталистическом обществе рабочий чувствует себя «дома, когда он не работает, а когда работает — он не дома» и даже его дом превращается в придаток к капиталистической фабрике¹⁸, то в социалистических условиях рабочий, когда он работает, он также дома, чувствует себя хозяином предприятия, производства и вносит одну поправку за другой в условия этого дома, т. е. в процесс производства; он зорко следит за этим процессом, ибо последний стал собственной частью его существования. Рост предложений, вносимых рабочим, ярко подчеркивает этот перелом в отношении к труду, к процессу производства; он подчеркивает, что собственное существование рабочего вышло за границы его дома, домом для него стало предприятие, на котором он работает.

¹⁶ Сталин, Доклад на XVI партсъезде.

¹⁷ См. «Итоги выполнения первого пятилетнего плана...», стр. 171.

¹⁸ Marx Engels, Gesamtausgaben. 85.

Вот картина движения предложений за время первой пятилетки. Она ярко подчеркивает сдвиги, происшедшие за первую пятилетку.

Д а т ы	Число учтенных предпр.	В них ра- ботающих (в тыс.)	Всего по- ступ. пред- лож. за отч квартал	В среднем прихо- дится предложений		% приня- тых к чис- лу рассмот. предложен.	% выполне- ния пред- ложений
				на 1 предпр.	на 100 предпр.		
Октябрь— декабрь							
1929 г.	883	1 359,1	46 815	41,1	2,7	85,1	61,3
1930 »	1 339	1 535,7	169 921	126,5	10,2	63,1	60,6
1931 »	1 042	1 608,2	1 2889	177,6	7,6	49,5	60,8
1932 »	1 784	2 834,4	176 684	101,9	6,2	39,3	58,5

Некоторые графы этой таблицы говорят как будто об известном снижении количества предложений на одно предприятие, о снижении количества принятых предложений и т. д. Но, как мы увидим дальше, это снижение обусловлено переломом в качественном отношении в смысле экономической эффективности самих предложений и в смысле отношения рабочих к предложениям. Следующая таблица с большей четкостью говорит об этом переломе, она показывает значительный интенсивный рост предложений вглубь. Происходит огромный качественный рост рабочих предложений. Этот рост получает свое выражение в росте экономии от рабочих предложений. Рабочий почувствовал себя на производстве, как дома, почувствовал себя хозяином и овладевает постепенно процессом производства, вносит в него улучшение за улучшением.

Основная годовая экономия от предложений и изобретений по кварталам

Д а т ы	Число учтенных предпр.	В них ра- ботающих (в тыс.)	Число пред- лож., в отно- шен. кото- рых исчис- лена эконо- мия	Сумма ис- численной условной го- довой эконо- мии (в тыс.)	Средний размер экономии (в руб.)	
					на 1 пред- ложение	на 1 ра- ботника
Октябрь—декабрь						
1929 г.	885	1 259,1	2 428	4 422,9	1 825,7	3,5
1930 »	1 239	1 535,7	10 533	14 137,1	1 34,1	9,2
1931 »	917	1 592,7	13 667	33 322,8	2 438,2	10,2
1932 »	1 484	2 320,1	18 841	69 571,5	3 892,6	30,0

Эти данные ярко показывают, что процесс труда стал другим по отношению к рабочему. Содержание часов работы стало другим, каждая вещь в процессе производства стала по содержанию в отношении к рабочему новой. Границы дома рабочего расширились не только на «величину» территории, его цеха или завода, ставшего его домом. Они вышли далеко за стены цеха, завода. Они расширились до границ социалистического уклада. Рабочий в СССР является членом огромного коллектива производителей, владеющего средствами производства, являющегося хозяином их, работающего на себя. В условиях капитализма «рабочему безразлично особое содержание его труда»¹⁹, производство в условиях капитализма является произ-

¹⁹ «Архив Маркса и Энгельса», т. II (VII).

водством прибавочной стоимости. Рабочему безразлично, создаст ли он металл, уголь, машины и т. д. Труд его и в этом смысле лишен содержания.

Рабочему в СССР не только не безразлично особое содержание его труда, но он зорко следит за выплавкой чугуна, стали, за добычей угля, ибо это есть его чугун, его сталь, его уголь, ибо он осуществляет социалистическое производство. Если процесс труда для рабочего в условиях капитализма терял свое особое содержание, то в условиях СССР он для рабочего приобрел свое особое содержание. Но не только труд стал создавать уголь, сталь для себя, т. е. приобрел особое содержание, но особое содержание труда стало богаче, глубже и шире. Оно приобрело огромный новый социальный смысл. Рабочий Донбасса, создавая уголь, сознательно принимает участие в создании чугуна, стали, тракторов и т. д., он сознательно принимает участие в развертывании социалистического строительства, расширяет границы своего общественного хозяйства, своего нового обширного социалистического дома. Существование рабочего с каждым часом становится богаче, захватывает все новые и новые области, круг принадлежащих ему вещей становится все шире и шире, а сами вещи наполняются все новым и новым содержанием, ибо он все больше и больше овладевает ими, все больше и больше познает их в их новом значении. Если в условиях капитализма капитал грабит рабочего, рабочий делается все беднее и беднее индивидуальными производительными силами, то в условиях СССР идет процесс безграничного обогащения каждого рабочего индивидуальными силами. Они растут потому, что труд его является трудом на себя, что рабочий является членом огромного и все растущего коллектива строителей социалистического общества, принадлежит к господствующему классу — пролетариату, строителю бесклассового общества. Рабочий СССР в социалистическом производстве стремится овладеть огромным многообразием процесса производства, которое впервые стало для него многообразием, стремится проникнуть в его глубины, познать его законы, подчинить их себе, превратить «царство необходимости» в «царство свободы». Впервые только в условиях социалистического строительства возникла возможность такого овладения процессом производства.

В условиях капитализма рабочий мог получить только элементарные знания, нужные ему лишь для пожизненного выполнения роли «части частичной машины», роли сознательного органа машины, которого последняя не имеет и границы сознания которого совпадают с границами выполняемой им функции.

Развитие крупной промышленности требует «частичного рабочего, простого носителя известной частичной общественной функции, заменить всесторонне развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции представляют сменяющие друг друга способы жизнедеятельности»²⁰. «...Но точно так же не подлежит никакому сомнению, что капиталистическая форма производства и соответствующие ей экономические отношения стоят в полном противоречии с такими ферментами переворота и с их целью, с уничтожением разделения труда. Однако развитие противоречий известной исторической формы производства есть единственный исторический путь ее разложения и образования новой»²¹.

²⁰ Маркс, Капитал, ч. 1, гл. XIII, § 9.

²¹ Там же.

В условиях СССР, где рабочий стал хозяином средств производства, он все больше и больше овладевает всем многообразием процесса производства, все больше и больше познает его.

«Если фабричное законодательство как первая скудная уступка, вырванная у капитала, соединяет с фабричным трудом только элементарное обучение, то не подлежит никакому сомнению, что неизбежное завоевание политической власти рабочим классом завоеует надлежащее место в школах рабочих и технологическому обучению как теоретическому, так и практическому»²².

Рабочий в СССР получает все большее и большее количество знаний, вооружается ими, чтобы овладеть многообразным содержанием, этим новым для него, ставшим частью его собственного существования процессом труда, чтобы овладеть процессом производства. Все большие и большие массы рабочих охватываются различными формами обучения, все большее и большее количество рабочих становится на командные посты в процессе производства, посты, которые были до сих пор в руках людей так называемого «умственного труда», своеобразных носителей тех духовных потенций, которые «терпят частичные рабочие» и которые сосредоточиваются в противовес им в капитале»²³.

Итоги первой пятилетки говорят об огромных достижениях в области охвата обучением рабочей массы, в области создания специалистов, выдвинутых из рабочей массы. Рост учебных заведений и учащихся за первую пятилетку измеряется сотнями процентов.

Подготовка руководящих хозяйственных кадров возросла за пятилетку:

Виды подготовки руководящих хозяйственных кадров²⁴

Виды учебных заведений	1923 г.		1932 г.		1932—1933 г. по пятилетнему плану учащихся (в тыс.)	1932 г. в % к 1928 г.
	число учебных заведений	в них учащихся (в тыс.)	число учебных заведений	в них учащихся (в тыс.)		
Академии	1	0,2	23	9,0	—	313,3
Вузы и втузы	129	159,8	645	492,3	196	—
Техникумы	1650	253,6	3096	949,2	327	374,3
Рабфаки	147	49,2	1150	441,4	72	905,0
Школы ФЗУ	1814	178,3	3000	1177,3	430	650,4

Пролетарский состав высшей и средней профтехнической школы за время первой пятилетки возрос с 40 тыс. рабочих и детей рабочих до 280—290 тыс. Если в начале пятилетки процент рабочих в них равнялся 25, то к концу пятилетки он поднялся до 58 и т. д.²⁵

К концу первой пятилетки изменился социальный состав специалистов: создан значительный кадр специалистов, вышедших из рабочей среды (см. табл. на стр. 91).

Еще предстоит длительный период перестройки техники, перековки людей, чтобы они действительно овладели богатством, свободными хозяевами которого они стали, овладели вглубь и вширь. Но этот процесс овладения, познания, перестройки, а вместе с тем и увели-

²² Маркс, Капитал, ч. 1, гл. IX, § 9.

²³ Маркс, Капитал, т. I, гл. XII, стр. 273.

²⁴ «Итоги пятилетки», стр. 213.

²⁵ Там же.

Социальный состав новых специалистов (к концу 1932 г.)²⁶

Образование	В т ы с я ч а х			В % к общему числу		
	всего	в том числе		всего	в том числе	
		рабочих	крестьян		рабочих	крестьян
Высшее	108,0	36,7	25,5	100,0	31,2	23,6
Среднее	176,0	85,5	47,0	100,0	48,5	26,7
Итого	284,0	122,2	72,5	100,0	43,2	25,5

чение этого богатства идет. Еще многого нехватает в этой новой части существования рабочего, еще многого нехватает в этом его новом — собственном — доме, многое осталось старого, что нужно уничтожить или перестроить по-новому, многое надо добавить и т. д. Еще далеко не освоен рабочим этот участок его существования, но он уже чувствует, осознает его как часть своего существования, он овладевает нужными знаниями, техникой и творчески постепенно осваивает их.

И, овладев ими, расширяя их, он создает новое общество, за которое рабочий класс боролся и борется, общество, которое будет господствовать над созданными им общественными отношениями.

«О с о б щ е с о д е р ж а н и е» познаваемых им законов техники расширяется, приобретает новый, социальный смысл.

Пролетарская революция, сделавшая рабочий класс господствующим классом, уничтожив антагонистическое раздвоение его существования, превратившая процесс труда в часть его собственного существования, являющегося базой всего его остального существования, неизбежно ставит вопрос о коренном изменении, максимально возможных улучшениях условий всего его существования в целом — как на производстве, так и вне процесса производства.

В условиях капитализма например «санитарные правила», не говоря уже об их редакции, облегчающей для капиталиста их обход, до чрезвычайности скудны, если «капиталистический способ производства по самому своему существу за известной границей исключает всякое рациональное улучшение»²⁷ условий труда, ибо труд — это лишь отчужденная на время часть существования рабочего.

В противоположность этому пролетарское государство одной из своих важнейших задач ставит и не может не ставить улучшение условий труда, ставшего частью собственного существования рабочих, охрану труда, заботы о здоровье рабочего, заботы о социальном обеспечении.

Рост расходов на все это за первую пятилетку показывает, какое огромное внимание уделяется этому в СССР. Особенно ярко подчеркивается рост этих расходов при сопоставлении их с теми расходами, которые производились в дореволюционное время (см. табл. на стр. 92).

Маркс в письме к Кугельману говорит: «Всякий ребенок знает, что каждая нация погибла бы с голоду, если бы она приостановила работу, не говоря уже на год, а хотя бы на несколько недель...». Эта цитата хорошо известна. Труд является необходимым условием, базой

²⁶ «Итоги пятилетки» стр. 217.

²⁷ М а р к с, Капитал, т. 1, гл. III, § 9.

Социально-культурные расходы на территории СССР

Статьи расходов	1913 г. 28		1932 г.	
	всего (в млн. руб.)	на душу населения (в руб.)	всего (в млн. руб.)	на душу населения (в руб.)
Здравоохранение	94,7	0,69	2 105,8	12,69
Охрана труда и социальное обеспечение	99,6	0,72	1 725,5	10,40

существования всякого общества. В капиталистическом обществе «у пролетариев их собственное условие жизни — труд, а вместе с тем: и условия существования всего теперешнего общества стали чем-то случайными, над чем отдельные пролетарии не имеют никакого контроля и над чем им не может дать контроля никакая общественная организация»²⁹.

Случайный характер труда отдельных пролетариев заключается в том, что независимо от их воли и от воли какой бы то ни было общественной организации процесс их труда может быть прерван, и они будут лишены возможности существования, обладая даже способностью к труду. Вот эта необеспеченность существования каждого рабочего его «совершенно непрочное положение»³⁰ неизбежно создает у него неуверенность в завтрашнем дне, хозяином которого он не является, ибо он не является хозяином средств производства, принадлежащих другому классу. Это положение рабочего вытекает из сущности капитализма, развитие которого неизбежно усиливает эту непрочность положения рабочего. Развитие капитализма приводит к увеличению армии безработных. Мы не будем здесь повторять доказательство неизбежности роста безработицы (рост органического состава капитала, относительное уменьшение живого труда и т. д.). Десятки миллионов живых «доказательств» бродят по улицам капиталистических городов в поисках работы, в поисках осуществления этого условия своего существования, в поисках возможности отдать часть своего существования, чтобы как-нибудь обеспечить, хотя бы непрочно, хотя бы на короткое время, остальную, максимально незначительную часть своего собственного существования. И никакая общественная организация в капиталистическом обществе не может обеспечить безработных работой, не может уничтожить безработицы миллионов и непрочности положения тех миллионов, которые еще работают, не может уничтожить неуверенности в завтрашнем дне у работающих, не уничтожив капиталистического общества. Только в СССР, где пролетариат является господствующим классом, где средства производства находятся в руках пролетариата, рабочий становится хозяином своего существования в целом, исчезла эта непрочность положения рабочего, уничтожена безработица. Уничтожение безработицы — величайший итог первой пятилетки.

«В чем состоят основные результаты наших успехов в области промышленности и сельского хозяйства с точки зрения коренного улуч-

²⁹ Данные за 1913 г. по территории в нынешних границах СССР. «Итоги пятилетки» т. 1, стр. 210.

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, «Немецкая идеология», 1933 г., стр. 67; подчеркнуто нами.

³¹ Там же, стр. 26.

шения материального положения трудящихся? Они состоят, во-первых, в уничтожении безработицы и ликвидации неуверенности в завтрашнем дне среди рабочих»³¹.

Труд перестал быть чем-то случайным не только в смысле контроля над ним самого пролетария, но перестал быть случайным и в смысле возможности существования его. Уровень существования, и интенсивно и экстенсивно расширивший и расширяющий свои границы, стал другим, стал полнее, стал уровнем хозяина, уверенного в своем положении и в своем завтрашнем дне... Но это не низкий уровень индивидуального хозяйства, мелкого буржуа, владеющего средствами производства и также неуверенного в завтрашнем дне. Рабочий является хозяином потому, что он принадлежит к классу, являющемуся коллективным владельцем средств производства, являющемуся собственником, революционно перестраивающим всю экономику, все общество, общество действительно свободных производителей, господствующих над своими общественными отношениями. Этот коллектив растет, все меньше и меньше становится людей, могущих перекладывать труд свой на плечи других, на плечи другого класса. Уничтожение армии безработных означает отсутствие людей, вынужденно свободных от труда и средств существования. Уничтожена капиталистическая свобода труда, которая освобождала труд от всякого содержания, делала его враждебным рабочему, которая была свободной от средств существования и от средств производства.

Эта связь с коллективом является условием личной свободы, действительной свободы рабочего. «Мнимая коллективность, в которую объединялись до сих пор индивиды, всегда противопоставляла себя им как нечто самостоятельное; а так как она была объединением одного класса против другого, то для подчиненного класса она представляла собою не только совершенно иллюзорную коллективность, но и новые оковы»³².

И несколькими строчками выше Маркс подчеркивает: «Только в коллективе получает индивид средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков, и следовательно только в коллективе возможна личная свобода»³³.

Конечно еще далеко до той свободы, о которой говорил Маркс, но этот процесс освобождения разворачивается вглубь и вширь и на этом этапе социалистического общества. Социалистический сектор растет, включаются все новые и новые миллионы новых работников. Разворачивается действительная коллективность — необходимое условие личной свободы.

Если взять только рост пролетариата, который является основным костяком социалистического сектора, то первая пятилетка дала огромные сдвиги, чрезвычайно расширила границы новой растущей, создающейся действительности — коллективности (см. табл. на стр. 94).

11 млн. вновь включенных работников социалистического сектора — это не просто количественный рост его. Этот рост произошел на основе успехов социалистического строительства и является самым могущественным фактором его дальнейшего развертывания. Каждый включенный в социалистический сектор включается в огромный кол-

³¹ Сталин, Итоги пятилетки, стр. V.

³² Маркс, Немецкая идеология, стр. 65.

³³ Там же.

Рост пролетариата (в тысячах) ²⁴

	1928 г.	1932 г.	1932 г. в % к 19.8 г.
Во всех областях народного хозяйства	11 599,0	22 804,3	196,6
В ценовой промышленности	3 126,0	6 411,1	201,9
В строительной	723,0	3 125,8	432,3
В с.-х. и лесной	2 007,0	3 905,1	194,6

лектив, который не противопоставляется ему, не подчиняет его, который не создает ему новых оков, а постепенно освобождает его от старых. Он, включаясь в этот коллектив, постепенно вместе с ним все больше и больше овладевает производительными силами и их развитием, подчиняет его себе как члена этого огромного коллектива. Общественные отношения перестают господствовать над ним как чуждая ему сила. Сила коллектива — это сила его самого. И благодаря этой новой коллективности перед ним открываются колоссальные возможности обогащения его личной жизни, раздвижения его границ. Процесс перестройки людей, процесс осознания себя хозяином этого огромного богатства во всем его многообразии — чрезвычайно длительный процесс... Тысячами фактов можно иллюстрировать это положение. Ярким примером перестройки людей является перестройка строителей Беломорского канала, их включение в этот огромный и все растущий коллектив социалистических строителей. Это действительно скачок из царства необходимости каждого из них в царство свободы: от прозрачной, иллюзорной свободы люмпен-пролетария, в буквальном смысле слова воровавшего кусочками возможность существования, к действительной свободе строителя социалистического общества, свободного, независимого хозяина своего существования как равноправного члена этого огромного коллектива социалистических строителей.

Мы взяли крайний случай. Можно было бы остановиться на других, более типичных случаях. Но сущность процесса остается той же самой... В социалистический сектор сейчас включены миллионные массы крестьянства. Эти разрозненные раньше производители, мир которых определялся размерами их избы, участка, стали частью большого коллектива, который строит свой новый мир, свое существование, определяет его содержание, его границы.

Эти процессы говорят о многом. Они говорят о резком изменении уровня жизни рабочих масс, коренном изменении его содержания, его качественной характеристики, его объема. Он не урезывается отчуждением значительной части существования другим классом, как например урезывается существование рабочего в условиях капитализма, как урезывается незаметно при сохранении внешней самостоятельности существование мелкого товаропроизводителя, ограбляемого классом капиталистов. Существование работника социалистического сектора не раздваивается на две антагонистические части. И следовательно его уровень жизни определяется всем существованием в целом. Кроме того уровень жизни теряет свой индивидуалистический характер, который он имел в капиталистическом обществе. Борьба за повышение уровня жизни есть действительная коллективная борьба, без конкуренции между отдельными членами коллектива, ибо уровень жизни определяется достижениями всего коллектива, и борьба ка-

ждого должна быть не только борьбой за свой участок работы и не только за соседний, но даже и за дальний. Это — коллективность, которой не было и не могло быть в условиях капитализма. В условиях капитализма «свобода труда есть свободная конкуренция рабочих между собой».

В условиях капитализма уровень жизни рабочего чрезвычайно ограничен и в процессе развития все более и более ограничивается, все более и более снижается. Возможность рабочего поддержать свое существование в условиях капитализма определяется зарплатой, определяется продажей на время его рабочей силы и возможностью непрерывного возобновления этой продажи. Перерыв, хотя бы временный, является исключением возможности его существования...

Зарплата же имеет тенденцию к понижению, ибо растущая армия безработных давит на зарплату, особенно этот процесс резко сказывается на последнем этапе капитализма. Если мы возьмем данные буржуазной статистики, которой особенно доверять нельзя, или, вернее, лучше не доверять, то и она не может скрыть этого процесса.

Если в 1929 г. индустриальный рабочий в Германии получал в среднем в неделю 42,20 марки, то в 1932 г. он в среднем получал только 20,50 марки⁸⁵.

Рост безработицы, уменьшение заработной платы совершенно очевидно получают свое выражение в резком ухудшении условий существования рабочего. Ухудшение жилищных условий, неизбежное в условиях капитализма, на последнем этапе капитализма принимает катастрофический характер. Растут «дикие» поселки под большими капиталистическими городами, где люди ютятся в наскоро сколоченных домиках из фанеры, из ящиков и т. п. Затраты на коммунальные услуги уменьшаются, сокращается социальное страхование...

Совершенно другой процесс идет в СССР, в стране строящегося социализма, в стране, вступившей уже в начальный период социализма. Мы уже говорили, что уровень жизни рабочего в СССР определяется совершенно другими условиями, чем в капитализме, имеет другой, совершенно другой охват и т. д. Процесс труда рабочего в СССР перестал быть базой обогащения другого класса и его собственного обнищания. Он стал базой его собственного благополучия, он стал его собственным, неотчужденным процессом. То, что получает рабочий в СССР, определяется не законом зарплаты, не стоимостью рабочей силы, а определяется достигнутым уровнем производительных сил, определяется достигнутым и по качеству и по количеству уровнем социалистического строительства, ростом производительности труда. Рабочий класс является хозяином в СССР, является также и хозяином своего уровня жизни. От него зависит рост уровня жизни как в целом, так и части получаемых им необходимых средств существования. Зарплата, получаемая рабочим, является лишь формой участия в распределении созданного всем классом продукта в зависимости от количества и качества труда, затраченного каждым рабочим. Значительная часть созданных им продуктов идет на удовлетворение общественных потребностей, которые в то же время являются и его потребностями, ибо он является частью этой вновь созданной коллективности. Расширение производства, образование запасного фонда, культурные потребности и т. д. являются базой дальнейшего поднятия

⁸⁵ Kuczynski, Löhne und Konjunktur in Deutschland», 1887—1932 г.

его уровня жизни в целом, дальнейшего роста его и вглубь и вширь, дальнейшего обогащения его существования.

Поэтому успехи в области развертывания социалистического хозяйства получают свое выражение и в движении зарплаты. В СССР в противоположность капиталистическому обществу идет неуклонный рост зарплаты. Следующие данные показывают движение годовой зарплаты и движение ее фонда за первую пятилетку.

Фонд зарплаты с 8 058 млн. в 1928 г. вырос до 32 667 млн. руб. в 1932 г.

Среднегодовой заработок рабочего поднялся с 703 руб. в 1928 г. до 1 432 руб. в 1932 г.

Фонды заработной платы (в миллионах рублей)³⁶

Показатели	1928 г.	1932 г.	1932 г. в % к 1928 г.
По всем отраслям народного хозяйства . . .	8 158,8	32 667,3	400,4
В том числе:			
Фабрично-заводская промышленность . . .	2 720,0	9 330,0	343,0
Строительство	720,0	4 829,2	670,7
Сельское и лесное хозяйство	614,0	3 740,6	609,2
В том числе:			
Совхозы и МТС	113,0	2 059,0	1 833,0

Годовая заработная плата (в рублях)³⁷

Показатели	1928 г.	1932 г.	1932 г. в % к 1928 г.
Весь пролетариат	703,4	1 432,4	203,6
В том числе:			
Фабрично-заводская промышленность . . .	870,0	1 478,4	169,7
Строительство	996,0	1 541,9	155,1
Сельское и лесное хозяйство	305,9	957,0	313,1
Просвещение	678,0	1 630,0	240,4

Ликвидация безработицы, рост пролетариата привели к значительному увеличению количества работающих в рабочей семье, что конечно не могло не получить отражения и в увеличении зарплаты, получаемой рабочей семьей, а следовательно в подъеме уровня жизни рабочего. Количество зарабатывающих в семье сильно увеличилось.

У нас нет точных данных за весь период, но данные за 1928 и 1931 гг. достаточно четко говорят об этом: количество зарабатывающих в семье возросло с 1,2 в 1928 г. до 1,5 в 1931 г. Это конечно не могло не вызвать значительного роста заработка семьи.

Но этим конечно далеко не исчерпывается то, что в различных формах получает рабочий.

Фонд социального страхования за период пятилетки увеличился почти в 3 раза. Это особенно ярко выступает на фоне сокращения

³⁶ «Итоги пятилетки», стр. 180.

³⁷ Там же, стр. 178.

соцстрахования в условиях капитализма и в условиях уничтожения безработицы в СССР.

Следующая таблица показывает огромный рост соцстрахования и других источников существования рабочего за первую пятилетку.

Основные статьи расходов на культурно-бытовое обслуживание неземледельческих рабочих в 1928 и 1932 гг. ³⁹

Статьи расходов	Фонды расходов (в тыс. руб.)		1932 г. в % к 1928 г.
	1928 г.	1932 г.	
1. пособия по социальному страхованию			
а) пособия по временной утрате трудоспособности (включая дополнительные виды)	200,9	548,3	272,9
б) пособия по безработице	65,4	—	—
в) пенсии	128,8	300,7	233,5
г) прочие выплаты по соцстраху	—	33,1	—
д) итого пенсий и пособий по соцстраху	395,1	882,1	223,3
2. Пособия профсоюзов	17,4	26,0	149,4
3. Стенденди	34,5	508,2	1 473,0
4. Просвещение и культобслуживание	216,7	1 885,1	869,9
5. Здравоохранение	234,8	1 033,0	440,0
6. ФУБР ⁴⁰	40,8	60,8	149,0
7. Доплата ученикам ФЗУ за часы теоретического обучения	8,1	84,1	1 038,3
8. Всего по приведенным статьям	947,4	4 479,3	472,8
9. Всего по приведенным статьям без пособий по безработице	882,0	4 479,3	507,8

Конечно указанные статьи не исчерпывают всего того, что рабочий получает от пролетарского государства помимо индивидуальной заработной платы из обобщественного фонда. Эти формы обычно объединялись неудачным названием «социализированная зарплата». Распределение этих обобщественных фондов в основном также идет в зависимости от количества и качества затраченного труда: В среднем они составляют значительную сумму по отношению к индивидуальной зарплате рабочего (35 — 40%).

При изучении динамики уровня жизни как в целом, так и по отдельным элементам необходимо отбросить сплошной подход, который затушевывает ведущие, определяющие процессы, происходящие в экономике СССР. Ярким показателем характера движения уровня жизни в СССР является резкое изменение уровня жизни различных слоев населения в связи с происходящими социальными сдвигами. Например в 1928 г. в сельском хозяйстве насчитывалось 1,3 млн. батраков и 345,4 тыс. рабочих в совхозах. В 1928 г. уже насчитывалось 2,3 млн. рабочих совхозов. Такая передвижка привела и не могла не привести к резкому повышению заработка (бюджет совхозного рабочего почти в 2 раза больше бюджета крестьянина).

Еще больший сдвиг имеется в связи с тем, что значительное количество новых рабочих в промышленности за пятилетку пришло из деревни. Их уровень жизни резко изменился, повысился, резко изменилась вся обстановка их существования. К сожалению, у нас нет достаточных данных, характеризующих эти сдвиги.

³⁹ «Итоги пятилетки», стр. 181.

⁴⁰ Фонд улучшения быта рабочих.

Все эти процессы являются яркой характеристикой созданной и создающейся новой социалистической системы хозяйства. Они вытекают из ее сущности, из того, что у власти стоит пролетариат, из того, что средства производства являются общественной собственностью. Существование работника социалистического сектора не раздвоено на две антагонистические части. Оно принадлежит целиком ему как члену огромного коллектива строителей социалистического общества. Все 24 часа в сутки в той или иной форме принадлежат ему. В условиях же капитализма рабочий день, рабочее время стремится поглотить «свободное» время, время рабочего.

Рабочее время в условиях капитализма — враг свободного времени рабочего. Оно стремится поглотить его, превратить «всю жизнь рабочего в рабочее время» (Маркс).

Совершенно противоположный процесс происходит в СССР. Само рабочее время получает другой характер, другое содержание. Оно принадлежит рабочему. Уничтожается антагонистичность рабочего времени и свободного времени. Это — две части собственного существования рабочего. Рабочее время становится основой свободного времени, а не врагом его.

«Само собой разумеется, что само рабочее время благодаря тому, что оно ограничено нормальным сроком, что оно уже не существует более для другого, а для меня самого, вместе с устранением социальных противоположностей между господами и рабами и т. д., как настоящий социальный труд, наконец как основа свободного времени, — получает совершенно другой, более свободный характер»⁴¹.

Свободное время растет на основе рабочего времени. Растет экстенсивно и интенсивно. Сокращается рабочий день. Свободное время интенсивно растет потому, что условия жизни меняются: улучшаются квартирные условия, увеличиваются коммунальные услуги, создаются прачечные, освобождающие семьи рабочих от стирки, создаются фабрики-кухни, освобождающие от варки пищи, разворачивается сеть дошкольных учреждений и т. д. Происходит своеобразное обобществление свободного времени рабочего, освобождение индивидуального времени рабочего от тех пут, которые не дают использовать его полностью как свободное время рабочего.

Данные итогов пятилетки говорят о значительных сдвигах в деле улучшения положения рабочего.

Приведем некоторые итоги пятилетки:

Жилстроительство в городах за 1928—1932 гг.	
Годы	На конец года (в миллионах м ²)
1928	162,46
1929	166,96
1930	172,61
1931	177,75
1932	185,66

«В течение пятилетки в обобществленном секторе создана новая площадь в 22 254 млн. м². Кроме того 5 млн. м², отстроенных в 1932 г., будут готовы для заселения в 1933 г.»⁴².

⁴¹ Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 213.; подчеркнуто мной.

⁴² «Итоги пятилетки», стр. 201—202.

Еще более яркую картину мы имеем в области обслуживания общественным питанием.

В результате первой пятилетки мы имеем «рост общественного питания с охватом свыше 70% рабочих решающих отраслей промышленности, что даст перевыполнение пятилетки в 6 раз»⁴³.

Годы	Общественное питание (в тыс. руб.)
1928	550
1931	11 300
1932	14 000, или 70% насмного труда

Улучшение положения рабочего видно по линии обобществления обслуживания детей.

Если в 1920/21 г. дошкольные учреждения воспитывали 245 тыс. детей и в первом году пятилетки 453 тыс., то к концу первой пятилетки мы имеем свыше 9 800 тыс.

Яслями было охвачено: в 1928 г. — 43 600 детей, в 1932 г. — 286 400, т. е. в 6½ раз больше.

В с.-х. районах охват детей яслями доходил в 1928 г. до 4 700 детей, а в 1932 г. — 435 500, т. е. в 92 раза больше⁴⁴.

Эти сдвиги в материальном положении рабочего получают свое выражение и в высвобождении времени, в росте свободного времени, ибо рабочее время в СССР является основой свободного времени.

Время — это богатство. Рабочий, рабочая семья стали богаче. Как же используется это все растущее богатство? У нас нет данных за пятилетку. Но и имеющиеся данные говорят о том, по какой линии происходят сдвиги в бюджете времени рабочего, что видно из следующей таблицы (в часах):

	1923/24 г.	1930 г.
М у ж ч и н ы		
Самовоспитание	1,60	2,65
Общественная деятельность	0,16	1,72
Ж е н щ и н ы		
Сомовоспитание	0,53	1,30
Общественная деятельность	0,15	0,77

Рабочий использует все растущее богатство свободного времени на поднятие своего культурного уровня, на поднятие своей технической и производственной квалификации и т. п. Подъем культурного уровня технической подготовленности отражается на изменении качества рабочего времени. Рабочее время в рабочем государстве не враг свободного времени. Наоборот, на его базе последнее делается количественно и качественно богаче, колоссально расширяя свои границы.

Мы в этой статье не остановились на многих вопросах, связанных с проблемой уровня жизни, на многих итогах пятилетки. Мы остановились лишь на некоторых основных процессах. Мы также не оста-

⁴³ Сталин, Итоги пятилетки.

⁴⁴ Там же, стр. 201.

навливались и на целом ряде недостатков, с которыми нам приходится сталкиваться при рассмотрении этого многообразного вопроса, на целом ряде временных трудностей. Мимо них нельзя пройти, с ними нужно бороться. Но их неверно было бы рассматривать как линию движения уровня жизни рабочих в СССР. Это все равно, как если бы мы стали, как сказал Ленин по другому поводу, рассматривать остановки поездов как закон, а движение поездов — как отклонение от этого закона.

Еще далеко конечно до коммунистического общества, где «самодеятельность совпадает с материальной жизнью, что соответствует развитию индивидов в цельных индивидов и устранению всякой стихийности, точно так же соответствуют друг другу превращение труда в самодеятельность и превращение прежнего, вынужденного общения в общение между собой индивидов как таковых»⁴⁵.

До этого еще далеко, но уже отчетливо видны происходящие процессы, ведущие к этому. Но уже отчетливо видна дорога к этому, проложенная рабочим классом СССР под руководством опытного вождя — коммунистической партии.

ВАЛЮТНАЯ РАЗРУХА КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

Крах доллара является вторым этапом валютного развала, который начался в сентябре 1931 г. с отходом фунта стерлингов от золота.

Было бы однако неправильно рассматривать валютный хаос, которым сопровождается теперешний экономический кризис, вне всякой связи с валютным хаосом, который разразился после мировой войны.

Стабилизация валют в капиталистических странах была столь же частична, относительно, непрочна и временна, как и стабилизация капитализма вообще. Марка была стабилизирована в 1924 г., фунт — в 1925, франк — фактически в 1926, а юридически только в 1928 г. Индия и Италия застabilизовали свои валюты только в 1927 г., Дания и Норвегия — в 1928 г., Япония — только в 1930 г.

Не успев закончиться, валютный хаос опять с небывалой силой возобновился. Во всяком случае период относительной стабилизации капиталистических валют продолжался не более пяти лет.

Поневоле напрашивается заключение, что неустойчивость капиталистических денежных систем имманентна периоду общего кризиса капитализма.



Экономический кризис вскрыл всю никчемность плана Юнга. Поднятый под давлением экономического кризиса вопрос о пересмотре плана Юнга и проект таможенной унии с Австрией открыл глаза Франции на всю шаткость ее позиций по репарационному вопросу.

Германия не могла и не хотела платить. Бывшие же союзники Франции, Англии и САСШ, сдавленные петлей мирового кризиса, стали относиться к вопросам репараций весьма прохладно. Коммерциализация была заторможена.

Франция решила принять на себя заботу о финансировании репараций. Франция берет курс на экономическую изоляцию Германии и полное подчинение ее Франции. Французская печать начинает проповедывать экономическое «сотрудничество» Франции и Германии.

Смысл этого «сотрудничества» был очень ясен. Экономически изолированная Германия должна была превратиться в вотчину Франции.

Последняя, обеспечив себя достаточными гарантиями, великодушно готова была взять на себя задачу финансирования репараций путем финансового проникновения во все поры германского хозяйства.

Такое финансовое проникновение улыбалось Франции и по военным соображениям. Под ее контроль подпали бы все те отрасли германской промышленности, где выковывается германский «реванш», в том числе и химическая промышленность.

Чтобы экономически терроризировать Германию и заставить ее подчиниться, Франция начинает отзывать из Германии свои авуары и этим дает сигнал к всеобщему бегству капиталов из Германии, не-

только чужих, но и своих. Ударом по австрийскому «Кредитанштальту» Франция разрушает план экономического слияния Австрии и Германии.

Результатом этого было усиленное бегство из Германии чужих и своих капиталов, которое довело Гроссбанки до банкротства.

Так как прекращение платежей Германией сильно затронуло Лондон и так как в Англии к тому времени обозначились перспективы бюджетного дефицита в 120 млн. ф. ст., то бегство иностранных капиталов началось и из Лондона. Вслед за иностранными капиталами началось бегство из Англии своих же отечественных капиталов. Ничего не остается от всего патриотизма капиталиста, когда этот патриотизм ему грозит убытками. Его действительным классовым отечеством является та страна, где его капитал более всего обеспечен.

В результате этого возобновляется отлив золота из Англии. В течение последних трех недель июля 1931 г. Английский банк потерял золота на 30 млн. ф. ст.

Если после этого мы укажем, что с середины июля до 20 сентября 1931 г., по официальному сообщению английского правительства, из Лондона было отозвано иностранных средств больше, чем на 200 млн. ф. ст. и что 21 сентября специальным актом английского правительства отменена обязанность Английского банка выдавать золотые слитки взамен банкнот; если к этому прибавить, что отход Англии от золотого стандарта развязал валютный кризис и что вслед за Англией от золотого стандарта юридически или фактически отошли Дания, Норвегия, Швеция, Португалия, Финляндия, Северная и Южная Родезия, Британская Индия, Египет, Сиам, Канада и все другие колонии и доминионы Великобритании, за исключением Южноафриканского союза, последовавшего примеру Англии только через 15 мес.; если наконец укажем, что отошла от золотого стандарта Япония, которая только в начале 1930 г. возобновила обмен банкнот на золото¹, то станет понятным, почему некоторые товарищи склонны взваливать вину за валютный хаос в основном на кредитный кризис.

Такая точка зрения более или менее соответствовала бы действительности, если бы можно было доказать, что кредитный кризис был для Англии действительно непреодолимым форсмажором, что в условиях кредитного кризиса у Англии действительно не было другого выхода, кроме отхода от золотого стандарта.

На самом деле это было далеко не так.

Как только обозначилась опасность отхода Англии от золотого стандарта, Франция и Англия круто изменили свою политику.

Франция, которая пользовалась своим золотым запасом для защиты своих колонизаторских планов по отношению к Германии от вмешательства Англии и которая была с последней в состоянии перманентной золотой войны, резко изменила свою тактику и предоставила Англии для защиты фунта заем сперва в 25 млн., а затем в 40 млн. ф. ст. Такие же суммы дает основной конкурент Англии — Америка.

Телеграмма ТАСС от 29 августа 1931 г. гласит:

«Американская часть франко-американских кредитов Англии в 400 млн. долл. (80 млн.) будет предоставлена группой 110 крупнейших банков во главе с банком Моргана. Заем предоставляется на один год. Банкиры в опубликованном сообщении открыто признают, что пре-

¹ К моменту отхода Англии от золотого стандарта уже были значительно обесценены валюты Китая, Австралии, Греции, Исландии, Испании, Мексики, Никарагуа, Сан Сальвадора, Аргентины, Бразилии, Боливии, Эквадора, Уругвая, Венесуэлы.

доставление этих кредитов в свете того влияния, которое оказал финансовый кризис Германии на САСШ, и того серьезного действия, которое могут иметь финансовые затруднения Англии, есть лишь проявление «просвещенного эгоизма». Банкиры заявляют, что для поддержания английского фунта должно быть сделано все возможное. Данные кредиты даются без всяких условий и без требования сокращения бюджетных расходов Англии.

Казалось бы, что после займов, предоставленных с такой готовностью, во всяком случае мог бы быть поставлен вопрос о новом займе.

Не говоря уже о соображениях торгового порядка, о которых — ниже, Франция была заинтересована в прочности фунта по той причине, что очень большая часть ее девизного портфеля состояла из стерлингов. Такова же была картина и в Голландии. И та и другая страны после отхода Англии от золота потерпели огромные убытки. Если, несмотря на возможность таких убытков, ни Голландия, ни Франция своих стерлинговых девиз не сбросили, то это значит, что они готовы были на определенные жертвы для спасения фунта.

Ставила ли Англия вопрос о дальнейшем займе? Нет! Может быть у Англии не было, так сказать, экономических предпосылок, чтобы брать на себя новые обязательства? Смешно об этом говорить по отношению к стране, имеющей за границей колоссальные вложения (от 3 до 4 млрд. ф. ст.).

Все иностранные краткосрочные авуары в Англии оценивались к началу «бегства» в 400 млн. ф. ст. при 150 млн. английских краткосрочных авуаров за границей. Из них около 200 млн. успело уйти до приостановки размена. Английские финансисты достаточно опытные, чтобы знать, что пока какая-нибудь фирма платит, дело никогда не может дойти до того, чтобы все пассивы были истребованы. Стало быть речь шла о том, чтобы при помощи нового американского займа, а на худой конец при помощи части золотого запаса, который к моменту прекращения размена равнялся весьма солидной сумме — 130 млн. ф. ст., а на самый худой конец путем хотя бы невыгодной, но спешной реализации хотя бы ничтожной части своих иностранных вложений продолжать платежи в золоте, пока бегство не исчерпало бы себя и не сменилось бы обратной тенденцией. А как легко меняется направление международных потоков капитала во время паники, английские финансовые воротилы не могли не знать.

Пошла ли Англия по этому пути? Можно ли действительно сказать, что Англия исчерпала все ресурсы в борьбе за фунт и что, несмотря на это, кредитный кризис заставил ее отойти от золотого стандарта? Нет! Сказать этого никоим образом нельзя.

Посмотрим далее, какова была политика Англии после приостановки размена банкнот на золото? Старалась ли она хотя бы в течение некоторого времени сохранить курс фунта на уровне, близком к паритету? А если она этого не делала, то оставила ли она по крайней мере курс фунта в покое, предоставив его самому себе? Нет. Как мы увидим ниже, Англия предприняла упорную понижительную интервенцию по отношению к фунту и непрерывно продолжает ее до сих пор.

Что касается вопроса о том, в какой мере отход от золота был заранее преднамеренно обдуман, то этот вопрос совершенно не важен. Важно установить экономические причины, заставившие Англию отказаться от золотого стандарта, который был установлен с таким тру-

дом и жертвами всего 6 лет назад и который был так важен для роли Лондона как мирового финансового центра.



О чем говорят факты? Кредитный кризис создал ту обстановку, при которой силы, толкавшие Англию на путь обесценения фунга, могли проявиться. Он помог нейтрализовать то сопротивление, которое могло встретить обесценение фунга, бьющее по рабочему классу, по мелкому рантье и по некоторым прослойкам класса капиталистов. Взять хотя бы то обстоятельство, что Англия имеет колоссальные суммы ссудного капитала за границей, которые обесцениваются вместе с обесценением фунга. Правда, эти ее потери обычно переоцениваются, так как упускают из виду, что только часть ее иностранных вложений имеет форму займов. Кредитный кризис уже одним тем облегчил отход Англии от золота, что благодаря ему вопрос обесценения предоставленных за границей займов потерял часть своей остроты: все равно, мол, не платят. Но основное, ведущее начало в этом вопросе лежит не в области кредитного кризиса. Основные силы, толкавшие Англию по пути обесценения фунга, были вызваны тем положением, в котором оказалась отсталая английская промышленность в условиях всеобщего кризиса капитализма.

Англия не выдерживала конкуренции ни с Германией, ни с САСШ. Если сравнить внешнюю торговлю Англии в 1913 и 1927 гг., исходя из довоенных цен, то мы увидим, что ее вывоз снизился на 21%, а ввоз повысился на 14%. За 1928 г. положение улучшилось очень мало. Внешняя торговля Англии уже давно была больным местом, и по этому больному месту со всей силой ударил экономический кризис. Даже при равной силе удара последний отозвался бы на Англии более болезненно; на самом же деле, как этого и следовало ожидать, Англия к 1931 г. пострадала от кризиса в отношении внешней торговли значительно больше, нежели Германия и Франция, а с точки зрения отношения экспорта и импорта более, чем Германия, САСШ и Франция.

Процентное отношение 1931 г. к 1929 г.

	А. Экспорт	Б. Импорт	Отношение А к Б
Англия . . .	53,4	75,9	0,79
Франция . .	60,7	72,4	0,83
Германия . .	70,5	50,1	1,40
САСШ	46,3	47,5	0,97

У английской промышленности остался только один выход: путь валютной конкуренции. Если нельзя брать дешевизной товаров, приходится брать дешевизной валюты. Тем более, что дешевизна валюты, поощряя экспорт, в то же время тормозит импорт; тем более, что снижение курса фунга означает в конечном счете уменьшение бремени задолженности промышленности.

Безымян валютной конкуренции заставила САСШ и Францию броситься на помощь фунту.

Стремление английской промышленности к валютной конкуренции было основной силой, которая привела Англию к отходу от золотого стандарта.

Как мы указали выше, к моменту отхода Англии от золотого стандарта в государствах Южной Америки, Австралии, а из европейских стран — в Греции, Исландии и Испании валюты были обесценены. Некоторые товарищи хотят на основании этого смазать скачкообразный характер появления валютного хаоса, а вместе с тем и решающую роль Англии в его возникновении.

На этом они хотят нажать тот весьма сомнительной ценности капитал, что, сведя на нет решающую роль Англии в развитии валютного хаоса, они тем самым представляют валютный хаос просто как одну из форм проявления кредитного кризиса.

Бросать в одну кучу обесценение, с одной стороны, таких хронически больных валют, как валюты Южной Америки, Греции, Испании, а, с другой стороны — Англии и ее доминионов, Швеции, Норвегии, Дании, Японии, — значит, мягко выражаясь, забыть все, что касается диалектической трактовки вопросов количества и качества.

Буржуазная наука давно идет по этому пути. Для нее нет ничего специфического в капитализме, ибо наемный труд существует уже тысячи лет. Для нее нет ничего специфического в империализме, ибо монополии — явление старое, а войны тем более. Для нее нет ничего специфического в современном экономическом кризисе, ибо кризисы «случались» уже много раз. Только с этой точки зрения и в разразившейся в конце лета и осенью 1931 г. валютной катастрофе нет ничего специфического, ибо в самых слабых звеньях капиталистического хозяйства с валютой хронически неблагополучно.

Благодаря неравномерному развитию капитализма в эпоху империализма, промышленная слабость и обреченность в Англии сочетались с огромной финансовой мощью. Фунт все еще является мировой валютой. Англия все еще является крупнейшим покупателем на мировом рынке.

Обесценение фунта было катастрофой для большинства английских доминионов и для скандинавских стран, для которых основным покупателем является Англия, а следовательно основной валютой является фунт. Если бы, скажем, датский экспортер масла получил в Дании за фунт не сумму, колеблющуюся вокруг паритета в 18,15 крон, а, скажем, крон 13, как это полагалось бы по курсу фунта, то ему нечем было бы расплачиваться за рабсилу, за ренту, за корм и т. д. Ему пришлось бы настолько повысить цену экспортного масла, что его сбыт резко сократился бы и вследствие увеличения рентабельности производства масла в самой Англии, и вследствие уменьшения потребления, и вследствие того, что другие страны, экспортирующие масло в Англию и присоединившие свою валюту к фунту, могли бы продавать в Англии масло по более дешевой цене. Кризис и без того острый, совсем сдавил бы горло. Остался единственный выход — обесценить датскую крону и свалить в конечном счете убытки, которые от этого получатся, на продавцов рабочей силы. Никто из основных поставщиков Англии не мог позволить своим конкурентам безраздельно использовать все преимущества присоединения к фунту. Если прибавить к этому то, что дешевая валюта повышает конкурентоспособность не только на английском рынке, но и на всех других, если к этому прибавить периферическую экономическую связь указанных стран друг с другом помимо Англии, то станет ясно, почему вслед

за Англией обесценили свои валюты английские доминионы и скандинавские страны, образовав вместе с Англией так называемый стерлинговый блок, и почему именно отход Англии от золота был тем скачком, который создал валютный хаос. При этом ошибочно принять накопление суммы стран с хронически слабой валютой за то количество, которое в этом скачке перешло в качество. Тут суммировались не Аргентина, Бразилия, Эквадор и т. д.; тут суммировались те предпосылки, анализ которых нами дан выше и которые надо брать не эклектически, не по принципу уравниловки, придавая одинаковое значение промышленной отсталости Англии, кредитному кризису, агрессивной финансовой политике Франции и т. д., а выделяя основное, ведущее начало, которое сводится к влиянию неравномерного развития капитализма в условиях небывалого экономического кризиса на базе общего кризиса капитализма.

Только таким образом можно себе уяснить, почему современный экономический кризис привел к валютному хаосу, между тем как за всеми предыдущими кризисами этого качества не водилось.

Только таким образом можно уяснить себе, почему эпохе общего кризиса капитализма имманентна неустойчивость денежных систем.

Валютная конкуренция — это упадочная форма конкуренции. Вместо конкуренции путем прогресса в сфере производства — конкуренция путем регресса в сфере обращения.

Валютный демпинг в широких размерах впервые стали применять побежденные в мировой войне Германия и Австрия. Победители, оценив по достоинству актуальность и опасность этого оружия слабых, поспешили стабилизировать германскую валюту. Но этим путем они добились только того, что Германия для сохранения конкурентоспособности в последний раз нажала на рычаг капиталистической рационализации, и нажала так, что, можно сказать, вывела его из строя навсегда. Когда начался мировой кризис, никто уже не искал выхода из него в рационализации, ибо для всех было ясно, что в создавшихся условиях (а это, как мы знаем, условия последнего этапа общего кризиса капитализма) технический прогресс может только наводнить рынок новыми товарными массами, но отнюдь не увеличить наличную покупательную силу и что следовательно он может только углубить кризис. Оружие валютной конкуренции вновь появляется на сцену. За это оружие в силу неравномерного развития капитализма в первую очередь берется та страна, у которой меньше всего шансов другим путем перебросить часть тяжести кризиса на других, а именно Англия.

В первый период эпохи общего кризиса капитализма путь валютной разрухи шел от внутренней инфляции к валютной конкуренции. Теперь путь идет в обратном направлении.



Ясно, что валютный хаос никем не может быть признан способом лечения кризиса. Если еще по отношению к внутренней инфляции приходится слышать от буржуазных экономистов, что от нее можно ждать нового расцвета, то по отношению к валютному хаосу никто этого и не говорит. Валютный хаос — это способ переброски тяжести кризиса с одних плеч на другие. Понятно, что такая переброска с плеч на плечи могла только **увеличить** тяжесть кризисов.

Попытаемся хотя бы в общих чертах это конкретизировать.

1. Таможенная война

Естественным следствием валютной войны было усиление таможенной войны. Как в военно-морской технике конкурируют между собою сила артиллерийского ядра и сила сопротивления брони, так в переживаемый капиталистическим миром период валютного хаоса конкурируют между собой валютный демпинг и таможенные стены.

Первой откликнулась на отказ Англии от золотого стандарта Италия, которая ввела 25 сентября 1931 г. сверхпошлину в 15% (ad valorem) на импортируемые товары. Исключение было сделано для угля и кокса, на которые сверхпошлина была установлена только в 10%, и для важнейших пищевых продуктов, искусственных удобрений, руд, цемента и драгоценных металлов, которых сверхпошлина совершенно не коснулась.

Затем протекционистские меры посыпались, как из рога изобилия, причем от других стран не отстали и некоторые английские доминионы, особенно те, которые не тотчас присоединились к стерлинговому блоку (Канада, Южноафриканский союз). Одни вводили сверхпошлины, другие просто увеличивали существующие пошлины, третьи вводили квоты и контингенты (этот метод особенно энергично применялся Францией), четвертые, как например Южноафриканский союз, вводили экспортные премии, которые финансировались за счет ввозных пошлин. Канада просто установила таможенные надбавки на товары, привозимые из Англии, в размере той суммы, на которую эти товары подешевели вследствие падения курса фунта. Это было сделано на основе существующего в Канаде закона о валютном демпинге. «Exchange dumping.»

В течение периода валютно-таможенной войны большинство капиталистических стран подвигало таможенный пресс по несколько раз. Особенно многократные распоряжения были изданы во Франции. Последняя отменила даже 40-процентную таможенную скидку, установленную для германских поставок натурой.

В ряде государств, в первую голову в Германии и Чехо-Словакии, сокращение импорта было основной целевой установкой валютных ограничений.

С другой стороны, период валютно-таможенной войны дал ряд торговых договоров специфического рода: Финляндия, Румыния, Венгрия и Польша заключают торговые договоры с Бразилией, Литва и Португалия — с Японией, Швейцария — с Сиамом.

В таможенной войне принимает деятельное участие и Англия. В ответ на рост таможенных стен у ее конкурентов и контрагентов она сама все туже завинчивает протекционистскую гайку.

20 ноября 1931 г. Англия издает закон о ненормальном импорте, предусматривающий пошлину в 50% (ad valorem) на товары, ввозимые в Англию в ненормальных количествах (abnormal quantities). Номенклатура этих товаров была потом дана в ряде дополнительных распоряжений. Сюда вошли ткани, пряжа, трикотаж, готовая одежда, посуда, мебель, ножи, бритвы, пылесосы, радиоаппараты, бумага, косметика, — словом все то, что может быть ввезено из Германии, Франции, САСШ и т. д. и отчасти из СССР.

Не ограничиваясь этим, Англия актом от 29 февраля 1932 г. налагает на импортные товары специальный налог в 10% (ad valorem). От этого налога освобождаются: 1) импорт доминионов, если не менее 25% стоимости товара создано внутри империи, 2) ряд товаров, преимущественно пищевых продуктов, по специальному списку (Free list).

Тем же актом учреждается «совещательная комиссия по таможенным пошлинам» с фактически диктаторскими полномочиями по части введения новых таможенных обложений. 19 апреля 1932 г. эта комиссия вводит добавочные пошлины в 5, 10, 15, 20 и 23 $\frac{1}{3}$ % ad valorem сверх прежних 10% на длиннейший список товаров, причем обложение «ненормального» ввоза отменяется.

Мы имеем наконец совершенно новое явление для последнего времени — это «вывоз предприятий» вместо товаров. В Англии открылось 40 иностранных предприятий, из которых 28 германских. Конечно и против этого ядра скоро будет создана броня.

2. Война за золото

Наряду с экономическим значением золотых запасов они приобретают в эпоху империализма колоссальное военное значение. Золото всегда имело большое военное значение. Афоризм, что для войны нужны деньги, деньги и деньги, гораздо старше империализма; но именно для эпохи империализма значение золота становится особенно большим, потому что масштаб войны становится другим. Если в войнах старого времени кроме воюющих стран участвовали еще и так называемые страны дружественного нейтралитета, которые хотя формально не воевали, зато финансировали войну, то теперь, при крупных мировых масштабах войн этот фактор дружественного нейтралитета сходит на-нет, поэтому то наличное количество золота, которое оказывается у воюющих держав к моменту войны, играет гораздо большую роль, чем оно играло в старое время.

Со времени Пизы, законы о покрытии банкнот очень мало продвинулись вперед. С тех пор произошли колоссальные сдвиги в области денег и кредита, а законы о покрытии изменились очень мало. Этот консерватизм объясняется стремлением во что бы то ни стало сохранить золото внутри страны для военных целей.

Это значение золотых запасов для империалистической войны продемонстрировал с чисто прусской бесцеремонностью Вильгельм II, поместив 120 млн. марок золотом в Шпандаузскую башню и приставив к ней часовых.

Если до мировой войны передовые империалистические страны мирились с тем, что некоторые отсталые страны хранили большие запасы золота, то после войны концентрация золота у «гегемонов» империализма выступает в самом неприкрытом виде, а со времени экономического кризиса, начиная с 1929 г., мы видим гиперконцентрацию желтого металла у так называемых стран-кредиторов. Общая сумма золотых запасов САСШ, Франции, Англии, Швеции, Швейцарии и Голландии была равна (на 31 декабря соответствующих лет, в миллионах марок):

Г о д ы	Золотой за- пас
1929	29 741,2
1930	33 105,3
1931	36 743,3

Естественно, что после 21 сентября 1931 г. борьба за золото особенно усилилась между странами, которые остались при золотом стандарте, а именно между САСШ и Францией.

Франция все время нажимала на САСШ, стремясь, во-первых, выкачать из них на случай войны как можно больше золота и, во-вторых, заставить их плясать в репарационном вопросе под дудку Парижа. Но эта борьба требовала большой осторожности и искусного маневрирования. Всякий раз, когда усиливался отлив золота из Нью-Йорка, усиливалась вместе с ним и опасность того, что САСШ наложат эмбарго на золото. Роль единственной страны, продающей по золотым ценам и платящей золотом, тогда еще совершенно не улыбалась Франции, особенно при ее пассивном торговом балансе. Поездка Лавалы в октябре 1931 г. в Вашингтон имела своим следствием коротенькое «золотое» перемирие между САСШ и Францией. Но не надолго.

Когда бегство капиталов из Лондона, как мы увидим ниже, сменилось новым притоком капиталов в Лондон, когда надежда заставить Англию путем таможенной войны вернуться к золотому паритету не оправдалась и когда стало ясно, что при дальнейшем развитии кризиса САСШ и Франции придется последовать примеру Англии, Франция по принципу «своя рубашка ближе к телу» бросила всякую заботу о долларе и стала усиленно откачивать золото из Америки, пока еще не поздно и пока еще эмбарго на золото в Америке не наложено.

Существовавшая в первый период после 21 сентября 1931 г. известная степень солидарности между Францией и САСШ в борьбе за сохранение золотого стандарта уступила место борьбе за последнее место в очереди стран, которые должны отойти от золотого стандарта.

Примеру Франции последовали государства-ростовщики: Швейцария и Голландия, которые ввиду надвигавшейся грозы стали загонять домой своих золотых гусей.

В спешной мобилизации золота приняла самое активное участие Англия. Огромный эквализационный фонд в 175 млн. ф. ст., предоставленный в распоряжение казначейства и банка для регулирования фунта, является по существу средством для усиления золотого кулака Англии.

Особенно интенсивно Англия стала покупать золото с января 1933 г. За время с 24 января до 4 апреля Английский банк купил огромную сумму золота в 55 236 тыс. фун. Причина ясна. В ожидании наложения эмбарго на золото в САСШ, Англия спешила наполнить кладовые банка золотом, которое ей так необходимо для предстоящей мировой войны. Несмотря на уплату Америке в декабре 19 млн. золотом, золотой запас Английского банка достиг на 4 апреля небывалой еще в его истории суммы в 175 млн. фун.

В ожесточенной борьбе за золото, которая разгорелась на базе валютного хаоса, была порядком пощипана Индия. Традиция тезаврирования золота эксплуататорскими классами Индии общеизвестна. Общая сумма тезаврированного в Индии золота оценивается примерно в 7 млрд. руб. Пользуясь вздорожанием золота, спекулянты в Индии стали сбывать его за границу, а на вырученные бумажки покупать недвижимость. За короткое время таким путем утекло из Индии золота на 48 млн. ф. ст.

3. Сбрасывание девиз эмиссионными банками.

Одной из форм проявления как борьбы за золото, так и разрыва кредитных связей является сброска девиз. В виде наследия от первого периода валютного хаоса в ряде стран (Германия, Бельгия, Авст-

рия, Венгрия, Чехо-Словакия, Финляндия, Болгария, Чили) остался золото-девизный стандарт, позволяющий включить в счет покрытия банкнот определенную часть в деви́зах (в Германии например 1/4). Это изменение на первый взгляд вносит известное облегчение в работу эмиссионных банков. Оно позволяет включить в состав покрытия эмиссии значительную часть того запаса иностранных деви́з, который имеется во всякой стране с более или менее значительным экспортом. Таким образом покрытием эмиссии может служить не только золото, уже находящееся в стране или могущее быть в любой момент привезенным в страну, но и такое, которое будет причитаться стране по истечении известного срока (в Германии — не больше 14 дней). В мировом масштабе это по внешности означает: 1) известное расширение эмиссионных возможностей без нарушения привычных для европейского обывателя цифр покрытия, известная замена золота, на недостаток которого в мировом масштабе так жалуются буржуазные экономисты; 2) уменьшение передвижения золота из страны в страну.

По существу же это не что иное, как один из методов концентрации золота в руках стран-«гегемонов», у которых фактически хранилось то золото, которое соответствовало деви́зам. Вместе с тем стали держать большие запасы деви́з и те эмиссионные банки, которые держались чистого золотого стандарта. Английский банк и федеральная резервная система не публикуют данных о своих запасах деви́з. Зато имеются данные по Французскому банку, Нидерландскому банку, Национальному банку Бельгии, Итальянскому банку и т. д.

На 10 января 1931 г. Французский банк имел запас деви́з в 1 038 млн. долл. (!). Для чего этот деви́зный кулак был нужен, нетрудно догадаться. Если колоссальное количество наличного золота, осевшего во Франции, было базой для французского военного ведомства, то деви́зный кулак был базой для французского министерства иностранных дел. Англия и САСШ знали, что Франция может в любой момент посредством своего запаса деви́з потребовать от них колоссальных платежей золотом и этим самым поставить их в тяжелое финансовое и политическое положение. Этим пользовалась Франция, чтобы оказать на них давление и добиться то одной, то другой уступки, особенно по германскому вопросу.

Отход фунта стерлингов от золота и резкое падение его курса, которое последовало тотчас после этого, причинили большие убытки тем эмиссионным банкам, у которых было много стерлинговых деви́з. Французский банк потерял на этом деле 2¹/₂—3 млрд. фр. Не удивительно, если после этого началась паническая сброска деви́з эмиссионными банками.

Было деви́з в миллионах долларов по паритету

Год и дата конца недели	1931			1932	1933
	10 января	19 сентября	31 октября	9 января	7 января
Французском	1 038	1 078	1 082	824	175
Рейхсбанке	95	85	31	39	34
Нидерландском	99	92	35	34	29
Швейцарском национальном	66	109	19	19	17
Норвежском	9	2	3	4	8
Шведском	101	27	7	16	58
Итальянском	221	175	134	115	69

Очень показательна в этом отношении следующая таблица:

Как видно из этой таблицы, Французский банк вначале выдерживал характер. Это объясняется тем, что он не торопился расстаться со своим девизным кнутом, который нужен был Франции для ее политических целей. Но и она не могла долго продолжать эту политику, и уже ко 2 апреля 1932 г., как это видно из таблицы, запас девиз Французского банка уменьшился больше чем в два раза против 31 октября 1931 г.

4. Валютные ограничения

Несмотря на то, что валютные ограничения были первой по времени формой валютной войны, мы ставим их рассмотрение на четвертом месте. Это объясняется тем, что целевая установка валютных ограничений более сложна, чем установка других методов валютной войны.

Если не считать Испании, которая ввела валютные ограничения еще 31 мая 1931 г., и нескольких стран, в которых валютные ограничения существовали давно (в Португалии — с 1924 г., в Турции и Персии — с февраля 1930 г.), первой ввела валютные ограничения Германия. Эти валютные ограничения были одной из форм проявления банкротства Германии и в то же время предпосылкой возможности дальнейшего производства платежей на новой основе, «санированной» мораторием репараций и договором о «Штильгалте». Эти валютные ограничения представляют собой фактический отход Германии от Goldkernwahrung, которое выражалось, в том, что марка, если не юридически, то фактически была разменна на золото или полноценную иностранную валюту для внешних платежей.

Марка оказалась в роли забальзамированной валюты. Единственными странами, которые ввели валютные ограничения после и в силу германского примера, были Чили и Венецуэла. Настоящая волна валютных ограничений началась после падения фунта:

22 сентября	валютные ограничения	вводит сама Англия
24	„	„ „ Индия
26	„	запрещает вывоз золота Египет
28	„	валютные ограничения вводит Греция
29	„	„ „ Италия

В октябре вводят валютные ограничения Чехо-Словакия, Финляндия, Югославия, Австрия, Латвия, Австралия, Аргентина, Болгария, Эстония, Канада (запрещен вывоз золота).

Валютные ограничения имели целью:

- 1) приостановить бегство капиталов, которое грозило каждой стране финансовым истощением, и
- 2) наряду с таможенными мерами защищать страну от чужого демпинга.

Наряду с вывозом иностранной валюты в ряде стран был запрещен вывоз и отечественной валюты и блокированы текущие счета иностранцев.

5. Углубление разрыва мировых торговых связей и давление на цены

Валютный хаос и вызванное им усиление таможенной войны и войны за золото усилили разрыв мировых торговых связей. Яркое выражение это находит в усиливающейся политике нетто-баланса. Если вы хотите например экспортировать в Чехо-Словакию, то вы должны заранее сообразить, на что вы употребите вырученную валюту. Если вам невыгодно целиком затратить ее в Чехо-Словакии, то лучше от-

связаться от экспорта. И это не только потому, что чехо-словацкая корона фактически обесценена, но и потому, что в Чехо-Словакии блокированы текущие счета иностранцев. Получается возврат к самому раннему периоду меркантилизма, когда иностранных купцов заставляли затратить тут же все то, что они выручили.

Само собою разумеется, что валютная конкуренция снизила и без того низкие мировые цены. Это явствует из того, что в странах стерлингового блока золотые цены значительно ниже мировых, а следовательно оказывают на них давление.

З о л о т ы е ц е н ы
(цены 18 сентября 1931 г. = 100)

	Англия (индекс „Экономиста“)	САСШ (индекс Фишера)	Франция («Статистик женераль»)	Германия («Статистик Райхсамт»)
1931 г.				
30 сентября	94,7	98,7	96,9	98,9
11 ноября	103,5	99,3	96,0	98,3
9 декабря	93,0	97,3	93,3	96,1
30 декабря	94,4	96,1	93,4	94,6
1932 г.				
27 января	93,8	93,5	93,6	91,6
14 февраля	89,6	92,4	95,1	92,0
22 марта	86,5	91,5	96,3	91,4
20 апреля	83,6	89,6	97,0	90,3
18 мая	81,9	88,6	95,1	89,4
1 июня	79,8	87,3	94,0	80,5
()				
27 июля	84,1	88,3	91,3	88,1
24 августа	89,3	89,8	89,0	87,1
7 сентября	94,7	91,7	89,0	87,9
()				
21 сентября	89,6	90,5	89,7	87,1
5 октября	85,7	89,6	89,9	87,1
2 ноября	79,4	87,3	84,4	86,4
14 декабря	78,2	85,1	87,9	85,0
18 декабря	76,9	84,8		84,9 ²

Когда в июле 1932 г. начался временный рост цен, английские золотые цены стали обгонять мировые.

Но когда падение цен возобновилось, Англия опять вернулась к своей «ведущей» роли: золотые цены опять стали падать быстрее мировых.

Приблизительно в том же направлении изменялись и золотые цены Швеции.

Результаты, которых Англия добилась своим отходом от золотого стандарта, были по существу весьма мизерны. Ей удалось лишь несколько ускорить темп падения своего импорта и несколько замедлить темп падения экспорта.

² Эти цифры относятся к 21 декабря.

Экспорт (чистый)

Г о д ы	Англия (в млн. ф. ст.)	Германия (в млн. марок)	Франция (в млн. фр.)	САСШ (в млн. долл.)
1929	729	13 482	50 072	5 241
1930	571	12 036	42 835	3 843
1931	389	9 500	30 421	2 424
1932	365	5 739	19 693	1 618
% 1932 г. к 1929 г.	50,1	42,6	39,3	30,9

Вся мизерность «успехов» по линии экспорта становится особенно ясной, если учесть, что данные исчислены в бумажных фунтах и что следовательно для сравнимости их нужно уменьшить на 25—30%.

Если мы видим, как сильно реагировали САСШ и Франция на валютную конкуренцию Англии, то главная причина этого лежит именно в том давлении на мировые цены, которое оказывают цены стерлингового блока.

Финансовые заправилы Англии провели отход фунта от золотого стандарта под лозунгом: «Пусть фунт сам отыщет свой уровень!» Под прикрытием этой лишенной всякого реального содержания фразы началась энергичная понижительная кампания Английского банка и казначейства против фунта. Фунты продавались большими пачками, чтобы не дать курсу вновь приблизиться к паритету и чтобы в то же время создать в обмен на всю обесцененную валюту запасы золотых девиз и золота. Благодаря этой тактике Англия досрочно погасила большую часть займа в 130 млн. ф. ст., предоставленного ей Францией и САСШ, создав таким образом видимость своего финансового укрепления. Эта видимость усугубилась, когда английскому казначейству путем бухгалтерских махинаций³ удалось превратить глубоко дефицитный бюджет в бездефицитный.

Когда в феврале 1932 г. положение доллара стало сомнительным, капиталы хлынули в обратном направлении. «Кочевые капиталы» потянулись в Лондон. Всякому дельцу известно то правило, что лучше иметь дело с фирмой, которая уже прошла через банкротство, чем с той, которая находится накануне банкротства.

В том же направлении стала работать и спекуляция, которая повела игру на повышение курса фунта.

Курс фунта стал быстро расти. Это рассматривалось в Англии как национальное бедствие. Не было ни одного уважающего себя буржуазного органа прессы, который не призывал бы бороться всеми мерами против такой напасти. Была сброшена маска с интервенционной политики банка и казначейства. В печати появились точные указания насчет того, через какие именно банки интервенция ведется.

Лозунг отыскания фунтом его собственного уровня был отброшен как негодная тряпка. Взамен его был выдвинут лозунг «регулируемой валюты». Для этой цели были использованы речи председателей «Биг-Файв» на годичных собраниях акционеров. Лозунг сводился к тому, что по нынешним временам и золотая валюта нуждается в регулировании, а если это так, то не лучше ли прямо иметь регулирующую бумажную валюту.

³ В частности на покрытие дефицита пошло 11 млн. ф. ст. так называемого долларового фонда, созданного еще во время войны.

Валютный хаос изображался как его противоположность, как образцовый валютный порядок. Наиболее адекватная для стихийного капиталистического хозяйства стихийно регулируемая золотая изображалась в духе теории «организованного капитализма», как пережиток старины. Лозунг регулирования валюты должен был оправдать понижательную игру против фунта в глазах широких масс, которые не могли не чувствовать, что игра ведется в конечном итоге за их счет.

Но дальнейшее движение курса фунта показало, что разговоры о регулировании валюты столь же бессодержательны в условиях капитализма, в особенности его кризиса, как и разговоры об отыскании фунтом собственного уровня. Несмотря на интервенцию, несмотря на дружную кампанию печати, курс фунта продолжал расти.

Когда в конце февраля были истощены все имевшиеся в распоряжении английских «властей» (так обычно именуется банк вкупе с казначейством) ресурсы для покупки девиз, они решили ударить по курсу фунта путем отмены валютных ограничений (3 марта 1932 г.).

Расчет был таков. При наличии валютных ограничений играть на понижение фунта могли только Английский банк и казначейство. После отмены валютных ограничений в этом полезном для Англии деле мог принять участие любой капиталист.

Между прочим, если, ввсдя валютные ограничения, Англия нашла ряд подражателей, то в деле отмены этих ограничений она оказалась в единственном числе.

Отмена валютных ограничений, последовательное снижение официальной учетной ставки с 6% 11 февраля до 2,5% 12 мая — средства, которые в обычных условиях действовали бы против курса фунта — в данном случае только усилили приток капиталов в Англию, так как еще более усилили иллюзию финансового благополучия Англии. И действительно, процентная ставка только до тех пор может регулировать движение капиталов, покамест передвижение последних диктуется поисками наиболее рентабельного помещения. В данном же случае в Англию хлынули капиталы, не гонящиеся за прибылью, а убегающие от убытков — капиталы, ищущие наиболее верного помещения.

Даже наиболее сильный рычаг регулирования курса валюты, а именно рычаг прямой интервенции, в данном случае обильное разбазаривание фунтов, широкая покупка девиз и золота для казначейства за фунты — даже этот рычаг на время потерял свою силу. Фунт беспрестанно поднимался. Не помогло даже то, что сам министр финансов Чемберлен-маленький (Невил), отбросив всякие церемонии, заявил с парламентской трибуны о своем огорчении по поводу роста курса фунта. Понадобилось такое героическое средство, как ассигнование парламентом специального кредита в 150 млн. ф. ст. плюс 25 млн. ф. ст., оставшихся от старого «долларового разменного фонда» военного времени, как было официально заявлено, специально для целей регулирования фунта. Как выяснилось потом, этот фонд в 175 млн. ф. ст. (Equalization Fund) имел «двуединую» цель. Покупая на эти деньги девизы и золото, казначейство в одно и то же время снижало курс фунта и создавало новые запасы золота.

Официальное объявление о создании эквализационного фонда в 175 млн. ф. ст. было равносильно объявлению, что на мировой рынок будут выброшены фунты на эту сумму. В других условиях перспектива такого колоссального предложения фунтов радикально сни-

зила бы курс. В данном случае этого эффекта не получилось. Победа либералов во Франции и убийство Думерга спугнули кое-какие капиталы из Франции и во всяком случае уменьшили ту ветвь золотого гольфштрама, которая текла во Франции. Вот почему весь эффект объявления об эквализационном фонде выразился только в снижении курса фунта до 3,67 — 3,70, в то время когда уровень, намеченный на ближайшее время «властями», лежал не выше 3,40, о чем свидетельствовали весьма недвусмысленные высказывания, сделанные через посредство «Банкера» и явно имевшие целью воздействовать на «быков» — спекулянтов, играющих на повышение.

Только благодаря приближению срока президентских выборов в САСШ, когда стало ясно, что до новых выборов ни одна из двух руководящих партий не примет на себя ответственности за отход от золота до и после выборов, и отчасти благодаря репарационному компромиссу, намеченному лозаннской конференцией, ситуация изменилась, и бегство капиталов из САСШ прекратилось. Только тогда сказалось влияние интервенции, и курс фунта стал быстро понижаться.

Можно ли после этого говорить о регулируемой валюте в условиях валютного хаоса?



Положение, когда Англия и другие страны стерлингового блока пользовались оружием валютной конкуренции, а САСШ и Франция им не пользовались, когда золотые запасы Англии и ее последователей были застрахованы от частного тесаврирования и в известной степени от притязаний заграницы, а золото САСШ и Франции не было защищено ни от того, ни от другого, — такое положение долго продолжаться не могло.

Перед САСШ и Францией был выбор: или заставить Англию вернуться к золотому стандарту на том или ином паритете или же самим отказаться от золотого стандарта.

САСШ вначале пошли по первому пути, но безрезультатно. Попытки повлиять на Англию путем агитации и пропаганды успеха не имели. «Экономист» от 19 ноября 1932 г. указывал те условия, при которых Англия могла бы вернуться к золотому стандарту. Условия эти таковы:

1) Должно наступить улучшение теперешней «депрессии в области оптовых цен».

2) Излишняя концентрация золота в немногих странах (читай: в САСШ и Франции) должна быть скорректирована.

3) Должно быть достигнуто достаточное международное единство монетарной политики.

4) Должно быть достигнуто общее соглашение об устранении причин, тормозящих мировую торговлю, и о переходе к более либеральной торговой политике. В частности страны-кредиторы не должны более избегать, якобы в интересах отечественного труда, разумного излишка импорта над экспортом (другими словами, САСШ должны отказаться от активного торгового баланса).

«Англия, — говорит «Экономист», — имеет право предложить золотым странам, в особенности тем, имеющим положительный платежный баланс, вопрос: «Готовы ли вы принимать английские товары в таком масштабе, который дал бы нам уверенность, что мы сможем удержать фунт на том золотом паритете, который мы изберем?»

Попытка оказать на Англию давление рычагом военных долгов тоже не имела успеха. Англия демонстративно сделала 15 декабря взнос в золоте, в то время когда задыхавшаяся от избытка золота Франция отказалась платить.

Между тем экспорт САСШ продолжал катастрофически падать, не говоря уже о том, что давление стерлинговых цен, о котором мы говорили выше, воспринималось в САСШ очень болезненно. Золотой стандарт был для САСШ слишком дорогой роскошью, от которой необходимо было отказаться. Отказ САСШ от золотого стандарта несколько замедлился отчасти благодаря проблеме военных долгов, отчасти благодаря тому, что Гувер предпочитал оставить это малопопулярное в широких избирательских кругах мероприятие для своего преемника.

Неизвестно, как вышел бы из создавшегося положения Рузвельт, если бы ему на помощь не пришла банковская катастрофа. Не медля ни минуты, он налагает эмбарго на золото, раньше в виде временной меры, без прямого наступления на курс доллара, а потом в более основательной форме, сопровождая эту меру ударом по курсу фунта.

Вопрос о том, в какой мере этот шаг со стороны Рузвельта был заранее обдуман, опять-таки совершенно не важен с точки зрения экономического анализа. Важно только, что этот шаг был сделан, и сделан всерьез. И если в лагере буржуазных заклинателей бури еще кто-либо сомневался в серьезности краха доллара, то теперь, после позорного провала лондонской конференции, никто уже в этом не сомневается.

Так начался второй этап валютного хаоса в капиталистических странах. Начавшись в наиболее отсталой из передовых империалистических стран, он не мог потом не перебраться и на страны наиболее передовой техники.

Третий, завершающий этап откроет Франция, которая не сможет долго остаться единственной страной, продающей и покупающей по невыгодным золотым ценам и свободно вывозящей золото.

Анализу второго этапа валютной разрухи и перспектив третьего этапа будет посвящен наш следующий очерк.

С судьбой всякой валюты на внешнем рынке органически связан вопрос о судьбе ее и на внутреннем рынке. Во всех буржуазных странах нарастает внутренняя инфляция, бьющая по рабочему классу; освещению этой стороны вопроса нами будет посвящена специальная статья.

Капиталистический мир вступает во второй тур войн и революций. Разгорающаяся теперь на основе валютной конкуренции небывалая экономическая война является только введением ко второй мировой войне.

Денежный хаос, натуральное денежное тезаврирование, автаркические тенденции — это глубочайший регресс, это возврат к средневековой в сфере обращения, соответствующий глубокой реакции и прямой борьбе с техническим прогрессом в сфере производства. С экономической реакцией неразрывно связана реакция политическая. пышный расцвет фашизма, нашедший свое достойное завершение в гитлеровщине.

Все это показывает всю силу углублений и обострения противоречий капитализма и все это мобилизует мировой пролетариат на последний, решительный бой с капитализмом для его уничтожения.

Н. БУХАРИН КАК КРИТИК Р. ЛЮКСЕМБУРГ

Очерк первый

Наиболее значительным произведением, посвященным разбору теории Р. Люксембург, является работа Н. Бухарина «Империализм и накопление капитала»¹.

Почти одновременно с выходом в свет этой работы т. Бухарина (1924 г.) были опубликованы ленинские «Заметки публициста», где Ленин прямо указал на ошибочность теории накопления Р. Люксембург. Это, а главное то, что перед партийной теоретической мыслью выдвинулись другие более острые проблемы, привело к тому, что напряжение дискуссии, которая шла оживленно в 1923—1924 гг. вокруг теории Р. Люксембург, заметно спало. И работа т. Бухарина, несмотря на ее крупнейшие недостатки и ошибки, не подверглась заслуженной критике с правильных теоретических позиций.

Мало этого, — круг доводов, развитых т. Бухариным (или подытоженных в его работе), повторялся рядом авторов; при этом многие из них некритически повторяли все положения т. Бухарина, не сумев преодолеть механистическую его методологию².

Рассмотрение теории Р. Люксембург ведется т. Бухариным, как он это сам характеризует, в форме постепенной конкретизации проблемы. Сначала — «в наиболее абстрактной, с а м о й абстрактной, постановке вопроса». Здесь еще нет вопроса о деньгах. Вопрос, который здесь разбирается, — это вопрос Р. Люксембург: «для кого происходит расширенное воспроизводство?» Этому т. Бухарин посвящает первую главу.

Во в т о р о й главе исследование проблемы идет на несколько более конкретной ступени — здесь включается вопрос о деньгах. Цель главы — разобрать: «к т о п л а т и т и почему он может платить?».

Т р е т ь я глава рассматривает проблему в еще более близкой к конкретной действительности постановке, а именно рассматривает «те н а р у ш е н и я р а в н о в е с и я (?)», которые имманентны движущейся капиталистической системе, нарушения, вытекающие из п р о т и в о р е ч и й к а п и т а л и з м а, от которых мы п о к а (в первых двух главах — Б. К.) абстрагировали(?)» (стр. 58, разрядка автора).

В ч е т в е р т о й главе т. Бухарин выходит уже за пределы абстрактного (чистого) капитализма и ставит проблему «о соотношении капиталистического хозяйственного круга с его некапиталистической периферией» (стр. 97). Наконец последняя — п я т а я — глава посвящена проблеме крушения капитализма и политическим выводам из люксембургинской постановки вопроса.

В дальнейшем мы последуем за т. Бухариным в порядке принятой им постепенности развертывания темы и попытаемся вскрыть связь между его тео-

¹ Цитируем по гизовскому изданию этой брошюры 1925 г., разрядка везде, кроме оговоренной особо, наша.

² Так почти буквальное повторение доводов т. Бухарина мы находим у Е. Пашуканиса в его книге «Империализм и колониальная политика», ч. I (ИКА, 1928 г.); то же в нескольких изданиях учебника по политической экономии И. Липидуса и К. Островитянова и т. д.; близко примыкает к бухаринской критике и А. Герценштейн («Теория капиталистического рынка», ИКА, 1928 г.).

ретическими положениями и правооппортунистической политической линией, которую т. Бухарин, как известно, противопоставил генеральной линии партии.

* * *

Первая глава брошюры т. Бухарина названа: «Расширенное воспроизводство в обстрактном капиталистическом обществе».

Прежде всего т. Бухарин категорически возражает против телеологической постановки вопроса о ц е л и расширенного воспроизводства у Р. Люксембург. Здесь т. Бухарин, правильно подчеркивая один из важнейших пороков методологии Р. Люксембург—ее субъективизм, сам впадает в крупнейшую ошибку в вопросе о субъективном и объективном, абсолютно противопоставляя одно другому. Безусловно ошибочно его положение о том, что вообще телеология недопустима ни в какой общественной науке (см. негодующий вопрос т. Бухарина: «Что это за телеология в общественной науке?», стр. 15). Совершенно очевидно например, что субъективно-классовый подход пролетариата (т. Бухарин протестует и против такого подхода) к проблеме крушения капитализма, или к проблеме построения социалистического общества никак не может быть противопоставлен объективному. Иная постановка вопроса была бы равнозначна отрицанию научности марксистской политической экономии именно потому, что она является «субъективно-классовой» пролетарской наукой, равносильна отрицанию партийности науки. Как известно, подобную точку зрения развивают многие буржуазные экономисты, обвиняя марксистов в тенденциозности и настаивая на надклассовом «объективизме»; в свое время т. Бухарин косвенно примкнул к аналогичной трактовке вопроса, согласившись с зомбартовской трактовкой «объективизма» политической экономии³. Вряд ли надо напоминать, что объективный научный материалистический подход отнюдь не исключает «субъективно-классового» подхода; наоборот, «материализм,— как говорил Ленин,— включает в себя... партийность».

Переходим к следующим пунктам возражений т. Бухарина Розе.

Как известно, по мнению Р. Люксембург, внутри капиталистической среды некому купить те товары, в которых овеществлена прибавочная стоимость, идущая на накопление, нет для этого покупателей, нет потребителей.

Товарищ Бухарин выявляет в этом положении ряд л о г и ч е с к и х промахов Р. Люксембург. Он например указывает, что утверждение Розы: «поскольку потребление имеет место и растет, накопления не происходит» покоится на смешении статической величины с процессом. Тов. Бухарин отмечает также, что Р. Люксембург зачастую в начале логической цепи исключает условия расширенного воспроизводства и в конце рассуждений именно поэтому признает его невозможным (например утверждение Р. Люксембург, что рабочие не могут купить товаров больше, чем на ту сумму, которую они получили при выработке этих товаров, не учитывает, что при расширенном производстве увеличивается и переменный капитал). Далее, т. Бухарин повторяет приведенный еще т. Дволайцким (а еще ранее — О. Бауэрмом) довод, что Р. Люксембург представляет себе реализацию как одновре-

³ Подобная постановка вопроса основана на отождествлении объективного со стихийным и ведет к фаталистическим представлениям о ходе исторического процесса. Такого типа ошибки, как известно, не чужды т. Бухарину и были отмечены еще Лениным (см. «Замечания на «Экономику переходного периода»), да и в данной работе т. Бухарина мы имеем аналогичного характера высказывания; так например, он противопоставляет движущие мотивы капиталистов — их безудержное стремление к накоплению — объективным результатам хода капиталистического производства, которые заставляют капиталиста накапливать и накапливать (см. стр. 17). Объективным у т. Бухарина выступает здесь лишь конкуренция, которая не дает топтаться на месте. Объективным следовательно является у него лишь стихийное; ненасытная же жажда обогащения видимо не является о б ъ е к т и в н ы м фактом.

менный акт, совершающийся «одним махом», а не как ступенчатый процесс (этому вопросу т. Бухарин уделяет много внимания во второй главе). Он показывает, что сама Р. Люксембург, совершенно непоследовательно допустив возможность реализации в один момент, отвергает возможность реализации в следующий момент. Если покупатели находятся в данный момент, то нет никаких оснований не видеть их в следующий. Наконец т. Бухарин показывает то, что доказал еще Л е н и н против народников, — что решение вопроса, данное самой Р. Люксембург, оказывается явно неудачным, ибо если товары, овеществляющие в себе часть прибавочной стоимости, предназначенной для накопления, продаются за границу, то, для того чтобы осуществить расширенное воспроизводство, на вырученную сумму снова придется покупать и средства производства и предметы потребления за границей. Этих доводов т. Бухарина мы не будем здесь разбирать.

Сосредоточим внимание на тех положениях, которые сам т. Бухарин считает важнейшими, а именно, во-первых, на доказательстве неправильности утверждения Р. Люксембург, что покупателями той части товаров, в которых овеществлена предназначенная для накопления прибавочная стоимость, не могут быть и фактически не являются ни капиталисты ни рабочие; во-вторых, на выяснении ошибочности воззрений Р. Люксембург по вопросу о накоплении капитала.

Основной тезис т. Бухарина по первому вопросу таков: при расширенном воспроизводстве «растет постоянный капитал общества; растет потребление рабочих; растет потребление капиталистов (все мы берем в ценностях); в какой п р о п о р ц и и происходит этот рост различных упомянутых ценностных величин, — в данной связи мы далее не анализируем; этот вопрос подлежит особому разрешению... Наряду с ростом производства растет и рынок этого производства: увеличивается рынок средств производства, растет и потребительский спрос... Другими словами, здесь дана возможность равновесия между различными частями совокупного общественного производства, с одной стороны, возможность равновесия между производством и потреблением — с другой» (стр. 11).

Не будем пока разбирать явно механистическое и буржуазное положение о возможности равновесия в условиях капитализма, в частности равновесия между производством и потреблением. Не останавливаемся пока также и на утверждении т. Бухарина, что на наиболее абстрактной стадии исследования капиталистического накопления можно абстрагировать от вопроса о том, в какой пропорции, в каком направлении и как идет рост производительного и рост личного потребления, в частности рост потребления рабочего населения.

Сейчас мы посмотрим, какими доводами т. Бухарин обосновывает свой основной тезис, что наряду с ростом производства растет и рынок этого производства. Тезис этот, как известно, является основным марксистским тезисом. Этот тезис был развит чрезвычайно убедительно и детально и Лениным в его критике народников и Сисмонди⁴. Тов. Бухарин в этой связи даже совсем не упоминает Ленина.

Обоснование этого тезиса у т. Бухарина идет по д в у м переплетающимся линиям; первая из них — это апелляции к вечным надисторическим законам.

⁴ В статье «К характеристике экономического романтизма» (1897 г.) Ленин писал, что капиталистическое «производство само создает себе рынок, само определяет потребление» (т. II, стр. 20), что «потребление» развивается вслед за «накоплением» или след за «производством», — как ни кажется это странным, но иначе и быть не может в капиталистическом обществе» (стр. 20); Ленин в следующей же фразе подчеркивал (как бы заранее предвидя возможность уклонения о равновесии), что: «В развитии этих двух отделов капиталистической продукции не только не обязательна... равномерность, а, напротив, неизбежна неравномерность» (т. II, стр. 26—27).

«Всякая растущая общественная система,—пишет т. Бухарин,—в какой бы историко-экономической обстановке она ни существовала... предполагает совершенно объективную (хотя бы и не прямую) связь между производством и потреблением, причем рост потребления в результате роста производства как другая сторона этого роста является основной предпосылкой для роста всей общественной системы» (стр. 16; разрядка моя—Б. К.). «Объективный результат субъективных тенденций (капиталистов—Б. К.)... состоит в удовлетворении растущих потребностей всего общественного целого, несмотря на антагонистический характер последнего. Ибо это есть основное условие общественного развития вне зависимости от того, какую конкретно-историческую оболочку носит на себе данное общество» (стр. 21; разрядка моя—Б. К.).

В этих выдержках прежде всего бросается в глаза механистичность методологии т. Бухарина. Для того чтобы доказать необходимость роста рынка следом за накоплением капитала и как результат этого накопления, т. Бухарин, во-первых, апеллирует к всеобщей историческим законам, забывая, что эти годные для всех общественно-экономических формаций законы не могут непосредственно объяснить ни одной конкретно-исторической закономерности: соотношение производства и потребления «вообще» не объясняет нам непосредственно соотношения накопления капитала и роста рынка (платежеспособного спроса). Во-вторых, специфические закономерности капитализма выступают у т. Бухарина лишь как внешняя историческая «оболочка» общих «железных» законов—содержание законов всегда и везде одно и то же, меняется лишь их форма, их костюм⁵. Нечего говорить, что подобное представление о соотношении формы и содержания заимствовано т. Бухариным не у классиков марксизма, а у метафизиков Канта. Тов. Бухарин делает здесь невольную уступку буржуазной апологетике, изображая закономерности капитализма лишь замаскированной формой вечных «естественных» законов.

Из приведенных положений вытекает дальше, что т. Бухарин считает определяющим и ведущим моментом потребление и выдвигает примат потребления над производством («от потребления в конечном счете зависит целиком и производство средств производства», стр. 20 и др.). Представление о примате потребления, как известно, является сейчас методологическим принципом, противопоставляемым основам генеральной линии партии (тезис «социализм есть производство для потребления»), — принципом, направленным на борьбу с политикой индустриализации СССР, скорейшего развития производства средств производства и т. д. Представление о примате потребления выявляет непонимание того, что наша индустриализация сопровождается улучшением материально-бытовых условий рабочего класса и трудящихся масс Союза и является важнейшим залогом дальнейшего роста потребления.

Если принять буквально положение т. Бухарина, что от производства средств потреблений в конечном счете зависит целиком и производство средств производства, то невозможно опровергнуть Р. Люксембург (и Сисмонди), не представляющих, что «накопление и производство обгоняют потребление и что иначе и дело итти не может, ибо накопление совершается главным образом на счет средств производства, которые в «потребление не входят»⁶, что «это на самом деле вполне соответствует действитель-

⁵ Ценностная форма обмена между подразделениями и внутри подразделений т. Бухариным характеризуется как «маскарад» средств производства и предметов потребления; само же взаимодействие этих элементов (да так это в дальнейших работах т. Бухарина и трактуется) является при данном уровне развития производительных сил вечным и зависимым от типа общественно-экономической структуры.

⁶ Ленин, т. II, стр. 30.

ности, выражая противоречие, присущее капитализму»⁷. Выводы из данного положения т. Бухарина, как мы видим, вполне отвечают установкам оппортунистов, борющихся против ускоренного и первоочередного развития производства средств производства в нашей стране⁸.

Мы видим, что аргументация т. Бухарина по этой линии построена на неверной методологической основе, а потому не разбивает позиции Р. Люксембург и ведет к неправильной политической линии.

* * *

Аргументация т. Бухарина по второй линии также небезупречна. Здесь т. Бухарин излагает положение марксизма-ленинизма, что сам механизм капиталистического расширенного воспроизводства делает неизбежными потребление в большем, чем прежде, масштабе — и потребление средств производства и личное потребление рабочих. Для того товара, для которого Р. Люксембург не находила сбыта, покупатели находятся: капиталисты покупают добавочное количество средств производства для расширения производства прибавочной стоимости; для функционирования их как капитала нанимаются новые рабочие; эти новые рабочие предъявляют спрос на другую часть не реализуемого будто бы из-за отсутствия покупателей товара. Весь этот процесс далеко не «бессмысленен» для класса капиталистов, как думает Р. Люксембург; только таким путем может произойти движение «по спирали» — расширение капитала и увеличение количества выжимаемой им прибавочной стоимости.

Все это есть лишь более или менее детальное изложение положений Маркса, развитых затем Лениным. Впрочем о Ленине и здесь т. Бухарин не упоминает. Ленинские положения использованы т. Бухариным однако не полностью. Ленин писал: «Чтобы расширять производство («накапливать» в категорическом значении термина), необходимо произвести сначала средства производства, а для этого нужно следовательно расширение того отдела общественной продукции, который изготовляет средства производства, и у ж н о о т в л е ч е н и е к н е м у рабочих, которые уже (разрядка моя—Б. К.) предъявляют спрос и на предметы потребления»⁹.

Здесь между прочим Лениным развита та мысль, что производство определяет потребление и что развитие производства ведет за собой спрос на предметы потребления, — мысль, которая, как мы видели, совсем не совпадает с утверждением т. Бухарина, что от потребления в конечном счете целиком зависит и производство средств производства. Здесь также четко разъяснен и другой важнейший для подробного опровержения теории Р. Люксембург пункт, а именно то, что новые рабочие предъявляют у ж е спрос на предметы потребления.

Маркс еще в I томе «Капитала» писал: «В то время как рабочий превращает часть средств производства в новый продукт, продукт его п р е ж н е г о труда обращается на рынке, где он превращается обратно в деньги. Его труд в течение п р о ш л о й недели или последнего полугодия — вот из какого источника оплачивается его с е г о д н я ш н и й труд или труд наступающего полугодия... В денежной форме класс капиталистов постоянно выдает рабочему классу чеки на получение известной части продуктов, п р о и з в е д е н н о г о рабочими и присвоенного капиталистами»¹⁰. Таким образом новый рабочий, нанятый при расширении производства, на полученную им с е г о д н я заработную плату покупает продукт, произведенный раньше

⁷ Ленин, т. II, стр. 30.

⁸ См. по этому вопросу интересную статью т. К. Бутаева в журнале «Проблемы экономики» № I за 1932 г.

⁹ Ленин, Собр. соч., т. II, изд. 3-е, стр. 26.

¹⁰ Маркс, Капитал, т. I, изд. 1923 г., стр. 550—551; разрядка моя — Б. К.

«в течение прошлой недели или последнего полугодия», — продукт, который в продолжение этого периода проходил еще каналы обращения; тем самым капиталист получает возможность реализовать прибавочную стоимость. «Когда капиталист превращает в рабочую силу часть своего капитала... он одним ударом убивает двух зайцев. Он извлекает прибыль не только из того, что получает от рабочего, но и из того, что он дает последнему»¹¹. Тот факт, что реализация происходит через известный срок после периода производства, а тем более после непосредственного рабочего периода, что для прохождения товара через сферу обращения необходимо известное время, Маркс подробно выяснил именно в тех отделах II тома «Капитала», которые как раз предшествуют и необходимо должны были предшествовать отделу «О воспроизводстве и обращении всего общественного капитала». Учет этого момента отсутствует в изложении марксовской теории у т. Бухарина.

В своих первых статьях против Р. Люксембург т. Дволайцкий высказывал то положение, что для реализации товаров, в которых овеществлена прибавочная стоимость, предназначенная для накопления, капиталисты авансируют — оказывают кредит, дают в долг — рабочим (или безработным) известную сумму денег¹². Совершенно очевидно, что это положение т. Дволайцкого было абсолютно неправильно, ибо не капиталисты авансируют рабочих, а рабочие капиталистов. Тов. Дволайцкий принужден был отказаться позже от данного положения. Это же самое по существу утверждение мы встречаем и у т. Бухарина. Рядом с правильным положением, что капиталисты при расширении производства авансируют добавочный переменный капитал на наем рабочей силы, у т. Бухарина встречается (и не случайно) положение, что капиталисты авансируют рабочих¹³. Тов. Бухарин пишет: «Капиталисты А авансируют денежную сумму добавочным рабочим»; в скобках добавлено: «нанимают добавочных рабочих». Первое положение неверно; ибо авансирование капитала на наем рабочей силы совсем не то же самое, что авансирование рабочих. На следующей же странице мы снова имеем повторение неверного утверждения, когда т. Бухарин пишет, что капиталисты предъявляют добавочный спрос частично (фигурально выражаясь) «через посредство рабочих (спрос на предметы потребления), авансируя рабочим деньги» (стр. 30).

В своей книге т. Бухарин ведет острую полемику с Р. Люксембург на тему о том, что является предпосылкой и что следствием: потребление рабочих для накопления или накопление для потребления. Не будем повторять положений, доказанных Марксом и Лениным, что в непрерывном беге производства и воспроизводства «результат этого процесса производства столь же необходимо принимает вид его предпосылок, как его предпосылки вид его результата»¹⁴. В глазах деятелей производства результат антиципируется как предпосылка, а предпосылка выступает как результат. Определяющая и ведущая роль, как мы знаем, принадлежит производству; производство создает потребление, определяет потребление; потребление, являясь таким образом результатом производства, в свою очередь выступает как условие и предпосылка дальнейшего хода воспроизводства. Р. Люксембург видела одну сторону этого явления, именно то, что «потребление рабочих с капиталистической точки зрения является следствием накопления», и заявляла, что оно не является «ни в коем случае его... предпосылкой». Тов. Бухарин

¹¹ Маркс, Капитал, т. I, изд. 1923 г., стр. 555—556.

¹² См. предисловие к I-му изд. «Накопления капитала», Гиз, 1921 г., стр. IV; аналогично в статье, помещенной в журнале «Красная новь» № 1 за 1921 г., стр. 98, а также в «Вестнике социалистической академии» № 5, стр. 15, 17.

¹³ «Покупную цену ее (рабочей силы — Б. К.) капиталист авансирует лишь по видимости, так как ее стоимость уже раньше доставлена ему рабочими» (Маркс, Капитал, т. II, изд. 1925 г., стр. 345).

¹⁴ Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, изд. 1924 г., стр. 410.

же видит только другую сторону. «Роза Люксембург, — пишет он, — ни в коем случае не права. П о т р е б л е н и е р а б о ч и х есть... не что иное, как производство рабочей силы. Производство же рабочей силы есть несомненная п р е д п о с ы л к а производства материальных ценностей, прибавочной ценности, капитала. Производство д о б а в о ч н о й рабочей силы есть несомненная п р е д п о с ы л к а для роста накопления» (стр. 18).

Односторонность и ошибочность утверждения т. Бухарина, что потребление есть предпосылка для накопления, но не накопление есть предпосылка для потребления, — ясна. Однако она внутренне увязана с тезисом о примате потребления над производством и с утверждением, что капиталисты авансируют рабочих и этим путем осуществляют реализацию прибавочной стоимости. Если потребление добавочных рабочих должно п р е д ш е с т в о в а т ь накоплению, то спрашивается: откуда же они могут взять деньги на покупку предметов потребления? Видимо действительно капиталистам придется специально а в а н с и р о в а т ь р а б о ч и х для этой цели, ибо иного дохода эти рабочие не имеют (для упрощения берем случай, когда в процесс производства втягиваются новые рабочие). А так как настаивать на том, что капиталисты перманентно авансируют рабочих, всерьез не будет ни один марксист, то видимо т. Бухарину вслед за Р. Люксембург придется искать спрос со стороны «третьих лиц».

Капиталисты нанимают новых рабочих из тех, которые д о с и х п о р жили за счет прежней зарплаты, либо из числа безработных. И лишь как втянутые в процесс производства они смогут предъ я в и т ь д о б а в о ч н ы й спрос на предметы потребления — потребление добавочных рабочих идет вслед за накоплением, является его результатом вопреки тому, что утверждал выше т. Бухарин. Эти утверждения т. Бухарина следуют из его основанного на механистической методологии представления о ходе накопления, ходе расширенного воспроизводства. Потребление новых рабочих не вытекает у него из в н у т р е н н е й закономерности накопления, не создается им самим, а оказывается предварительной, в н е ш н е й для него предпосылкой. В этом — методологическая основа, к о р е н ь данных ошибок т. Бухарина.

Что это именно так — можно видеть еще из одного примера. В начале главы т. Бухарин конструирует схемы простого и расширенного воспроизводства¹⁵.

Решение проблемы соотношения частей произведенной продукции таково: «Помимо условий равновесия, необходимых с точки зрения простого воспроизводства (т. е. в обозначении автора: $c_2 = v_1 + m_1 - B. K.$), распадение подлежащей накоплению прибавочной стоимости... должно совершаться в такой пропорции, чтобы добавочный переменный капитал первого подразделения β_1 , был равен добавочному постоянному капиталу второго подразделения (βc_2)» (стр. 8). Это — н о в о е д о б а в о ч н о е к прежнему, второе условие для «гладкого хода» (стр. 6) воспроизводства при движении капитала не по кругу, а по спирали (см. тоже стр. 45 и др.).

Как видим, у т. Бухарина вместо о д н о г о е д и н о г о условия (в его обозначениях: $C_2 + \beta_2 c = v_1 + \alpha_1 + \beta v$) выступают два условия: 1) $C_2 = v_1 + \alpha_1$; 2) $\beta_2 c = \beta_1 v$; к прежнему равенству, формулировавшему условия простого воспроизводства¹⁶, механически д о б а в л я е т с я извне второе условие; лишь потом они, эти два равенства, механически суммируются в одно. И

¹⁵ Напомним, что у т. Бухарина α означает непродуцируемо-потребляемую капиталистами часть прибавочной стоимости; β — часть прибавочной стоимости, идущей на накопление; значки α и β обозначают, на расширение какой именно части капитала идет прибавочная стоимость.

¹⁶ Ср. это с положением Р. Люксембург (тоже, как известно, стоявшей на точке зрения равновесия): «личное потребление капиталистов подходит под точку зрения простого воспроизводства».

здесь — не р а з в и т и е внутренней структуры воспроизводства, а механическое добавление к условиям простого воспроизводства извне н о в ы х величин, добавочных условий.¹⁷ Иными словами, не из условий воспроизводства как расширенного вытекает здесь авансирование части капитала на наем добавочных рабочих, предъявляющих затем спрос на предметы потребления, а этот спрос рабочих появляется как отдельно существующий новый фактор, внешний, добавочный к прежнему; следовательно рабочие получают деньги как-то иначе, а не за свою рабочую силу, они видимо просто получают деньги в долг от капиталиста (авансируются им перед наймом).

Это положение вполне гармонирует с рассмотренными нами выше. Да иначе и не может быть, если придерживаться «точки зрения равновесия».

* *
*

Тов. Бухарин доказывает, что Р. Люксембург «имеет совершенно чудовищное представление о капиталистическом накоплении. Она отождествляет накопление совокупного общественного капитала с накоплением денежного капитала... Деньги как самоцель — вот, по ее мнению, цель капиталиста» (стр. 32). Р. Люксембург «смешивает накопление денежного сокровища и накопление капитала» (стр. 33—34). Верно ли, что Р. Люксембург отождествляет накопление капитала с накоплением денежного капитала, даже накоплением ссудного капитала (стр. 52)? Да, верно. Однако нельзя сказать, что она придерживается исключительно одного такого представления о накоплении капитала: утверждать это было бы упрощением. В ряде мест своей работы она п о д р у г о м у характеризует понятие накопления капитала.

Тов. Бухарин не уловил, что в основе этой ошибки Р. Люксембург лежит абсолютизирование ею движения капитала и с к л ю ч и т е л ь н о по формуле $D - T \dots P \dots T^1 - D^1$. Как известно, « $D - T \dots P \dots T^1 - D^1$, будучи фиксировано в качестве исключительной формы, лежит в основе развитой меркантильной системы»¹⁸. Меновая концепция, свойственная Р. Люксембург, привела ее к этой общей с меркантилистами концепции. Маркс разъяснил, что «иллюзорный характер формулы $D - T \dots P \dots T^1 - D^1$ и соответствующее ей иллюзорное истолкование сохраняется до тех пор, пока эта форма фиксируется как однократная, а не как текучая, постоянно возобновляющаяся»¹⁹. Разделяемая Р. Люксембург «точка зрения равновесия» является причиной того, почему она допустила неверное толкование накопления. Вследствие этой же точки зрения равновесия т. Бухарин и не смог вскрыть методологического корня неправильной теории накопления Р. Люксембург.

Тов. Бухарин протестует против трактовки накопления как накопления денежного капитала, или накопления денежного сокровища. Ясно, что отождествление этих двух последних категорий недопустимо. Однако у т. Бухарина эти категории не разграничены, выступают часто как тождественные. Недопустимо также было бы отрицать, что образование сокровища является «функционально определенной подготовительной стадией к превращению прибавочной стоимости в действительно функционирующий капитал»²⁰. Сокровище здесь «является формой денежного капитала, образова-

¹⁷ Условия расширенного воспроизводства формулируются единым уравнением, а не двумя. Даже чисто математически основное уравнение не сводимо и не обязательно распадается на два частных уравнения: если $a + b = c + d + e$, то совсем не обязательно, чтобы непременно 1) $a = c$ и 2) $b = d + e$; может случиться, что 1) $a = c + d$, а 2) $b = e$; это равенство вообще может иметь множество комбинаций.

¹⁸ Маркс, Капитал, т. II, стр. 35.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, стр. 57.

ние же сокровища — процессом, который временно сопровождает накопление капитала, потому что — и поскольку — деньги фигурируют здесь в качестве скрытого денежного капитала»²¹. Это совсем иной процесс, чем процесс образования сокровищ в неразвитых предкапиталистических формах товарного производства, где процесс образования сокровищ выступает в качестве самоцели. Итак, недопустимо: 1) выдавать накопление капитала за накопление сокровищ; 2) отождествлять накопление денежного капитала с накоплением сокровища, денег в собственном смысле слова, и 3) игнорировать то, что сокровище в условиях капитализма выступает зачастую в качестве скрытого денежного капитала.

Тов. Бухарин, рассматривая мотивацию капиталистов, считает в а м о и с к л ю ч а ю щ и м и м о т и в ы (либо — либо) — обогащение в форме денег и производственную форму обогащения; он пишет: «...если анализировать мотивы капиталиста, то с этого вола можно драть одну из трех шкур: либо, что он имеет целью потребление; либо, что он стремится к накоплению в «иллюзорной форме» денег; либо, что он пожирал страстью к обогащению в форме «накопления капитала, которое есть действительное производство» (стр. 20). В противоположность Р. Люксембург т. Бухарин считает той единственной «шкурой», в которой выступают стремления капиталиста, обогащение не в форме денег, а обогащение в производственной форме: «Субъективный смысл расширенного воспроизводства, смысл с точки зрения командующих агентов капиталистического производства состоит в производственной форме обогащения» (стр. 20—21; разрядка моя — Б. К.).

Достаточно очевидно, что здесь т. Бухарин совершенно неправ. Маркс достаточно подробно выяснил, что «побудительный мотив капиталистического производства (есть — Б. К.) делание денег»²², что «производственный процесс является лишь необходимым злом, неминуемым средством для делания денег»²³. Это происходит «именно потому, что денежная форма стоимости есть самостоятельная осязательная форма проявления стоимости»²⁴, а в движении капитала «меновая стоимость (и ее увеличение — Б. К.), а не потребительная стоимость есть самоцель, определяющая движение»²⁵. Побудительные мотивы капиталистов именно поэтому наиболее наглядно и ярко выражаются в форме обращения: Д... Д¹, а не в форме: П... П, как это вытекает из утверждения т. Бухарина. Итак, мы видим, что т. Бухарин вступил здесь в прямое противоречие с действительностью, с исчерпывающей ясностью характеризованной еще Марксом²⁶.

Каково же представление т. Бухарина о денежном капитале и деньгах вообще? Тов. Бухарин пишет, что «деньги оказываются лишь фазой в движении «действительного производства» (стр. 32); «процесс накопления есть присоединение к прежнему капиталу добавочного капитала в денежной форме только (разрядка моя — Б. К.) для того, чтобы эта форма тотчас же сменилась формой производительного капитала» (стр. 34). Верно ли, что деньги, выражение капитала, как денежного капитала и пребывание капитала в денежной форме являются лишь фазой, только мимолетным, переходящим моментом, и следовательно только связующим звеном между двумя периодами производства? Достаточно ли сказать, что,

²¹ Маркс, Капитал, т. II, стр. 57.

²² Там же. стр. 30.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ В других местах т. Бухарин пишет о прибыли как о «цели и движущем мотиве» капитала. Он считает даже это утверждение «положительным трюизмом» (стр. 106). Непоследовательность т. Бухарина соединяется здесь, как видим, с его стремлением к «оригинальности».

«действительное накопление возможно без накопления в «иллюзорной форме денег» (стр. 51)?

Тов. Бухарин вспоминает об ошибке школы Рикардо, а затем Сэя, возведших в догмат положение, будто продукт меняется на продукт, а деньги являются «медиумом» — и т о л ь к о «медиумом» — в этой сделке. Он совершенно правильно замечает, что у Сэя вытекает «отсюда ряд грубейших ошибок, отрицание капиталистических противоречий, а затем и прямая апология капиталистического режима» и т. п. (стр. 11—12). Однако к превеликому своему удивлению читатель может заметить, что в дальнейшем сам т. Бухарин позабывает это свое п о п у т н о е замечание и оказывается в данном вопросе на позиции, близкой к позиции Сэя — Рикардо. Приведем несколько характерных для т. Бухарина выдержек. «Специфичность (роли денег — *Б. К.*) заключается в том, что они не образуют элемента «действительного воспроизводства» и следовательно ж и в у т в с е в р е м я в с ф е р е о б р а щ е н и я. Деньги неустанно бегают из одного кармана в другой и ведут кочевой образ жизни подобно цыганам среди цивилизованных жителей Европы» (стр. 39). Как видим, роль денег здесь с в е д е н а к роли с р е д с т в а о б р а щ е н и я, они уподоблены «цыганам», существование которых, как известно, совсем не является имманентно необходимым для развитого капитализма, является «вставкой», а не необходимым составным элементом. Здесь же т. Бухарин прямо уподобляет роль денег роли «медиума», «точно так же как на спиритических сеансах один и тот же медиум может последовательно «обрабатывать» сотни дураков, медиум в виде золотой единицы может последовательно обслуживать бесчисленное множество товарных сделок» (стр. 39).

«Общественная необходимость денег... у него... определяется не тем, что-то нужно заместить или увеличить в области п р о и з в о д с т в е н н о й, а той функциональной ролью, которую деньги играют в совершенно специфической сфере—с ф е р е о б р а щ е н и я. Из этой особой роли денег вытекает и все остальное» (стр. 45—46). Деньги лишь «помогают» «новой вещественной расстановке элементов производительного капитала, так что новый цикл может начаться на новой расширенной основе» (стр. 51). Как видим, и здесь деньги — лишь средство обращения, в этом их общественная необходимость. Из этой их функции вытекает все остальное. Деньги являются лишь связующим звеном между двумя периодами производства. Если например у Р. Люксембург выходит, что совокупная прибыль капиталистов должна выступать как одновременно существующая золотая куча, то т. Бухарин считает, что лишь «идеально, т. е. в счетных единицах, она существует как денежная величина» (стр. 54).

Как видим, на крайний случай т. Бухарин согласен признать за деньгами лишь роль счетных единиц, упуская, что основное содержание денег состоит в том, что они являются всеобщей и существенной формой бытия всех товаров, необходимой и самостоятельной формой стоимости²⁷.

Маркс пишет: «Товарное производство предполагает товарное обращение, а товарное обращение предполагает, что товар находит себе выражение в деньгах, предполагает денежное обращение, удвоенное существование товара в виде товара и денег есть закон выражения продукта, являющегося товаром»²⁸. Итак, деньги далеко не только внешнее

²⁷ Такое представление т. Бухарина о роли денежной формы вполне увязывается с представлением о капиталистическом производстве как о внешней форме «производства вообще», производства, непосредственно направленного на удовлетворение потребностей, с приматом последних (это мы видели выше, с этим мы еще встретимся у т. Бухарина и в дальнейшем); отсюда и сведение Т—Д—Т к Т—Т и изображение денег лишь как орудия обращения и знака стоимости.

²⁸ М а р к с, Капитал, т. II, стр. 328.

звено, связывающее два товара, или два периода нахождения капитала в стадии производительного капитала, далеко не только средство для удобства обращения. Маркс пишет далее: «Точно так же капиталистическое товарное производство, как бы его ни рассматривать — с общественной или с индивидуальной точки зрения, — предполагает существование капитала в денежной форме, или существование денежного капитала и в качестве *primus motor* для каждого вновь возникающего предприятия и в качестве постоянного двигателя»²⁹. Это — во-первых. Во-вторых, поскольку «весь характер капиталистического производства определяется возрастанием авансированной капитальной стоимости»³⁰, постольку результат этого процесса выражается и может быть выражен только в самостоятельной форме стоимости — в деньгах, а увеличение капитала — в возрастании капитала как денежного капитала. Именно поэтому вследствие внутренних причин, характеризующих товарно-капиталистический способ производства, «поскольку предполагается капиталистический способ производства, следовательно при состоянии общества, определяемом капиталистическим производством, в своей форме о кругооборота промышленного капитала является кругооборот денежного капитала»³¹. В-третьих, Маркс, как будто предвидя высказывания т. Бухарина, специально характеризовал денежный капитал только «как фазу» и указал ошибочность и причину такого представления: «... кругообороты D можно рассматривать под углом зрения формы $P... T^1 - D - T... P$; тогда $D - T$ как первая фаза первого кругооборота представляется лишь мимолетной подготовкой к постоянно повторяющемуся кругообороту производительного капитала, чем она и является в действительности, когда дело идет о промышленном капитале, который в первые вкладывается в форме денежного капитала»³². И далее вывод, что «фаза $D - T$ не предполагается с самого начала, а скорее выдвигается или обуславливается производственным процессом», Маркс сопровождает заключением: «Но это справедливо лишь по отношению к индивидуальному капиталу»³³. Эта точка зрения индивидуального капитала, как видим, оказалась присущей здесь т. Бухарину.

Таким образом трактовка вопроса Марксом и трактовка его т. Бухариным решительно не совпадают. У Маркса увеличение стоимости, которое получает реальное выражение в осязательной форме — денежной форме стоимости, есть «самоцель, определяющая движение», у т. Бухарина мотив капиталистов — обогащение не в денежной форме, а производственное обогащение; у Маркса «побудительный мотив... делание денег», у т. Бухарина деньги — лишь фаза движения и его маскарад, пребывание капитала в форме денежного капитала — только мимолетный, переходящий момент связи; у Маркса денежный капитал — постоянный двигатель, а его кругооборот — всеобщая форма кругооборота промышленного капитала и т. д. и т. п.

В противоположность Р. Люксембург, требовавшей, чтобы результат накопления выражался не только в форме денег, но и фиксировался в виде денежного эквивалента, т. Бухарин изображает деньги и денежную форму капитала лишь как момент внешне связующий два акта производства, лишь как костюм, внешнюю форму, которой маскируется действительное движение производства. В противоположность абсолютизированной (гипостазированной) движения в форме $D... D^1$ т. Бухарин в свою очередь абсолютизирует (гипостазирует) движение по формуле $P... P$.

Не случайно т. Бухарин так горячо присоединяется к формуле, кото-

²⁹ Маркс, Капитал, т. II, стр. 328.

³⁰ Там же, стр. 52.

³¹ Там же, стр. 36; разрядка моя.

³² Там же, стр. 35—36; разрядка моя.

³³ Там же, стр. 36; разрядка моя.

рой классическая политическая экономия характеризовала капиталистическое производство: «производство для производства» (стр. 33 и др.), не отмечая всей относительности этого положения. Подобная точка зрения была достаточно ярко характеризована Марксом в следующих словах: «Общая форма движения $P... P$ есть форма производства и не указывает, в противоположность $D... D^1$, на увеличение стоимости как на цель процесса. Тем более облегчает она классической экономии возможность игнорировать определенную капиталистическую форму процесса производства и представлять производство как таковое целью процесса, заключающейся будто бы в том, чтобы возможно больше и возможно дешевле производить и обменивать продукт на возможно более разнородные продукты, служащие отчасти для возобновления производства ($D—T$), отчасти для потребления ($d—m$). При этом, так как D и d являются здесь лишь преходящим средством обращения, то особенности денег и денежного капитала могут легко остаться незамеченными и весь процесс оказывается простым и естественным, т. е. обладает естественностью плоского рационализма»³⁴.

Совершенно очевидна и причина, вследствие которой изображение процесса приобрело у т. Бухарина характер «плоского рационализма». Она лежит все в том же — в непонимании им метода диалектического материализма, в механистической методологии т. Бухарина, кладущего в основу вечные законы «производства вообще», рассматривающего капиталистическую форму как внешнюю оболочку какого-то надисторического процесса, ставящего во главу угла метафизическое равновесие и видящего причину движения во внешнем толчке, а не в борьбе внутренних противоречий³⁵.

Мы рассмотрели почти все аргументы, приведенные т. Бухариным в первой части своей работы против Р. Люксембург. Укажем еще здесь, что «центральная и основная ошибкой Розы Люксембург (из которой) вытекает и ее объяснение империализма» (стр. 58) т. Бухарин считает то, что «она рассматривает собирательного капиталиста как капиталиста единичного; она гипотезирует этого собирательного капиталиста». Подобной ошибки, как мы уже видели, не смог избежать и т. Бухарин. Но главное не в этом. Главное — в том, что т. Бухарин не вскрыл самого существа, самого корня ошибок Р. Люксембург — непонимания ею метода материалистической диалектики, механистичности ее построений, ее меновой концепции, ее идеалистического, неправильного представления о «фиктивности» абстракции, о связи логического и исторического и т. д. Хотя т. Бухарин в предисловии заявил, что «все основные вопросы подвергнуты разбору в нашей работе» (стр. 3), хотя он еще в I главе утверждал, что «мы исчерпали до дна основную аргументацию т. Р. Люксембург, поскольку она развита в «Накоплении капитала» (стр. 21), однако этого он не осуществил. И в том, что т. Бухарин не вскрыл основных корней ошибок Р. Люксембург, и в том, что выдвинутые им самим положения сплошь да рядом оказались также ошибочными, выявилось, что методологические ошибки Р. Люксембург в ряде элементов свойственны также и самому т. Бухарину.

³⁴ Маркс, Капитал, т. II, стр. 66.

³⁵ Точка зрения равновесия мешает и здесь правильному пониманию процесса т. Бухариным, ибо равновесие, как известно, противопоставлено движению, а капитал есть не только классовое отношение, «капитал есть кроме того движение... Поэтому капитал можно понять лишь как движение, а не как вещь, пребывающую в покое» (Маркс, Капитал, т. II, стр. 78). Если принимать за исходное равновесие, т. е. статику, покой, то совершенно естественно, что за представлением о капитале как о классовом отношении выпадает «представление о капитале как о самовозрастающей стоимости», ибо это последнее представление охватывает оба момента; тем самым изображение движения капиталистического производства, хода его воспроизводства оказывается односторонним и неверным.

* * *

Третью главу своего «теоретического этюда» т. Бухарин посвящает рассмотрению «нарушений равновесия, которые имманентны движущейся капиталистической системе, нарушений, вытекающих из противоречий капитализма» (стр. 58); эту задачу т. Бухарин обещает разрешить, показав, как он понимает «теорию рынка в целом и кризисы».

Сама Р. Люксембург специально не останавливалась на рассмотрении проблемы кризисов. Однако т. Бухарин прав, когда утверждает, что у Р. Люксембург по существу перепроизводство есть постоянное явление в любом хронологическом пункте промышленного цикла, что перепроизводство и кризисы «перманентны» для капитализма.

Тов. Бухарин решает для более отчетливой постановки проблемы дать критику теории рынка и кризисов Туган-Барановского. «Размежеваться с ним, — пишет т. Бухарин, — тем более необходимо, что при этом размежевании еще более ярко выступают ошибки товарища Розы Люксембург, а главное, станет яснее и наша собственная позиция» (стр. 61).

В чем видит т. Бухарин сущность тугановщины? Ответ на этот вопрос мы встречали еще в самом начале брошюры, где т. Бухарин писал: «Специфическая особенность, «сущность» (туган-барановщины — Б. К.) состоит в отрыве производства от потребления и полном его (производства) обособлении» (стр. 16):

Как же т. Бухарин разбивает основную «ошибку Тугана... что он разрывает необходимую связь производства с потреблением» (стр. 77)?

Делает это т. Бухарин, доказывая необходимость связи между отраслями.

Все дело, по т. Бухарину, заключается в совершенно необходимой «производственной связи между различными отраслями» (стр. 67). «У нас имеется цепь родственных по производству отраслей, каждая из которых представляет рынок для другой, в определенном порядке, диктуемом технико-экономической логикой совокупного производственного процесса; но эта цепь кончается производством средств потребления... которые входят в процесс личного потребления (здесь мы отвлекаемся от того, что процесс потребления со стороны рабочего класса есть процесс производства рабочей силы...)» (стр. 79; разрядка моя — Б. К.).

Совсем не то получается у Туган-Барановского.

Знаменитый пример Тугана, что «если все рабочие вплоть до одного будут замещены машинами... этот единственный рабочий будет приводить в движение всю колоссальную массу машин и с их помощью производить новые машины и предметы потребления капиталистического класса...»⁸⁶, этот знаменитый пример-аргумент опровергается т. Бухариным следующим образом:

«Чудовищное расширение средств производства рано или поздно вызовет неизбежно рост выбрасываемых на рынок предметов потребления. И если на эти предметы потребления спроса нет, то последует неминуемый опустошительный крах, в котором скажется со стихийной силой связь между производством и потреблением, которую отрицает наш «парадоксальный» Туган» (стр. 70). «Туган этого в своей наивности не видит, потому что он не видит технико-экономической логики совокупного производственного процесса» (стр. 69). Картина производства средств производства только для производства средств производства «нелепа»; в этом случае «перед нами часть общественного производства, которая по сути дела никакого отношения к общественному производству не имеет»

⁸⁶ Туган-Барановский, Периодические промышленные кризисы, изд. «Книга», 1923 г., стр. 195—196.

(стр. 69); как «объективный смысл» (стр. 67) производственного процесса, так и весь ход общественного воспроизводства в целом «становится совершенно непонятным» (стр. 71).

Туган-Барановский утверждал, что «размер рынка в капиталистическом хозяйстве отнюдь не определяется размером общественного потребления»³⁷ и т. д. Тов. Бухарин возражает Тугану указаниями на «нелепость» представлений Тугана, на то, что при его подходе остается «совершенно непонятным» «объективный смысл» всего процесса и т. д. (скажем в скобках, что т. Бухарин непоследователен—прежде он категорически возражал против «цели» в общественной науке; теперь он сам выдвигает аргумент о «смысле» и т. д.), указаниями на то, что производство вообще как таковое, в силу своей логики связано с потреблением, что всегда производственный аппарат общества (независимо от того, в какой общественно-экономической формации происходит дело) есть «аппарат для производства средств человеческого потребления... капиталистическое производство... (лишь—Б. К.) с крывает этот факт» (стр. 64). Таким образом для доказательства закономерностей капитализма (именно по этому вопросу выступал Туган) т. Бухарин апеллирует к вечным законам человеческого общества.

Специфически исторический характер закономерностей т. Бухариным, как видим, не выявлен, не показан; более того, принципиально признается возможность пока что отвлечься от того, что потребление рабочих есть не что иное, как производство товара—«рабочая сила», товара, потребление которого есть процесс создания и увеличения стоимости—содержание капиталистического производства. При рассмотрении законов капитализма игнорируется таким образом специфика этого общественного строя.

Вряд ли нужно доказывать, сколь этот метод чужд марксизму. Напомним лишь известное положение Маркса: «Имеются определения, общие всем ступеням производства, которые как общие фиксируются мышлением; однако все так называемые общие условия всякого производства суть не что иное, как эти абстрактные моменты, с помощью которых нельзя понять ни одной действительной исторической ступени производства»³⁸.

Чрезвычайно ярко видна механистическая методология т. Бухарина в его возражениях на пример, приведенный Туганом³⁹.

В примере Тугана резко бросается в глаза то, что он называет капиталистическим строем строй, в котором нет рабочего класса, что он считает возможным осуществление страсти капиталистов к накоплению во все увеличивающемся масштабе при наличии лишь одного рабочего. Явно, что фантастическая картина Тугана изображает не капитализм (если она вообще что-либо изображает, кроме тугановской апологетики); ясно, что один рабочий, как бы его ни эксплуатировать, больше 24 час. прибавочного труда, соответственно больше 24 час. прибавочной

³⁷ Туган-Барановский, Периодические кризисы, изд. «Книга», 1923 г., стр. 190; у т. Бухарина приведено на стр. 62.

³⁸ Маркс, Введение к «Критике политической экономии», ИМЭ, Гиз, 1930 г. стр. 56.

³⁹ Между прочим Туган-Барановский, приведя этот пример, по существу совершил плагиат (это уже давно было указано в нашей литературе). Еще в 1894 г. в «La critica Sociale» Грациадеи писал: «Мы могли бы прекраснейшим образом представить себе общество, в котором не благодаря прибавочному труду, а без всякого труда существовала бы прибыль. В самом деле, если бы весь производимый теперь человеком труд был суррогатом труда машин, эти последние при помощи сравнительно незначительного количества товаров производили бы огромное количество их. Если мы предположим капиталистическое устройство общества, то... господствующий класс... получил бы в свое распоряжение... прибыль, гораздо более значительную, чем он получал в то время, когда в производстве участвовала лишь ничтожная мускульная сила человека». Грациадеи только гораздо более откровенно, чем Туган, подчеркивает, что прибыль создается машинами.

стоимости в сутки дать не может (ибо сутки имеют лишь 24 астрономических часа); следовательно ясно, что источник для расширенного накопления в «картинке» Тугана отсутствует, как бы он ни клялся в противоположном (как известно накопление есть присоединение к капиталу прибавочной стоимости), и т. д. Всего этого т. Бухарин не отметил, увлекшись в естественными законами производства вообще, объективным смыслом «общественного производства вообще».

Тов. Бухарин не только не отметил этого, но показал, что он не понял смысла тугановщины. В самом деле, из примера Тугана следует, что он считает возможным существование прибыли, накопление и т. д. даже в том случае, когда нет рабочего класса; следовательно стоимость, прибавочная стоимость, прибыль создаются, по Тугану, не трудом рабочего, а чем-то иным. С другой стороны, увеличение массы средств производства как таковых Туган называет накоплением; таким образом накопление он отождествляет с увеличением массы потребительных стоимостей, основу стоимости он следовательно видит в полезности⁴⁰, а создателями прибавочной стоимости выступают у него машины.

Однако это оказалось непонятым т. Бухариным. Так, он считает принимаемое Туганом учение австрийской школы о стоимости (стоимость определяется полезностью) и учение Тугана о рынках «двумя прямо противоположными «системами» взглядов» (стр. 75). По существу же здесь нет двух противоположных систем взглядов: и там и тут дело сводится к полезности. В действительности же сущность тугановщины состоит в отрицании того, что эксплуатация рабочих, производство прибавочной стоимости есть основное содержание капиталистического производства.

Механистическая методология т. Бухарина, его объективизм «внеисторический» подход к сугубо историческим явлениям помешали ему понять сущность взглядов крупнейшего теоретика буржуазии, «кладеза премудрости» современного социал-фашизма.

Тов. Бухарин ограничился лишь логической критикой (сколь она оказалась удачной, мы уже видели), не вскрыл классового смысла тугановщины и того, что Туган в своей теории реализации по существу устраняет капиталистический способ производства.

* * *

Учение о воспроизводстве и обращении всего общественного капитала дано т. Бухариным, как он заявлял сам, с абстрагированием от противоречий капитализма без их учета (стр. 58). В учении о кризисах т. Бухарин считает необходимым анализировать эти противоречия и те нарушения равновесия капиталистической системы, которые вытекают из этих противоречий.

«Основной мыслью», характеризующей понимание причины кризисов у Маркса, Ленина, ортодоксальных марксистов, т. Бухарин считает мысль, что «кризисы возникают из диспропорциональности общественного производства, но момент потребления является составной частью этой диспропорциональности» (стр. 82, 83).

Пропорциональность отраслей производства, в том числе и отраслей, производящих средства потребления, predetermined, по мнению т. Бухарина, их производственной цепной связью, технико-экономической логикой совокупного производственного процесса (стр. 79), predetermined зависимостью между различными отраслями как частями единого про-

⁴⁰ Кстати сказать, Туган-Барановский уже в 1900 г. заявил, что его «понимание не совпадает с пониманием Маркса... Трудовая ценность есть такая же фикция в области всего капиталистического хозяйства, как и в области отдельного хозяйства» («Научное обозрение», кн. 3, 1900 г., стр. 617).

изводственного аппарата общества — аппарата для производства средств человеческого потребления (стр. 64). Для гладкого, плавного хода необходима пропорциональность частей, необходимо их равновесие.

Тов. Бухарин сводит таким образом принцип пропорциональности к принципу равновесия, что отнюдь не одно и то же и по характеру и по значению. Известная относительная пропорциональность отраслей производства есть условие движения всего производства и носит объективный характер, в то время как принцип равновесия отрицает движение и ведет к поповщине в науке, к защите капитализма. Учение Маркса о воспроизводстве и обращении всего общественного капитала у т. Бухарина является учением о пропорциональности распределения частей общественного производства и их продукции. А в его понимании пропорциональность есть равновесие.

Вся проблема у т. Бухарина, как видим, к такому пропорциональному распределению, как к равновесию, по существу и сводится. Но допустимо ли это для марксиста-ленинца? Ленин писал, что «Струве напрасно называет теорию реализации теорией пропорционального распределения. Это неточно и неизбежно ведет к недоразумениям»⁴¹; разрешение вопроса т. Бухариным коренным образом отличается от ленинского.

Причина подобного положения ясна: Ленин рассматривал процесс в движении, в противоречиях, его элементы во взаимодействии. т. Бухарин в основу кладет равновесие и отвлекается от противоречий, Ленин рассматривал специфические закономерности капитализма; т. Бухарин идет от общих законов и абстрагируется от специфики капитализма или привлекает ее лишь как внешнюю форму. Короче: Ленин—материалист-диалектик, т. Бухарин—теоретик без диалектики»⁴².

Такой же отход т. Бухарина от марксизма-ленинизма мы видим и в объяснении им причин кризисов. В противоположность т. Бухарину, видящему причину кризисов в диспропорциональности вообще, в нарушении равновесия, марксо-ленинская «теория объясняет кризисы... противоречием между общественным характером производства (обобществленного капитализмом) и частным, индивидуальным способом присвоения», этим наиболее «глубоким, основным противоречием современной хозяйственной системы»⁴³. Марксо-ленинская теория таким образом исходит из противоречий данного строя, видит, что «основа экономических кризисов перепроизводства, их причина лежит в самой системе капиталистического хозяйства»⁴⁴. Об этом основном и наиболее глубоком противоречии капитализма в главе о кризисах т. Бухарин даже ни разу не упоминает.

Характеризуя более подробно причину кризисов, т. Сталин говорил: «Основа кризиса лежит в противоречии между общественным характером производства и капиталистической формой присвоения результатов производства. Выражением этого основного противоречия капитализма является противоречие между колоссальным ростом производственных возможностей капитализма, рассчитанных на получение максимума капиталистической прибыли, и относительным сокращением платежеспособного спроса со стороны миллионов масс трудящихся, жизненный уровень которых капиталисты все время стараются держать в пределах крайнего минимума»⁴⁵.

⁴¹ Ленин, т. II, стр. 428.

⁴² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 1930 г., стр. 511.

⁴³ Ленин, т. II, стр. 37, разрядка моя.

⁴⁴ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 1930 г., стр. 607.

⁴⁵ Там же, стр. 607—608.

Мы видим, что т. Сталин, конкретизируя проблему, делает упор на том, что капиталистическое производство и его рост определяются погоней за прибылью, что стороной этого процесса является стремление держать на минимуме платежеспособный спрос трудящихся. В этом ярко проявляется именно то, что капиталистическое производство есть производство прибавочной стоимости. Поэтому капиталист, стремясь увеличить массу прибыли (прибавочной стоимости), и расширяет производство и снижает часть стоимости, попадающую в руки рабочих. Таким образом здесь мы имеем конкретизацию специфической особенности капиталистического способа производства, рассчитанного на производство прибавочной стоимости, а именно — специфического способа соединения непосредственно работающих со средствами производства, когда «занятие товарным производством вообще превращается в занятие эксплуатацией рабочей силы» (Маркс).

Этот способ соединения, этот специфический характер взаимодействия и является основным пунктом для правильной постановки и разрешения проблемы, а не рассуждения о необходимости производственной связи и пропорциональности отраслей вообще. Однако т. Бухарин считает основным в характеристике специфики капитализма совсем не этот момент, а если он и вспоминает о нем, то вспоминает в ином плане, в иной постановке..

В самом деле, вспомним характеристику «классического» капитализма т. Бухариным: «Здесь налицо «анархия производства», денежная связь через рынок, форма заработной платы и т. д.» — пишет т. Бухарин (стр. 84)⁴⁶.

Анализируя затем отдельно ряд моментов, т. Бухарин ни разу не вспоминает о «капиталистическом присвоении», о том, что капиталистическое производство есть производство прибавочной стоимости; он говорит об отсутствии пропорциональности из-за неорганизованности производства, о денежно-рыночной связи между отраслями, о том, что спрос дан не à priori и все соотношения устанавливаются лишь post factum, наконец о том, что «капитализм развивает постоянную тенденцию к тому, чтобы с одной стороны, быстро развивать производство (механизм конкуренции), с другой — понижать заработную плату (давление резервной армии), другими словами, капитализм имеет тенденцию выводить производство за границы потребления» (стр. 84—85). Словом, все сводится т. Бухариным к явлениям рынка, рыночной формы связи, конкуренции; даже причина быстрого развития производства сводится к механизму конкуренции капиталистов, даже низкий уровень потребления объясняется здесь лишь конкуренцией среди рабочих.

Мы следовательно имеем дело здесь с противоречиями одной формы, не связанной с противоречиями, с содержанием самого способа производства. Так, т. Бухарин реализует свое обещание включить в исследование и анализ противоречий капитализма, от которых будто бы можно было отвлечься при рассмотрении проблемы воспроизводства и реализации на более абстрактной ступени исследования.

Для Маркса является решающим для специфического характера самого производства существование товара — рабочей силы, или факт наемного

⁴⁶ Тов. Бухарин говорит здесь между прочим об «анархии производства», взяв в кавычки это выражение. В том-то и дело, что «анархия производства» выступает у него оторванно от основного противоречия капитализма; коль скоро это так, то она не является необходимым признаком капиталистической системы, может быть преодолена в ее пределах. С этим увязываются, как мы увидим ниже, и пример т. Бухарина о «государственном капитализме» и его учение об «организованном» капитализме. На самом же деле «противоречие между общественным характером производства и капиталистическим присвоением выступает наружу как противоположность между организацией производства на отдельных фабриках и анархией производства во всем обществе», как формулировал еще Энгельс («Анти-Дюринг», стр. 257. см. так же Ленин, т. II, стр. 40).

труда: «Наемный труд является формой труда, имеющей решающее значение для строения всего процесса и для специфического характера самого производства»⁴⁷. Тов. Бухарин вспоминает о товаре — рабочей силе, — лишь «между прочим»: «Капиталистическое обращение отличается от простого товарного обращения между прочим тем, что среди обращающихся на рынке товаров фигурирует рабочая сила, имеющая свою потребительную ценность и свою меновую ценность» (стр. 91). Здесь он попрежнему концентрирует внимание на сфере обращения, подчеркивая «особую роль рабочего в процессе обращения» (стр. 91), а не в процессе производства. Поэтому совершенно правильное указание, что при анализе кризисов необходимо останавливаться «на анализе того, что среди товаров имеется и рабочая сила» (стр. 92), у самого т. Бухарина осуществляется здесь чрезвычайно односторонне. Именно ему можно было бы напомнить, что сам он далеко не всегда подчеркивает, что рабочая сила есть особый товар потому, что потребительная стоимость этого товара есть свойство создавать стоимость и при этом большую, чем стоимостью самой рабочей силы (а это означает — определить роль рабочей силы в процессе производства, а не только в процессе обращения). Как видим, т. Бухарин не видит огромного коренного значения марксова учения о прибавочной стоимости, этого, по выражению Ленина, «краеугольного камня» марксо-ленинской экономической теории⁴⁸.

Для лучшей иллюстрации ошибочности подхода т. Бухарина к проблеме кризисов рассмотрим приведенный им пример с «государственным капитализмом».

* * *

«Представим себе, — пишет т. Бухарин, — ...коллективно-капиталистический строй (государственный капитализм), где капиталистический класс объединен в единый трест и где следовательно перед нами организована антагонистическое с точки зрения классов хозяйство» (стр. 83; разрядка моя — Б. К.).

В этом обществе нет ни «анархии производства», ни «рынка», ни «товара», ни денежной связи через рынок, ни формы заработной платы и т. д. (стр. 84, 93).

Здесь, по мнению т. Бухарина, «несмотря на... «недопотребление» масс, кризиса не получается, ибо... нет «анархии производства»... а есть рациональный, с точки зрения капитала, план... В случае «просчета» в средствах потребления рабочих — рабочим «скармливается» эта добавка путем раздачи или соответствующая порция продукта уничтожается... Ход производства в общем плавный. Стимул производства и производственного плана — потребление капиталистов; следовательно никакого особо быстрого развития производства здесь налицо нет (небольшое количество капиталистов)» (стр. 84). И далее: «Преодоление анархии, т. е. плановое начало, не противопоставляется как особый момент ликвидации противоречия между производством и потреблением, а включает эту ликвидацию» (стр. 86—87).

Итак, здесь перед нами: 1) теоретическое допущение абстракции такого типа, о котором Ленин писал в свое время, что абстрактно мыслить подоб-

⁴⁷ Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, изд. 1924 г., стр. 420; разрядка моя — Б. К.

⁴⁸ Так, перечисляя «основные понятия политической экономии», т. Бухарин пишет: «Краеугольными камнями всего здания теоретической экономии, т. е. теории хозяйства в его капиталистической форме, основными понятиями всей системы были понятия: товар, ценность, цена» (Бухарин, Экономика переходного периода, стр. 124). Как видим, «прибавочная стоимость» отсутствует в этом перечне «краеугольных камней».

ное явление можно, но это означает на практике становиться оппортунистом⁴⁹ (впрочем т. Бухарин и «на практике» разделял учение об «организованном» капитализме); 2) признание, что капитализмом можно назвать строй, где нет товарного производства, где нет купли-продажи рабочей силы, где нет следовательно прибавочной стоимости, где стимул капиталистов — их потребление; 3) признание, что причиной быстрого развития «нормального» капитализма является лишь конкуренция большого количества капиталистов друг с другом; 4) признание возможности существования капитализма без неравномерного развития и признание возможности преодоления «трудностей», неизбежно приводящих к кризисам⁵⁰; 5) признание возможности существования капитализма без «анархии производства», т. е. признание «анархии производства» чем-то необязательным, не имманентным для капитализма, что капитализм может преодолеть в рамках своей системы; следовательно анархия производства не является здесь классовой категорией, формой основного противоречия общественного производства при частно капиталистическом присвоении; 6) признание необязательности для капитализма противоречия между производством и потреблением, которое (противоречие) является следствием лишь «неурегулированности», «бесплановости», «анархии производства», понимаемой в только что указанном смысле; 7) признание таким образом необязательности и возможности изжития самим капитализмом противоречия между производством и потреблением — противоречия выражающегося в антагонизме отношений распределения, противоречия, в котором непосредственно выражается антагонизм классов и обострение которого толкает пролетариат на борьбу за свержение капитализма; 8) как следствие всего этого — отрицание необходимости и неизбежности революционной борьбы с капитализмом; 9) критика капитализма с точки зрения неправильности обращения, предоставленного самому себе, и т. д. и т. п.

Прочитав в «Экономике переходного периода» более мягкое, чем здесь, утверждение т. Бухарина: «При государственном капитализме процесс производства есть процесс производства прибавочной ценности, попадающей в руки класса капиталистов, с тенденцией превращения этой ценности в прибавочный продукт», Ленин подчеркнул последние слова и написал на полях: «???? чудовищно»⁵¹. Это же самое выражение можно употребить по поводу каждого из вышеприведенных положений т. Бухарина.

Возьмем например признание возможности изжития капитализмом противоречия между производством и потреблением, в частности противоположности между распределительными отношениями, с одной стороны, и производительными силами, производительной способностью и развитием ее факторов, с другой стороны. Напомним, что Маркс, когда он разрабатывал вопрос о моменте наступления гибели капитализма, писал: «Достигнув известной ступени зрелости, данная историческая форма совлекается и уступает место более высокой. Момент наступления такого кризиса обнаруживается в том, что приобретает особенную широту и глубину противоречие и противоположность между распределительными отношениями — а, следовательно исторически определенной формой соответствующих им отношений производства, — с одной

⁴⁹ Ленин, Предисловие к брошюре Бухарина «Мировое хозяйство и империализм», т. XVIII, стр. 356.

⁵⁰ На самом деле «единственная система хозяйства, которая не боится кризисов и способна преодолеть трудности, неразрешимые для капитализма, — это советская система хозяйства» (Сталин, Доклад на январском пленуме ЦК и ЦКК от 7 января 1932 г., «Правда» от 10 января 1933 г.).

⁵¹ «Ленинский сборник» XI, стр. 368.

стороны, и производительными силами, производительной способностью и развитием ее факторов — с другой. Тогда разражается конфликт между материальным развитием производства и его общественной формой»⁵². Напротив того, выводом из положений т. Бухарина явилось бы признание вечности капитализма, ибо данное противоречие может быть согласно его теории преодолено в пределах капиталистической системы.

Картина государственного капитализма, изображенная т. Бухариным, идет как раз в линии примера Туган-Барановского: и там и здесь внимание концентрируется на технической увязке отраслей между собой, на пропорциональном распределении между ними «капитала»; и там и здесь отрицается прибавочная стоимость как цель и смысл капиталистического производства; и там и здесь на первый план выдвигается потребительная стоимость.

А если это так, то и у того и другого одинаково не имеет никакого особого значения эксплуатация рабочих, а следовательно и их потребление, являющееся производством их рабочей силы. Таким образом с точки зрения самого т. Бухарина Туган оказывается правым в утверждении, что между общественным потреблением и общественным производством при капитализме нет никакой необходимой связи. Хотя против этого т. Бухарин энергично возражал, все же, как оказалось, сам он попал в плен к Тугану. Таков печальный итог бухаринской критики Туган-Барановского. Причина этого явления — та, что т. Бухарин критиковал Тугана, отпавляясь от вечных законов» связи производства с потреблением, отстаивая необходимость пропорциональности как иной формулировки принципа равновесия, базируясь на «объективном», надклассовом, надисторическом смысле производственного процесса, уклоняясь от исследования капиталистического способа производства и обращения и имманентных ему в целом (а не одному обращению, взятому изолированно) противоречий, абстрагируя от этих противоречий при изучении капитализма.

Можно согласиться с т. Бухариным, что апологеты капитализма отрицают противоречия капитализма и видят только единство этой системы и что Р. Люксембург видит противоречия, но отрицает единство системы, и противоречия у нее получаются плоскими.

Можно только добавить, что хотя сам т. Бухарин и видит единство и говорит о противоречиях капитализма, однако при проверке обнаруживается, что вместо внутреннего противоречия, имманентно присущего капитализму, — противоречия между общественным характером производства и частной формой присвоения — он выдвигает либо противоречие условий производства вообще и капиталистической его формы, т. е. противоречия не самой системы капитализма, а противоречия капиталистической формы с внешними для нее условиями; либо противоречия одной формы обращения, взятой самой по себе. Словом, противоречия, о которых говорит т. Бухарин, также не являются основными диалектическими противоречиями. Словом и здесь т. Бухарин обнаруживает, что он не диалектик⁵³.

⁵² Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, стр. 422—423.

⁵³ В следующем очерке мы рассмотрим критику т. Бухариным Р. Люксембург по остальным вопросам и дадим общую характеристику всей этой критики и «собственной» механистической позиции т. Бухарина в целом.

ОБ ОСНОВАХ ТЕОРИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Тот факт, что плановость социалистического хозяйства является одним из коренных его преимуществ перед капиталистическим и раздробленным мелкобуржуазным хозяйством, — этот факт теперь доказан не только теоретически, но и практически огромными успехами СССР за 15 лет пролетарской революции и особенно выполнением первой пятилетки в 4 года. Пролетарская диктатура пользовалась всеми средствами классового господства пролетариата, в том числе планированием народного хозяйства, для того чтобы пустить капиталистические элементы ко дну, обеспечить рост и победу социалистического сектора и создать на этой базе в короткий период социалистической реконструкции невиданный разворот производительных сил пролетарского государства. Капиталистический же мир пришел к невиданному кризису и к такому разгрому производительных сил, который можно сравнить разве только с опустошениями мировой империалистической войны.

Тов. Сталин еще в начале кризиса вскрыл в своем докладе на XVI съезде нашей партии всю глубину этого кризиса и показал те особые его условия, которые отличают его от прежних капиталистических кризисов и придают ему особую разрушительную силу. Особые обстоятельства заключаются в том, что кризис сильнее всего поразили главную капиталистическую страну, цитадель капитала — САСШ; что промышленный кризис важнейших капиталистических стран переплелся с аграрным кризисом; что современный монополистический капитализм борьбой капиталистических объединений за монопольные цены на товары особенно разоряет массы и затягивает кризис; что он развивается на базе общего кризиса капитализма, возникшего еще во время империалистической войны.

Конкуренция молодого капитализма колониальных и зависимых стран, послевоенная недогрузка предприятий, огромная постоянная армия безработных и целый ряд других глубоких противоречий делают кризис невероятно опустошительным. Все язвы гниющего капитализма вскрываются особенно ярко в свете огромных побед и достижений страны пролетарской диктатуры и ее социалистической системы.

Эти факты настолько очевидны, что их даже вынуждены признавать наиболее дальновидные наши враги. В серьезных буржуазных журналах и газетах и в интервью политические деятели буржуазии все чаще льют слезы о беспорядках и крахе их хозяйства и удивляются плановой мощи нашего хозяйства.

Гобсон Джерви, председатель Английского банка, по его собственным словам, отнюдь «не коммунист и не большевик», напротив — «определенный капиталист и индивидуалист», недавно изложил результаты своего знакомства с СССР.

«Поскольку Россия развивается согласно плану, — говорит Гобсон Джерви, — она должна стать неуязвимой как нация и такой могущественной, что я боюсь думать о положении других стран, если мы не предпримем шагов для улучшения наших собственных условий жизни и не решимся поддерживать общий мир» (разрядка автора — С. П.).

Мощный энтузиазм трудящихся масс и плановость руководства — вот что вынужден признать Гобсон Джерви в объяснение того, что, несмотря на зловещие пророчества буржуазии, «в условиях пятилетнего плана сделано больше, чем намечалось», что «Россия движется вперед, в то время как слишком много наших заводов бездействует и примерно 3 млн. нашего народа ищет в отчаянии работы».

Совсем недавно в нескольких французских журналах и газетах были напечатаны статьи и речи известного французского ученого — электротехника Барбильона, профессора и директора университета в Гренобле, который вынужден был с удивлением отозваться о нашем плане электрификации и об его выполнении и признать, что пятилетний план дал больше, чем от него ожидали.

Преимущества планового хозяйства так неоспоримы, особенно перед лицом глубокого кризиса капитализма; популярность планового социалистического строительства среди широких масс трудящихся капиталистических стран так велика, что даже злейшие враги коммунизма вынуждены говорить о плане и строить проекты планового хозяйства.

Так, фашист Гитлер пускается в демагогию о двух четырехлетних планах, которые должны привести Германию к возрождению и кровавый смысл которых мы конечно хорошо понимаем. Теперь президент САСШ Рузвельт также пытается рекламировать свою экстраординарную меру в виде «национального плана».

В САСШ, в Германии и других странах были организованы целые институты для изучения нашего пятилетнего плана и применения «плана» у них. Но все напрасно: «организованного» капитализма не получается и кризис углубляется, внося все большее смятение в умы фашистов и их лакеев — социал-фашистов. Наша страна остается единственной страной хозяйственного и культурного роста среди бушующего моря капиталистической разрухи.

Совершенно очевидно, что эта роль плана в нашем строительстве, так колоссально возросшая в период социализма и давшая такие невиданные достижения, неизмеримо возрастет в течение второй пятилетки строительства бесклассового общества. Она будет возрастать в дальнейшем вместе с ростом социалистического производства. Практически мы наблюдаем это возрастание роли социалистического планирования на каждом шагу.

Однако было бы совершенно неправильно, если бы мы план, дающий такие блестящие результаты в нашей социалистической системе строительства, оторвали от основного, коренного, определяющего все остальное фактора нашего политического и экономического развития от диктатуры пролетариата.

В переходный период от капитализма к коммунизму социалистическое планирование есть производный фактор, функция революционной диктатуры пролетариата.

Большевистская партия руководит всеми органами диктатуры пролетариата и направляет ее классовую борьбу за социалистический

план и за его осуществление, исходя из своей генеральной линии построения социалистического общества.

Без монолитной партии большевиков, возглавляемой ленинским Центральным комитетом и руководимой гениальными вождями — В. И. Лениным и И. В. Сталиным, не могла осуществиться диктатура пролетариата. Без ожесточенной борьбы партии и рабочего класса с классовыми врагами диктатуры пролетариата мы не могли бы победить и развернуть социалистическое строительство, следовательно и его планирование.

Развитие советской экономики определяется политикой партии и диктатуры пролетариата.

Вопрос о диктатуре пролетариата является центральным вопросом социалистической революции, все остальные вопросы которой зависят от правильного решения этого главного ее вопроса.

«Вопрос о диктатуре пролетариата, — писал Ленин в статье «К истории вопроса о диктатуре пролетариата», — есть коренной вопрос современного рабочего движения во всех без исключения капиталистических странах...

Кто не понял необходимости диктатуры любого революционного класса для его победы, тот ничего не понял в истории революции или ничего не хочет знать в этой области»¹.

Диктатура пролетариата есть самое существенное и основное в социалистической революции. Диктатура пролетариата, как многократно повторяли Маркс, Ленин и Сталин, есть самая упорная и ожесточенная классовая борьба на всех решительно фронтах — военном, политическом, хозяйственном, административном, культурном и пр., — борьба, направленная к ликвидации всех остатков капиталистических классов. Диктатура пролетариата с ее «механизмом» «ряда зубчатых колес» и «приводов» на каждом ее историческом этапе наполнена конкретным содержанием классовой борьбы. В период гражданской войны и интервенции это в основном была мобилизация всех сил пролетариата и трудящегося крестьянства для защиты революции на военных фронтах. В восстановительный период это было оживление через нэп всей хозяйственной жизни страны, это была смычка социалистической промышленности с крестьянским хозяйством, охват миллионов крестьянских хозяйств кооперацией, политика ограничения и вытеснения кулачества, чтобы таким путем подготовить базу для строительства крупной социалистической индустрии и для развернутого социалистического наступления. В период социалистической реконструкции — это гигантский сдвиг в развитии производительных сил страны, особенно ее тяжелой и машиностроительной промышленности, социалистическая индустриализация, построение фундамента социалистической экономики, перестройка мелкого крестьянского хозяйства в крупное, коллективное, переделка производственных отношений в социалистическом направлении, политика ликвидации кулачества как класса, социалистическая переделка миллионов самих мелких производителей.

Классовая борьба пролетариата в период развернутого социалистического наступления есть вместе с тем напряженная борьба за социалистический план строительства. Доходящее до высшего напряжения сопротивление классового врага, направленное против диктатуры пролетариата, вместе с тем всегда заострено против ее социалистического плана. Кулачество путем срыва плана хлебозаготовок и снаб-

¹ Ленин, т. XXV, стр. 431.

жения пролетарского государства хлебом стремилось нанести удар партии, пролетарской диктатуре и социализму. Вредители ставили себе целью путем разрушения промышленности и транспорта, уничтожения скота и посевов, шпионства, подготовки интервенции и диверсий сорвать и провалить наш пятилетний план, чтобы подорвать силу партии и советской власти. То же самое делают империалисты, организующие контрреволюционные, вредительские акты внутри социалистической страны для подготовки интервенции.

Социалистический план, социалистическое планирование как острейшее оружие классовой борьбы партии и пролетарской диктатуры за социализм всегда оказывались в фокусе поползновений классового врага. Поэтому классовые враги стремятся проникнуть в плановые органы. Это сигнализировал процесс вредителей, забравшихся в плановые органы и стремившихся превратить их в орудие своей вредительской деятельности. Классовый враг пытался проникнуть не только в сферу практической работы, но и в теоретическую область, в литературу. Такова например буржуазная рубинщина, стремившаяся законы капиталистического развития перенести на советское хозяйство, таковы контрреволюционные толкования буржуазными идеологами плана как прогноза, с тем чтобы подчинить его мелкобуржуазной стихии (Громан, Юровский и др.).

В своем письме к Ленину еще в марте 1921 г. т. Сталин по поводу плана ГОЭЛРО дал замечательную характеристику «плана» Троцкого, которая подтвердилась всем дальнейшим развитием троцкизма. Для троцкизма план был мертвой схемой. В планах субъективиста-индивидуалиста Троцкого и троцкистов отразилось все их ренегатство: от политики «сверхиндустриализации» и колониальной эксплуатации крестьянства троцкизм пришел к потухающей кривой и к защите кулака, смыкаясь с правыми, и превратился в передовой отряд международной контрреволюции. Троцкизм в своих «планах» отразил все неверие в победу социализма в СССР и всю свою теорию «перерождения».

Для правого оппортунизма план есть самотек и простая регистрация явлений, движение на поводу кулацких элементов и мелкобуржуазных хозяйств. Теория «трудовых затрат» и равновесия всех различных элементов вела правых оппортунистов к планам капиталистической стихийности в хозяйстве и к реставрации капитализма.

Борьба партии на два фронта — против контрреволюционного троцкизма и правого оппортунизма, против «левых» загибщиков; ее классовая бдительность в области социалистического планирования, ее генеральная линия привели СССР к тем победам нашего пятилетнего плана, которые разбили в прах все контрреволюционные попытки его врагов.

Значение планирования как одного из важнейших орудий для осуществления социализма доказано всей практикой нашего социалистического строительства, особенно результатами борьбы партии, пролетарской диктатуры, всего рабочего класса и колхозного крестьянства за выполнение пятилетки в 4 года.

* * *

Об огромном значении планирования в хозяйстве будущего социалистического общества говорили уже великие утописты начала XIX столетия, гениально предвосхитившие эту истину, которую Маркс научно обосновал глубоким изучением законов капиталистического общества.

Весь блестящий анализ противоречий производства в капиталисти-

ческом обществе, данный Марксом в его «К критике политической экономии», в «Капитале» и в других экономических трудах, приводит к выводу о плановости социалистического общества. Игре стихийных сил в капиталистическом обществе, где развитие производительных сил совершается под влиянием интересов частной капиталистической собственности, жажды наживы и конкуренции капиталистов. Маркс противопоставил сознательность и планомерность производственного процесса и отношений производства и распределения в социалистическом обществе. Это общество будет «союзом свободных людей, которые работают при помощи общих средств производства и сознательно затрачивают свои различные индивидуальные рабочие силы как одну общественную рабочую силу»².

Этот тезис представляет собой одно из центральных положений, из которого вытекает марксова теория планирования в социалистическом обществе и в пролетарском государстве.

В «Критике Готской программы» Маркс писал: «Внутри товарищеского общества, основанного на общественном владении средствами производства, производители не обменивают своих продуктов. Столь же мало выступает здесь труд, затраченный на производство продуктов, как стоимость этих продуктов, как некое присущее им вещественное свойство, потому что теперь в противоположность капиталистическому обществу индивидуальный труд существует как составная часть совокупного труда уже не каким-то окольным путем, а непосредственно»³.

Из этого непосредственного осуществления единства труда отдельного члена общества и совокупного труда всего общества и вытекает планомерность производственной и всей хозяйственной жизни социалистического общества. Из этого и вытекают возможность и необходимость планирования при социализме. Планирование при капитализме — абсурд, бессмысленная утопия, потому что при капитализме общественное производство расколото непримиримыми противоречиями.

Период революционного превращения капиталистического общества в коммунистическое есть период все большего торжества плановости. Но добиться ее можно только путем неослабной классовой борьбы пролетарской диктатуры, путем беспощадного подавления сопротивления ликвидируемых, бешено отстаивающих свое прежнее классовое положение остатков эксплуататорских господствовавших классов старого общества.

В «Капитале» Маркс прежде всего определяет исходную точку капиталистических противоречий:

«Первоначально товар предстал перед нами как нечто двойственное, как потребительная стоимость и меновая стоимость. Впоследствии обнаружилось, что и труд, поскольку он выражается в стоимости, уже не имеет тех признаков, которые принадлежат ему, как создателю потребительских стоимостей. Эта двойственная природа заключающегося в товаре труда впервые критически указана мною. Так как этот пункт является центральным, так как к нему тяготеет понимание политической экономии, то мы осветим его здесь более обстоятельно»⁴.

Эту двойственную природу труда, заключенного в товаре, как и все

² Маркс, Капитал, т. I, стр. 46; разрядка автора.

³ Маркс, Критика Готской программы, ИМЭЛ, 1932 г., стр. 25.

⁴ Маркс, Капитал, т. I, стр. 8; разрядка автора.

развивающиеся отсюда противоречия капитализма, Маркс открыл благодаря тому, что он гениально применил свою материалистическую диалектику к анализу экономического развития общества.

В двойственности труда, заключенного в товаре, отражается диалектика самого капиталистического развития, его самодвижение путем борьбы внутренних противоречий.

На этом зиждется весь товарный рынок и все развитие через него капиталистического хозяйства. Отсюда возникает необходимость единого товарного эквивалента — денег — выразителя стихийной борьбы этих общественных противоречий. Отсюда вытекает то, что в капиталистическом обществе сама рабочая сила превращается в товар и что производство прибавочной стоимости превращается в основной стимул, в движущую силу развития капиталистического общества. Характерным, специфическим свойством капиталистического общества является то, что производство прибавочной стоимости и отсюда самого капитала действует как стихийный и деспотический закон, из которого проистекают все противоречия, антагонизм и борьба при капитализме.

Раздвоение труда присуще определенной исторической ступени развития общества — товарному хозяйству. Его не было при натуральном хозяйстве. «В древнеиндийской общине труд общественно разделен, хотя продукты его не становятся товарами»⁵. Там труд направлен к непосредственному удовлетворению потребностей общины. В средневековом феодальном обществе труд также направлен к непосредственному удовлетворению потребностей самих крестьян-производителей и их эксплуататоров — феодалов, присваивающих прибавочный продукт.

При вступлении в социализм труд фигурирует как производитель полезных ценностей для удовлетворения производственных и потребительских запросов общества. Двойственность труда ликвидируется, труд выступает как труд общественно полезный, как труд, лишенный двойственного характера, как социалистический труд. Рабочее же время фигурирует как мерило участия работника в производстве и распределении благ. Общественным хозяйством управляет не стихийный закон стоимости, а диктатура пролетариата, осуществляющая сознательное планирование его, — создающая и осуществляющая план социалистического строительства, мобилизующая для этого активность миллионов рабочих и трудящихся масс, строителей социализма под руководством авангарда пролетариата — партии, — вот тот основной фактор, который определяет направление развития экономики переходного периода.

Диктатура пролетариата уничтожает двойственность труда, превращает труд в обществе в непосредственно обобществленный труд. Последний же предполагает плановое ведение хозяйства от самого производства до последнего момента распределения продуктов.

Таким образом социалистическое планирование в переходный период создается диктатурой пролетариата и базируется на совершенно новых производственных отношениях, в корне противоположных отношениям частной капиталистической собственности. Оно в свою

⁵ Маркс, Капитал, I т., стр. 8.

очередь эти новые социалистические отношения упрочивает и развивает. Вместе с этим и благодаря этому план содействует гигантскому росту производительных сил нового общественного строя. Поэтому марксистское понимание социалистического планирования основывается непосредственно на теории и практике социалистической революции, на теории и практике диктатуры пролетариата в особенности.

«Сама буржуазия не только выковала оружие, которое наносит ей (буржуазии — С. П.) смертельный удар, она также породила и людей, которые направят это орудие — современных рабочих, пролетариев»⁶.

«Характерной особенностью коммунизма является не уничтожение собственности вообще, а уничтожение собственности буржуазной»

Но современная буржуазная частная собственность есть последнее и самое полное выражение способа производства и присвоения продуктов, основанного на антагонизме классов, на эксплуатации одних другими.

В этом смысле коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности»⁷.

Собственность на средства производства должна стать общественной.

«В ее теперешнем виде собственность основывается на противоположности между капиталом и наемным трудом...

Капитал есть продукт общего труда и может быть приведен в движение лишь совместной деятельностью многих членов, в последнем счете — всех членов общества. Следовательно капитал есть не личная, а общественная сила.

Если поэтому капитал будет обращен в общую, всем членам принадлежащую собственность, то это не будет превращением личной собственности в общественную, изменится только общественный характер собственности, она потеряет свой классовый характер»⁸.

Этот переворот в отношениях собственности совершается в социалистической революции. Его осуществляет диктатура пролетариата. Последствием такого переворота является плановое руководство социалистическим хозяйством, осуществляемое диктатурой пролетариата.

Энгельс, отвечая на вопрос: «Что следует из этих регулярно повторяющихся торговых кризисов?», замечает: «Следовательно необходимо либо упразднить крупную промышленность, что абсолютно невозможно, или же создать совершенно новую организацию общества, в которой промышленным производством будут руководить не конкурирующие между собой фабриканты, а все общество по определенному плану и соответственно потребностям всех граждан»⁹.

Крупная промышленность с возможностью бесконечного расширения производства позволяет создать такой общественный строй, в котором колоссально возрастет богатство необходимых продуктов и членам общества будет предоставлена возможность свободно развиваться. Плановая социалистическая организация, обеспечив беспредельный рост производства, уничтожит бедствия и колебания капиталистической промышленности.

⁶ Маркс и Энгельс, Коммунистический манифест, стр. 27.

⁷ Там же, стр. 34.

⁸ Там же, стр. 35.

⁹ Маркс и Энгельс, т. V, стр. 472.

На вопрос: «Каков должен быть этот новый общественный строй?», Энгельс отвечает: «Прежде всего управление промышленностью и другими отраслями производства будет отнято у отдельных индивидов, конкурирующих друг с другом. Вместо этого все отрасли производства будут находиться в управлении всего общества в его целом, т. е. будут вестись за общественный счет, по общему плану и при участии всех членов общества»¹⁰.

Наконец, отвечая на вопрос: «Каковы будут последствия окончательного устранения частной собственности?», Энгельс подтверждает свою прежнюю мысль: «Тем, что общество отнимет у частных капиталистов пользование всеми средствами производства и транспорта, а также обмен и распределение продуктов, тем, что оно будет распоряжаться всем этим сообразно плану, приуроченному к размерам этих средств и потребностям всего общества, будут прежде всего устранены все пагубные последствия, связанные ныне с существованием крупной промышленности»¹¹.

На этой почве исчезнет перепроизводство, будет возрастать удовлетворение потребностей членов общества, будут расти эти потребности, будет шириться производственная мощь, будет уничтожено классовое деление общества.

«Общественное управление производством» потребует новых людей со всесторонним развитием их способностей.

«Промышленность, управляемая всем обществом планомерно и в общественном интересе, нуждается в людях со всесторонне развитыми способностями, в людях, способных ориентироваться во всей системе производства»¹².

Этот переворот всех имущественных отношений пролетариат может произвести лишь при помощи своей диктатуры.

Только диктатура пролетариата может обобществить средства производства, осуществить переворот, при котором отношения собственности потеряют свой классовый характер и развитие общества примет не стихийный, а плановый характер. Совершенно очевидно и неоспоримо, что этот революционный переворот, закрепление и завершение его результатов, развитие новых, социалистических отношений общества коренятся в основном, определяющем моменте общественного развития — в развитии производительных сил общества.

Марксова теория диктатуры пролетариата и пролетарской революции показывает пути развития переходной экономики, а следовательно и социалистического планирования.

В величайшей революции, в революции пролетарской, развитие производительных сил, но уже не стихийное, а плановое играет решающую роль для торжества революции и победы социализма. Ленин и Сталин это блестяще доказали, а опыт строительства социализма в восстановительный и особенно в реконструктивный период в течение уже первой пятилетки СССР это неопровержимо подтвердил. Но и Энгельс писал об этом. Например еще в 1852 г. в статье «Перспективы войны Франции против священного союза» мы находим такое замечание:

«Действительное освобождение пролетариата, полное устранение

¹⁰ Маркс и Энгельс, т. V, стр. 472.

¹¹ Там же, стр. 477.

¹² Там же, стр. 476.

всех классовых отличий, полное обобществление всех средств производства в Германии и Франции предполагают содействие Англии и по крайней мере удвоение имеющихся в наличии в Франции и Германии средств производства» (см. стр. 40).

Базируясь на исторической теории развития производительных сил общества, основоположники научного социализма и выводили необходимость перехода от предыстории человеческого общества к его доподлинной истории, перехода «из царства животных и животных условий существования в условия действительно человеческие», «скачка человечества из царства необходимости в царство свободы»¹³, т. е. коммунистической революции.

Этот скачок не совершается стихийно и самотеком, он осуществляется путем сознательного руководства пролетарской диктатуры всем историческим переворотом, всем строительством социализма. Пример СССР это неопровержимо доказал.

Став господами своих собственных общественных отношений, люди станут сознательными повелителями природы.

«Общественный строй, до сих пор являющийся людям как бы дарованным свыше природой и историей, будет тогда их собственным, свободным делом. Объективные внешние силы, господствовавшие над историей, поступят под контроль человека. И только тогда люди начнут вполне сознательно сами создавать свою историю»¹⁴. Приводимые ими в движение силы дадут максимум желаемого действия для намеченных целей. Но одним из условий этого служит планомерность производства. Энгельс многократно подчеркивает это. Он говорит о замене общественной анархии в производстве «общественным производством, организованным по плану, который рассчитан на удовлетворение потребностей как целого общества, так и каждого его члена». Он указывает на то, что при обобществлении средств производства «общественный характер средств производства и его продуктов... превратится из причины неурядицы и периодических катастроф в сильнейший рычаг производства», «анархия общественного производства заменится организацией его по заранее обдуманному плану».

Замечательным выражением ясности научной мысли в отношении будущего переворота и связи социалистического планирования со всеми условиями этого переворота является заключительный абзац «Развития социализма...» Энгельса. После характеристики средневекового общества и капиталистической революции он переходит к революции пролетариата. «Разрешение противоречия: пролетариат овладевает общественной властью и обращает с помощью этой власти отнятые у буржуазии общественные средства производства в общественную собственность. Этим он освобождает производительные силы от их современного капиталистического свойства и дает полную свободу развития их общественному характеру. Таким образом становится возможным общественное производство по заранее обдуманному плану. Развитие производства делает анахронизмом существование различных классов... Люди, ставшие наконец господами своих общественных отношений, становятся вследствие этого господами природы и самих себя, т. е. достигают свободы»¹⁵.

¹³ Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке, стр. 78.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, стр. 80.

При первой же возможности Маркс и Энгельс стремились применить свои взгляды на практике, в действии. Как только в 1871 г. в Париже произошла первая великая историческая попытка рабочего класса взять в свои руки власть, организовав правительство рабочего класса, Маркс немедленно указал на одну из важнейших задач нового государства — коммуны, этого прототипа советской формы пролетарской диктатуры, на задачу плановой организации производительных сил пролетарского государства.

Одной из тех «немногих, но важных функций», которые оставались у центрального правительства Коммуны, ставшего не паразитом, как было при буржуазии, а действительным организатором народного единства, являлась функция социально-хозяйственного планирования.

«А если кооперативное производство, — писал Маркс, указывая на буржуазных апостолов кооперативного производства, — не звук пустой и не обман, если оно должно вытеснить капиталистическую систему, если ассоциации организуют национальное производство по общему плану, возьмут его в свое заведывание и этим прекратят постоянную анархию и периодические конвульсии, неизбежные при капиталистическом производстве, не будет это, спрашиваем мы вас, милостивые государи, коммунизмом, «возможным» коммунизмом?»¹⁶. Так приветствовал Маркс великую историческую инициативу парижского пролетариата создать плановую организацию народного хозяйства.

В своих социально-экономических работах творцы научного социализма заложили теоретические основы планирования социалистического хозяйства. Эти основы, как мы видим, вытекают из всего учения марксизма, их нельзя оторвать от него, и, для того чтобы овладеть ими, необходимо овладеть теорией научного социализма в целом.

Ленин, а за ним Сталин в новую эпоху продолжили и подняли на огромную теоретическую высоту марксистскую науку планирования и вместе с тем практически применили ее в социалистическом строительстве первого пролетарского государства.

На каждом новом историческом этапе революционного развития пролетариата Ленин умел ставить по-новому, конкретно и теоретически и практически задачу социалистического планирования.

В брошюре «Грозящая катастрофа и как с нею бороться» (сентябрь 1917 г.) Ленин ставил и конкретно разрешал вопрос о задачах пролетариата в условиях перерастания буржуазно-демократической революции в революцию пролетарскую, социалистическую.

«Можно ли идти вперед, боясь идти к социализму?» — так сформулировал Ленин основное содержание этого революционного процесса: Приведя меньшевистско-эсеровское возражение против революционной программы большевиков, сводившейся к тому, что «большинство описываемых здесь мер в сущности не демократические, а уже социалистические меры», Ленин жестоко высмеивал эту трусость буржуазного пескаря:

«Дескать, мы не созрели для социализма, рано «вводить» социализм: наша революция буржуазная, поэтому надо быть в холбах у буржуазии»¹⁷.

¹⁶ М а р к с, Гражданская война во Франции, изд. 1-е, под ред. Н. Ленина, стр. 4; разрядка авт. ра.

¹⁷ Л е н и н, т. XIV, ч. 2, изд. 1-е, стр. 207.

И он доказал всю необходимость для революции идти к социализму. Этого не могли понять только те пошляки и реакционеры, которые не понимали, «что такое империалистические монополии? Что такое государство? Что такое революционная демократия?». Действительный революционный демократ, а не изменник революции, не может не бороться против буржуазного государства — этой организации господствующего класса помещиков и капиталистов, за полный демократизм, за превращение капиталистической монополии в организацию, служащую на пользу всему народу. А обратить государственно-капиталистическую монополию на пользу всему народу при революционно-демократическом государстве, т. е. при власти вооруженных рабочих и крестьян, — это и значит «вводить» социализм.

Диалектика истории, ускорившая путем империалистической войны превращение монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, «тем самым необычайно приблизила человечество к социализму». Она чрезвычайно ускорила процесс перерастания, приведший от буржуазно-демократической Февральской революции к Октябрьской социалистической революции. «Империалистическая война есть канун социалистической революции», так как «государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет».

В чем же заключался этот подход к социализму?

«А социализм теперь смотрит на нас через все окна современного капитализма, — писал Ленин, — социализм вырисовывается непосредственно, практически, из каждой крупной меры, составляющей шаг вперед на базе этого новейшего капитализма.

Что такое всеобщая трудовая повинность? Это шаг вперед на базе новейшего монополистического капитализма, шаг к регулированию экономической жизни в целом по известному общему плану (разрядка автора—С. П.), шаг к сбережению народного труда, к предотвращению бессмысленной растраты его капитализмом»¹⁸.

Разумеется, такая всеобщая трудовая повинность может быть громадным шагом к социализму, к плановому, социалистическому хозяйству только в революционном государстве с советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов во главе. В капиталистическом государстве она есть каторга для рабочих.

В другой замечательной брошюре «Удержат ли большевики государственную власть» (конец октября 1917 г.) Ленин демонстрирует принцип перехода к социализму — к плановому хозяйствованию в революционном пролетарском государстве, уже в прямом смысле этого слова, в связи с рабочим контролем и учетом, без которых плановость невозможна.

«Если речь идет о пролетарском государстве, — писал он, — т. е. о диктатуре пролетариата, то рабочий контроль может стать всенародным, всеобъемлющим, вездесущим, точнейшим и добросовестнейшим учетом государства». Почву для этого создают банки, которые являются великолепным аппаратом учета. «Без крупных банков социализм был бы неосуществим»

¹⁸ Ленин, т. XIV, ч. 2, изд. 1-е, стр. 209.

«Крупные банки, — писал Ленин, — есть тот «государственный аппарат», который нам нужен для осуществления социализма и который мы берем готовым у капитализма, причем нашей задачей является здесь лишь отсечь то, что капиталистически уродует этот превосходный аппарат, сделать его еще крупнее, еще демократичнее, еще всеобъемлющее».

И в дальнейшем, особенно в восстановительный период советского хозяйства, банки оказались одним из наиболее действительных и мощных орудий общегосударственного счетоводства, учета, контроля и планового регулирования всего хозяйства.

В «Государстве и революции» Ленин сравнивает социалистическое хозяйство с современным государственным хозяйством почты. «Механизм общественного хозяйничания здесь уже готов», все — «высоко технически оборудованный механизм», подготовленный капитализмом, нужно освободить от «паразита», от буржуазного государства, от буржуазной бюрократии, от капиталистической эксплуатации, голода и нищеты масс. Свергнуть эксплуататоров, беспощадно разбить их сопротивление, сломать бюрократическую машину буржуазного государства, заменив власть буржуазии властью вооруженных рабочих, затем привлечь к работе техников, бухгалтеров и пустить в действие уже подготовленные капитализмом фабрики, банки, тресты, почту, железные дороги, телефонную связь и пр. — такова ближайшая конкретная, практическая задача пролетариата в строительстве своего государства, планового хозяйства. Первый опыт этого строительства проделала Парижская коммуна. Развернуть его, пойти на этой основе гораздо дальше, довести дело до полной победы социализма — такова всемирно-историческая задача, которую Ленин ставил перед пролетарской революцией в нашей стране и затем в других странах.

Ленин высказывался в том смысле, что диктатура пролетариата, проведя революционную ломку и переделку всего госаппарата (осуществив контроль и руководство вооруженного пролетариата, установив жалованье служащим не выше «заработной платы рабочему и пр.»), может направлять «все народное хозяйство, организованное, как почта».

«Один остроумный немецкий социал-демократ 70-х годов прошлого века назвал почту образцом социалистического хозяйства, — писал Ленин. — Это очень верно. Теперь почта есть хозяйство, организованное по типу государственно-капиталистической монополии. Империализм постепенно превращает все тресты в организации подобного рода»¹⁹.

Но, создавая эти тресты, империализм не только не способен «организовать» капиталистическое хозяйство, как о том кричат социалфашистские обманщики, а за ними и правые оппортунисты, но, напротив, доводит капиталистическую анархию, кризисы и развал до высшего предела. Лишь социалистический пролетариат и пролетарская диктатура, отняв у буржуазии подготовленные капитализмом организации (тресты и прочие типы организации) и радикально переделав их в своих социалистических интересах, могут подчинить их своему действительно организованному руководству, установить доподлинную плановость.

Октябрьская революция, впервые в истории доведя до конца задачи

¹⁹ Ленин, т. XIV, ч. 2, стр. 336—337.

низвержения буржуазии и установления пролетарской диктатуры, совершив экспроприацию буржуазии и национализацию земли, промышленности, банков, транспорта и пр., тем самым заложила основу для планового социалистического хозяйства.

В «Очередных задачах советской власти» (апрель 1918 г.) Ленин писал:

«Благодаря достигнутому миру, — несмотря на всю его тяжесть и всю непрочность, — Российская советская республика получает возможность на известное время сосредоточить свои силы на важнейшей и труднейшей стороне социалистической революции, именно на задаче организационной»²⁰.

Ленин мобилизует силы партии и рабочего класса на задаче создания той сложной организации нового, социалистического хозяйства, которое делает производство и распределение продуктов не стихийным, а сознательным и планомерным. В буржуазных революциях имущее меньшинство захватывало себе плоды тяжелой борьбы масс и организовывало свое буржуазное общество. Но «основной организующей силой анархически построенного капиталистического общества является стихийно растущий вширь и вглубь рынок, национальный и интернациональный». Характерной чертой пролетарской революции является то, что в ней все более и более сознательное участие принимает большинство трудящихся во главе с пролетариатом, что в ней руководит сознательная сила — коммунистическая партия — и что хозяйственный рост и все общественное развитие в ней совершается все более и более планомерно, а не анархически.

«Напротив, главной задачей пролетариата и руководимого им беднейшего крестьянства во всякой социалистической революции, а следовательно и в начатой нами 25 октября 1917 г. социалистической революции в России, является положительная или созидательная работа налажения чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей»²¹. На этом зиждется труднейшая задача обобществления всего не только крупного, но и мелкого производства и поднятия производительности труда. И вновь Ленин возвращается к планированию через учет и контроль. «Главная трудность, — продолжал свою мысль Ленин, — лежит в экономической области: осуществить строжайший и повсеместный учет и контроль производства и распределения продуктов, повысить производительность труда, обобществить производство на деле»²².

С такой необыкновенной ясностью были поставлены Лениным основные экономические задачи социалистического переустройства нашей Советской республики, задачи, разрешение которых легло в основу всего дальнейшего строительства планового социалистического общества. Однако начатое тогда же партией осуществление этих задач было почти на 3 года замедлено обострившимся нападением империалистов и разгоревшейся гражданской войной. Но лишь только партия и пролетарская диктатура под ленинским руководством разбила армии интервентов, Ленин снова во весь рост поставил эти задачи. Восстанавливая во время нэпа разрушенное войной советское

²⁰ Ленин, т. XV, изд. 1-е, стр. 179.

²¹ Там же, стр. 180.

²² Там же, стр. 181.

хозяйство, Ленин никогда не забывал основного руководящего принципа, по которому должна строиться советская экономика, — принципа планирования. Он выдвинул идею создания Госплана (государственная плановая комиссия) и указал очередное важнейшее звено социалистического строительства — электрификацию СССР. На этой реальной базе электрификации и индустриализации он строил планирование, плановое развертывание промышленности и затем всего (сельское хозяйство, транспорт и пр.) хозяйства СССР.

Таким образом ленинское гениальное учение об электрификации неразрывно связано с его учением о планировании хозяйства в пролетарском государстве. Изумительные, вдохновенные страницы, посвященные Лениным электрификации, по сути дела посвящены им плановому строительству социалистического хозяйства СССР и всего мира.

«План электрификации» страны стал с 1920 г. любимым боевым лозунгом Ленина и обычным термином в его произведениях. На плане электрификации он строил план технического перевооружения, экономического переворота и социалистического переустройства всего народного хозяйства и всех общественных отношений СССР и не только СССР, но и целого ряда других стран.

Замечательные мысли об едином плане электрификации ряда европейских стран, о значении его при победе международной пролетарской революции и о задаче его пропаганды мы находим в статье Ленина от 11 декабря 1921 г. «О тезисах по аграрному вопросу французской коммунистической партии»:

Говоря о правильности предложения ЦК французской компартии о необходимости повышения с.-х. производства, Ленин добавляет:

«Мне казалось бы только, что не следует оставаться в пределах вполне обычного для капиталистической техники, что следовало бы сделать шаг дальше. Следовало бы сказать несколько слов о необходимости планомерной и полной электрификации всей Франции (разрядка автора — С. П.), о безусловной невозможности провести эту работу в пользу рабочих и крестьян без свержения власти буржуазии, без завоевания власти пролетариатом».

Вот как четко и ярко проводил Ленин связь социалистического плана электрификации с свержением буржуазии и установлением пролетарской диктатуры.

Указывая дальше на то, что техническая подготовка вопроса об электрификации значительно продвинулась во Франции и что мы «в работе о плане электрификации России» использовали эти данные, Ленин доказывал необходимость единого плана электрификации всей страны при пролетарской диктатуре.

«Крайне важно, по моему мнению, — писал он, — с теоретической и с практически-агитационной точки зрения сказать в тезисах (и вообще побольше говорить в коммунистической литературе) о том, что современная передовая техника настоятельно требует электрификации всей страны и ряда соседних стран по одному плану... что, пока остается капитализм и частная собственность на средства производства, электрификация целой страны и ряда стран, во-первых, не может быть быстрой и планомерной (разрядка автора — С. П.), во-вторых, не может быть произведена в пользу рабочих и крестьян».

При капитализме электрификация лишь усилила бы гнет финансо-

вого капитала над рабочими и крестьянами, их ограбление. «При победе пролетариата во Франции от электрификации, произведенной планомерно и не считаясь с частной собственностью крупных землевладельцев, гигантски выиграет особенно мелкое крестьянство».

Планирование социалистического развития хозяйства СССР приняло для Ленина в восстановительный период совершенно конкретный характер в связи с планом электрификации, подготовлявшим построение фундамента социалистической экономики. План ГОЭЛРО — вот тот отправной пункт, из которого исходил Ленин.

В докладе о продовольственном налоге на Всероссийской конференции РКП(б) 26 мая 1921 г. Ленин говорил об «определенном, совершенно точно рассчитанном, конкретном плане электрификации», который учитывает все ресурсы и природные особенности России и подводит базу под восстановление крупной промышленности, оставляя позади неопределенные и отвлеченные формы этого восстановления. Подчеркивая эту роль электрификации для крупной промышленности, он говорил: «Без этого ни о каком действительно социалистическом фундаменте нашей экономической жизни не может быть и речи»²³.

Между прочим нельзя забывать, что к вопросу о плане электрификации Ленин подошел не только в 1920 г., а гораздо раньше. Еще в апреле 1918 г. в «Наброске плана научно-технических работ» Ленин, обращаясь к Академии наук, рекомендовал ей систематическое изучение естественных производительных сил России и работу «для возможно быстрого составления плана реорганизации промышленности и экономического подъема России». В этот план должны были включиться моменты, которые теперь входят как составные части в работу Госплана: «рациональное размещение промышленности в России» в отношении сырья и его разработки, рациональная концентрация производства, обеспечение в стране «возможности самостоятельно снабдить себя всеми главными видами сырья и промышленности» и наконец электрификация.

Об электрификации Ленин писал так: «Обращение особого внимания на электрификацию промышленности и транспорта и применение электричества к земледелию; использование непервоклассных сортов топлива (торф, уголь не лучших сортов) для получения электрической энергии с наименьшими затратами на добычу и перевоз горючего.

Водные силы и ветряные двигатели вообще и в применении к земледелию».

Так высказывался Ленин еще в начале 1918 г., намечая очередные задачи социалистического развития нашего хозяйства. К началу же 1920 г., несмотря на бурю гражданской войны, Ленин выработал ясный план электрификации. В письме к Г. М. Кржижановскому от 23 января 1920 г. он между прочим писал:

«Нельзя ли добавить план не технический (это конечно дело многих и не скоропалительное), а политический или государственный, т. е. задание пролетариату?»

Он требует такого плана, чтобы в 5—10 лет построить 20—30 (может быть и 50) станций на таких-то энергетических ресурсах, с таким-то количеством киловатт, чтобы увлечь массу ясной и простой, но научной перспективой: «за работу-же и в 10—20 лет мы Россию всю, и промышленную и земледельческую, сделаем «электрической».

«Увлечь массу рабочих и сознательных крестьян великой

²³ Ленин, т. XXVI, стр. 390—391.

программой на 10—20 лет», наметить электрификацию «с перспективами, способными централизовать энергию всей страны», электрифицировать железные дороги, во всяком случае хотя бы на Урале, и т. д. — таковы замечательные основы перспективного плана.

К созданию плана электрификации страны и восстановления ее промышленности, порученному специальной комиссией ученых, Ленин в 1920 г. возвращается неоднократно.

Этот план постоянно занимает Владимира Ильича, на нем основывает он дальнейшее великое творчество и строительство пролетарской революции. 6 ноября 1920 г. он пишет Г. М. Кржижановскому: «Чего стоят все «планы» (и все «плановые комиссии» и «плановые программы») без плана электрификации? Ничего не стоят».

Наконец работа комиссии ГОЭЛРО окончена, план готов. На московской конференции (20 ноября 1920 г.) и на VIII съезде советов (22 декабря 1920 г.) Ленин возвещает об этом. Он опирается на твердые расчеты и данные: при помощи электрификации поднять и реорганизовать основу социалистического строительства и коммунизма — крупную машинную промышленность, в срок не менее 10 лет создать 30 районных электростанций, ассигновать на это 1—1,2 млрд. руб. золотом. Ленин извещает партию, что готовы планы реорганизации всех районов. Таковы замечательные результаты научно-плановой работы. Опираясь на них, Ленин бросает гениальные лозунги: «коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны»; «план электрификации — это наша вторая программа партии»; «базой современной крупной промышленности является только электричество»; «если Россия покроется густой сетью электрических станций и мощных технических оборудований, то наше коммунистическое хозяйственное строительство станет образцом для грядущей социалистической Европы и Азии».

Великая идея Ленина — электрификация всей социалистической страны — является важнейшим звеном в его системе планирования социалистического строительства.

Недаром же в «Проекте резолюции фракции РКП(б) VIII съезда советов» Ленин требовал:

«Обязать всех членов РКП к X съезду РКП (6 февраля 1921 г.):

1) ознакомиться в максимально доступной им степени с планом электрификации;

2) принять меры к возможно более широкому и детальному изучению на местах каждого районного плана;

3) подготовить к X съезду РКП практические предложения как о способах более широкого ознакомления всех трудящихся с планом электрификации, так и о способах немедленного приступа со всех концов к началу практического осуществления этого плана».

В дальнейшем Ленин не устает говорить об «едином хозяйственном плане», о значении плана ГОЭЛРО, о «плане электрификации РСФСР», разъяснять его конкретное содержание и методы его практического осуществления. Он пишет в 1922 г. предисловие к книге И. Степанова «Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства». Он приветствует VIII съезд электротехников, говоря им об их великой миссии выполнения этого плана. Наконец уже в 1923 г. в статье «Лучше меньше, да лучше» он поднимает партию и пролетариат на дело — пересест с мелкокрестьянской лошади «на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т. д.».

Но Ленин никогда не ограничивается общими директивами; он учит, как конкретно их преломлять в работе. Он учит наших плановых работников (например письмо Г. М. Кржижановскому в апреле 1921 г.) не заниматься постоянными разговорами о плане электрификации, а перейти уже к «текущим хозяйственным планам», в конкретные, практические задачи «ткнуть их носом».

Таковы ленинские установки планирования. К ним необходимо добавить, что Ленин никогда не отрывал вопроса о планировании от оперативных задач строительства, от рационализации нашей работы, от умения управлять производством, от научной организации производства и госаппарата. Эти задачи он со всей силой осветил в своих последних статьях о Рабкрине, подчеркнув их связь с впервые в истории завоеванной нами возможностью так планировать, чтобы «устанавливать сроки, необходимые для производства конкретных социальных изменений».

Ленинское понимание плана и его осуществления прекрасно выражено в его докладе на VIII съезде советов, когда он во весь рост поставил перед партией, советской властью и рабочим классом осуществленную теперь нами программу великих работ.

«Надо добиться, — говорил он, — чтобы все поняли, что нам принадлежит Россия, что мы, рабочие и крестьянские массы, своей деятельностью, своей строгой трудовой дисциплиной, только мы можем пересоздать старые экономические условия существования и провести в жизнь великий хозяйственный план»²⁴. Развитие нашего хозяйства для Ленина создавало силу нашей обороны против империалистов. Мы должны не отставать от них, а перегнать их. И при переходе от военных задач к хозяйственным он вновь и вновь напоминает о важности организационных задач, о трудовой дисциплине, о значении профсоюзов.

Трудно исчерпать все богатство ленинского учения о социалистическом планировании, продвинувшего далеко вперед позиции пролетарского руководства социалистической революцией и вошедшего органически во всю теорию марксизма-ленинизма.

Так же как Ленин еще при жизни Энгельса стал продолжателем дела Маркса и Энгельса, так продолжателем дела Ленина на новой стадии пролетарской революции стал т. Сталин. Уже в своем замечательном письме к Ленину о плане электрификации в марте 1921 г. т. Сталин выдвинул ряд важнейших положений о социалистическом планировании, охарактеризовав оппортунистические его искажения троцкистами и правыми.

Он писал о плане электрификации ГОЭЛРО:

«Превосходная, хорошо составленная книга. Мастерской набросок действительно единого и действительно государственного плана без кавычек. Единственная в наше время марксистская попытка подведения под советскую надстройку хозяйственно-отсталой России действительно реальной и единственно возможной при нынешних условиях технико-производственной базы. Помните прошлогодний «план» Троцкого (его тезисы) «хозяйственного возрождения» России на основе массового применения к обломкам довоенной промышленности труда неквалифицированной крестьянско-рабочей массы

²⁴ Ленин, т. XXVI, стр. 34.

(«трудармии»). Какое убожество, какая отсталость в сравнении с планом ГОЭЛРО! Средневековый кустарь, возомнивший себя ибсеновским героем, призванным спасти «Россию сагой старинной»... А чего стоят десятки «единых планов», появляющихся то и дело в нашей печати на позор нам, — детский лепет приговоришек... или еще: обывательский «реализм» (на самом деле маниловщина) Рыкова, все еще «критикующего» ГОЭЛРО и по уши погрязшего в рутине...

Мое мнение:

1. Не терять больше ни одной минуты на болтовню о плахе.
2. Начать немедленно практический приступ к делу.
3. Интересам этого приступа подчинить по крайней мере $\frac{1}{3}$ нашей работы ($\frac{2}{3}$ уйдет на «текущие» нужды) по завозу материалов и людей, восстановлению предприятий, распределению рабочей силы, доставке продовольствия, организации баз снабжения и самого снабжения и пр.
4. Так как у работников ГОЭЛРО при всех хороших качествах все же нехватает здорового практицизма (чувствуется в статьях профессорская импотентность), то обязательно влить в «плановую комиссию» к ним людей живой практики, действующих по принципу «исполнение донести», «выполнить к сроку» и пр.
5. Обязать «Правду», «Известия», особенно «Экономическую жизнь», заняться популяризацией «плана электрификации» как в основном, так и в конкретностях, касающихся отдельных областей, памятуя, что существует только один «единый хозяйственный план», — это «план электрификации», что все остальные «планы» — одна болтовня, пустая и вредная.

Ваш С т а л и н».

Март 1921 г.

Здесь блестяще суммировано и подытожено все значение электрификации для социалистического планирования в период восстановления советского хозяйства.

Но к этой установке, непосредственно базирующейся на ленинских положениях о плане электрификации, т. Сталин добавил в период социалистической реконструкции и социалистического наступления блестящие плановые указания, плановое руководство индустриализацией страны, коллективизацией ее сельского хозяйства, ликвидацией на базе сплошной коллективизации кулачества как класса, разработкой и осуществлением в 4 года нашей первой пятилетки, директивой к составлению плана 1933 г. и второй пятилетки и т. д.

Огромное значение сталинской разработки самой теории социалистического планирования и его практического руководства им заключается в том, что оно непосредственно связано с разработанным Лениным и развитым Сталиным учением о победе социализма в одной стране. Исходя из всей теории марксизма-ленинизма и основываясь на законе неравномерности развития капитализма, Ленин еще в 1915 г. доказал возможность победы социализма в одной стране, разоблачив меньшевистский оппортунизм и неверие Троцкого. Это ленинское учение тесным образом связано с его учением о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. Ленин доказал, что Россия имеет достаточно внутренних сил для победы социализма, и призвал к Октябрьской революции, к взятию и удержанию

большевиками власти После Октября он практически доказал победоносность пролетарской диктатуры и в 1922 г. провозгласил, что «из России нэповской будет Россия социалистическая».

Тов. Сталин в непримиримой борьбе на два фронта защитил учение о победе социализма в одной стране от контрреволюционного троцкизма и правого оппортунизма. Он указал линию классовой борьбы пролетариата СССР и его партии за победу социализма, ее основные этапы, связал в единый гениальный комплекс все узловые вопросы пролетарской революции и социалистической переделки нашей страны, темпы ее индустриализации, социалистическую реконструкцию всего ее хозяйства, коллективизацию ее сельского хозяйства, ликвидацию кулачества как класса, оборону от империалистов, превращение из аграрной, отсталой страны в технически и экономически передовую, ее культурную революцию и т. д. Он насытил это учение конкретным содержанием социалистического строительства и поднял дело партийного руководства этим строительством на высшую ступень. Он сам неустанно руководит этим строительством. Он доказал, что победа социализма в СССР уже обеспечена, и указал путь построения социалистического общества во вторую пятилетку.

Всем этим т. Сталин неопровержимо обосновал теорию и практику победоносного строительства социализма в СССР. Под социалистическое планирование в СССР он подвел таким образом мощный теоретический и практический фундамент.

Стоит лишь взять его замечательный доклад на XV съезде партии, например раздел «Успехи социалистического строительства и внутреннее положение СССР», чтобы видеть, как глубоко здесь понимание социалистической сущности нашего государства, его преимуществ, основанных на его плановой организованности, и его задач в плано-вом построении социалистического общества. Здесь ярко оттенена роль планирующих органов и даны основные контуры первого пятилетнего плана.

«Небывалый темп развития нашей социалистической промышленности, — говорил т. Сталин, — есть прямое и несомненное доказательство превосходства советской системы производства перед системой капиталистической.

Задача партии, — продолжал он, — закрепить достигнутый темп развития социалистической промышленности и усилить его в ближайшем будущем на предмет создания благоприятных условий, необходимых для того, чтобы догнать и перегнать передовые капиталистические страны»²⁵.

В своем докладе на XV съезде партии т. Сталин дал замечательный анализ планового характера нашего хозяйства и его кардинального отличия от хозяйства капиталистического.

Вот эта характеристика:

«Уже тот факт, что мы решились поставить на этом съезде вопрос о пятилетнем плане хозяйственного строительства, уже этот факт говорит о том, что партия продвинулась далеко вперед в деле планового руководства нашим хозяйственным строительством как на местах, так и в центре. Иные думают, что тут нет ничего особенного

²⁵ Сталин, Основы ленинизма, изд. 1929 г., стр. 413.

Нет, товарищи, это есть нечто особенное и важное, которое должно быть отмечено. Ссылаются иногда на американские, на германские хозяйственные органы, которые будто бы также в плановом порядке руководят народным хозяйством. Нет, товарищи. Этого еще не добились и не добьются там, пока существуют капиталистические порядки. Чтобы руководить в плановом порядке, надо иметь другую, социалистическую, а не капиталистическую систему промышленности. Надо иметь по крайней мере национализированную промышленность, национализированную кредитную систему, национализированную землю, социалистическую смычку с деревней, власть рабочего класса в стране и т. п. Правда, у них тоже имеется нечто вроде планов. Но это есть планы-прогнозы, планы-догадки, которые ни для кого не обязательны и на основе которых невозможно руководить хозяйством страны. Не то у нас. Наши планы есть не планы-прогнозы, не планы-догадки, а планы-директивы, которые обязательны для руководящих органов и которые определяют направление нашего хозяйственного развития в будущем в масштабе всей страны. Вы видите, что мы имеем здесь принципиальную разницу. Вот почему я говорю, что даже простой факт постановки на съезде вопроса о пятилетнем плане хозяйственного развития, даже этот факт является признаком повышения нашей плановой руководящей работы»²⁶.

На XVI съезде партии, подытоживая хозяйственный подъем и решающие успехи СССР и в то же время кризис и поражение за поражением в области хозяйственного развития капиталистических стран, т. Сталин дал исчерпывающий анализ причин этого развития.

«Причина — в различии экономических систем у нас и у капиталистов.

Причина — в несостоятельности капиталистической системы хозяйства.

Причина — в преимуществах советской системы хозяйства перед системой капиталистической»²⁷.

Анализируя суть различий хозяйственного положения при власти буржуазии и при диктатуре пролетариата, т. Сталин как на один из важнейших моментов указывает, что у нас «развитие производства подчинено не принципу конкуренции и обеспечения капиталистической прибыли, а принцип у планового руководства и систематического подъема материального и культурного уровня трудящихся».

В шести условиях т. Сталина дан образец того, каким образом нужно вести производство, руководить по-новому в новой обстановке, чтобы преодолеть трудности нашего роста.

Наконец образцом планирования являются директивы XVII партконференции, наметившей во всех областях хозяйства основные задачи второго пятилетнего плана — плана построения бесклассового, социалистического общества.

Здесь на деле осуществляется указание Ленина о планировании нами сроков решающих социальных преобразований, и тем самым во весь рост оттеняются значение и задача планирования.

В постановлениях XVII партконференции мы читаем:

«...Поэтому XVII конференция ВКП(б) считает, что основной и решающей хозяйственной задачей второй пятилетки является завершение реконструкции народ-

²⁶ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 430.

²⁷ «Стенографический отчет XVI съезда партии», стр. 72.

ного хозяйства, создание новейшей технической базы для всех отраслей народного хозяйства».

Конференция дает конкретные указания, как это сделать, и ставит четкие количественные и качественные задания, выполнение которых приведет к осуществлению задач, поставленных конференцией.

Если социалистическое планирование могло подняться на такую научную высоту, то оно могло достичь этого прежде всего благодаря партии, диктатуре пролетариата, неисчерпаемой глубине и богатству марксо-ленинской теории, из которой вырастает учение о социалистическом планировании.

На январском пленуме ЦК и ЦКК, особенно в докладе и выступлении т. Сталина, а также в постановлениях еще более глубоко раскрыто значение и задачи социалистического планирования для экономики нашей страны.

Весь доклад т. Сталина, как и весь первый вопрос пленума, посвящен итогам первого пятилетнего плана.

Если, как говорил т. Сталин еще на XV съезде, самая постановка вопроса о пятилетнем плане хозяйственного строительства имела особую важность, то какое же значение должны иметь итоги выполнения этого плана в 4 года! И какие итоги! Такие итоги, которые вселяют огромное чувство бодрости, подъема, уверенности в победе и величайший энтузиазм в деле строительства социализма не только пленуму, не только всей нашей большевистской партии, пролетариату, колхозному крестьянству и всем трудящимся строителям социализма в СССР, но и всему революционному международному пролетариату.

Недаром вождь партии начал свой доклад именно с международного значения пятилетки.

Пятилетка стала фактором неизмеримого значения, гигантского влияния на весь капиталистический мир. Она произвела в нем водораздел, раскол «людей на два лагеря — лагерь сторонников пролетарской революции и лагерь ее противников». Здесь подтвердились слова Ленина о великом воздействии нашего хозяйственного строительства на международную революцию. Каждый наш шаг подтверждал правильность ленинских слов.

«Но самое блестящее подтверждение правильности слов Ленина дал пятилетний план нашего строительства, возникновение этого плана, его развитие, его осуществление, — говорит т. Сталин. — В самом деле, кажется ни один шаг по пути хозяйственного строительства в нашей стране не встречал такого отклика в самых разнообразных слоях капиталистических стран Европы, Америки, Азии, как вопрос о пятилетнем плане, об его развитии, об его осуществлении».

Тов. Сталин прослеживает, как вначале буржуазия издевалась над пятилеткой, окрестив ее «фантазией», «бредом», «утопией», как затем она стала кричать об угрозе с ее стороны существованию капиталистических стран, как затем ее представители поехали в СССР разглядеть дело своими глазами, как начался раскол в отношении к пятилетке среди буржуазии, как международный пролетариат с самого начала восхищался и поддерживал борьбу и строительство рабочих СССР.

Тов. Сталин подытоживает свое заключение следующими глубокими словами:

«Что это значит?»

Это значит, что международное значение пятилетки, международное значение ее успехов и завоеваний не подлежит сомнению.

Это значит, что капиталистические страны чреватy пролетарской революцией, и именно потому, что они чреватy пролетарской революцией, буржуазия хотела бы почерпнуть в неудачах пятилетки новый аргумент против революции, и, наоборот, пролетариат старается почерпнуть и действительно черпает в успехах пятилетки новый аргумент за революцию, против буржуазии всего мира. Успехи пятилетки мобилизуют революционные силы рабочего класса всех стран против капитализма — таков неоспоримый факт.

Не может быть сомнения, что международное революционное значение пятилетки действительно неизмеримо».

С предельной четкостью звучат и слова резолюции пленума, подытоживающие всемирно-историческое дело, осуществленное партией и пролетариатом в первой пятилетке:

«В результате неуклонного проведения политики индустриализации и развернутого социалистического наступления по всему фронту рабочий класс СССР под руководством большевистской партии успешно выполнил основную задачу пятилетки — создание собственной передовой технической базы для социалистической реконструкции всего народного хозяйства.

В обстановке развала экономики капиталистических стран, при небывалом росте в этих странах безработицы, нищеты, голода выполнение пятилетки СССР не в 5, а в 4 года (точнее — 4 года и 3 мес.) есть факт, наиболее выдающийся в современной истории».

И несомненно, что одной из важнейших причин этого факта в системе целого ряда подобных же революционных причин, создающих нам могучий подъем и вызванных к жизни большевистской политикой и деятельностью нашей партии, великим творчеством пролетарской революции и диктатуры пролетариата, является социалистическое планирование.

Социалистическое планирование родилось и развилось в СССР на основе революционного обобществления собственности на средства производства, низвержения и экспроприации эксплуататоров и установления диктатуры пролетариата, решительного социалистического наступления против всех классовых врагов на всех фронтах, благодаря великой руководящей всей революцией роли партии большевиков. Без всего этого не могло быть никакого социалистического планирования.

Теперь оно окрепло и вошло, можно сказать, в плоть и кровь социалистического строительства. В этом — один из секретов наших величайших побед и успехов. Чем дальше, тем больше и больше будет внедряться социалистическое планирование в нашу социалистическую экономику, принесены новые, невиданные достижения во всех ее областях. Это — марксизм-ленинизм в действии. Победа пятилетки есть торжество марксизм-ленинизма. Стоит взглянуть в тот переворот, которого добилась страна, выполнив свою пятилетку в 4 года, и который изменил все ее лицо, стоит представить себе те потрясающие достижения, на которые указал т. Сталин в «Итогах пятилетки», чтобы понять силу партии и пролетарских масс, вооруженных марксизмом-ленинизмом.

Марксизм-ленинизм учит, что, подымая массу на великую борьбу, нужно уметь найти теоретически и практически главный гвоздь, основное звено, вокруг которого должна быть сконцентрирована вся

энергия партии и масс. Руководимая т. Сталиным партия нашла этот центр своей пятилетки.

«Основное звено пятилетнего плана состояло в тяжелой промышленности с ее сердцевиной — машиностроением» — сказал т. Сталин, освещая этими словами огромную борьбу партии под его руководством за крупную тяжелую индустрию.

Грандиозность самого пятилетнего плана лучше всего видна из замечательного анализа задач и итогов, данного т. Сталиным.

Вот эти главные задачи:

«Что такое пятилетний план?

В чем состояла основная задача пятилетнего плана?

Основная задача пятилетки состояла в том, чтобы перевести нашу страну с ее отсталой, подчас средневековой техникой на рельсы новой, современной техники.

Основная задача пятилетки состояла в том, чтобы превратить СССР из страны аграрной и немощной, зависимой от капризов капиталистических стран, в страну индустриальную и могучую, вполне самостоятельную и независимую от капризов мирового капитализма.

Основная задача пятилетки состояла в том, чтобы, превращая СССР в страну индустриальную, вытеснить до конца капиталистические элементы, расширить фронт социалистических форм хозяйства и создать экономическую базу для уничтожения классов в СССР, для построения социалистического общества.

Основная задача пятилетки состояла в том, чтобы создать в нашей стране такую индустрию, которая была бы способна перевооружить и реорганизовать не только промышленность в целом, но и транспорт, но и сельское хозяйство на базе социализма.

Основная задача пятилетки состояла в том, чтобы перевести мелкое и раздробленное сельское хозяйство на рельсы крупного коллективного хозяйства, обеспечить тем самым экономическую базу социализма в деревне и ликвидировать таким образом возможность восстановления капитализма в СССР.

Наконец задача пятилетнего плана состояла в том, чтобы создать в стране все необходимые технические и экономические предпосылки для максимального поднятия обороноспособности страны, дающие возможность организовать решительный отпор всем и всяким попыткам военной интервенции извне, всем и всяким попыткам военного нападения извне».

Вот основные итоги выполнения этих задач:

«Общие выводы:

1. Итоги пятилетки опрокинули утверждение буржуазных и социал-демократических деятелей о том, что пятилетний план есть фантазия, бред, неосуществимая мечта. Итоги пятилетки показали, что пятилетний план уже осуществлен.

2. Итоги пятилетки разбили известный буржуазный «символ веры» о том, что рабочий класс неспособен строить новое, что он способен лишь разрушать старое. Итоги пятилетки показали, что рабочий класс способен так же хорошо строить новое, как и разрушать старое.

3. Итоги пятилетки разбили тезис социал-демократов о том, что невозможно построить социализм в одной, отдельно взятой стране. Итоги пятилетки показали, что вполне возможно построить в одной стране социалистическое общество, ибо экономический фундамент такого общества уже построен в СССР.

4. Итоги пятилетки опрокинули утверждение буржуазных экономистов о том, что капиталистическая система хозяйства является наи-

лучшей системой, что всякая другая система хозяйства непрочна и неспособна выдержать экзамен перед лицом трудностей экономического развития. Итоги пятилетки показали, что капиталистическая система хозяйства несостоятельна и непрочна, что она уже отживает свой век и должна уступить свое место другой, высшей, советской, социалистической системе хозяйства, что единственная система хозяйства, которая не боится кризисов и способна преодолеть трудности, неразрешимые для капитализма, — это советская система хозяйства.

5. Наконец итоги пятилетки показали, что партия непобедима, если она знает, куда вести дело, и не боится трудностей».

А дальше? Как будет дальше? Дают ли наши успехи право думать, что дальше дело пойдет уже спокойно, само собой, самотеком? Или же как раз наоборот, — чем глубже проникает социализм во все хозяйство нашей страны, чем больше разветвляется и разрастается наше социалистическое хозяйство, тем больше оно требует сознательного, планового руководства, тем больше ответственности за план и его выполнение в каждой частице социалистического сектора падает на каждую партийную ячейку, на каждого большевика?

Теория марксизма-ленинизма и опыт всего нашего социалистического строительства дают ясный ответ на этот вопрос. Одно из преимуществ социалистического строя над капиталистическим, одна из коренных причин его мощи и побед заключается именно в том, что социалистический план проникает в каждую мастерскую, в каждый колхоз, в каждую бригаду, что каждая хозяйственная единица живет планомерной, сознательной жизнью, что план охватывает собой весь хозяйственный организм сверху донизу. Этот вывод целиком основан на теории Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Вот почему так убедительно звучат слова т. Сталина в его речи на пленуме «О работе в деревне».

«Колхоз есть крупное хозяйство. Но крупное хозяйство нельзя вести без плана. Крупное хозяйство в земледелии, охватывающее сотни, а иногда и тысячи дворов, может вестись лишь в порядке планового руководства. Без этого оно должно погибнуть и развалиться. Вот вам еще одно новое условие при колхозном строе, в корне отличающееся от условий ведения единоличного, мелкого хозяйства. Можно ли предоставить ведение такого хозяйства так называемому естественному ходу вещей, самотеку? Ясно, что нельзя. Чтобы вести такое хозяйство, надо обеспечить колхоз известным минимумом элементарно грамотных людей, способных планировать хозяйство и вести его организованно. Понятно, что без систематического вмешательства со стороны советской власти в дело колхозного строительства, без ее систематической помощи наладить такое хозяйство невозможно».

А что из этого следует? А из этого следует то, что колхозный строй не уменьшает, а увеличивает заботы и ответственность партии и правительства в отношении развития сельского хозяйства. Из этого следует, что партия, если она хочет руководить колхозным движением, должна входить во все детали колхозной жизни и колхозного руководства. Из этого следует, что партия должна не уменьшать, а умножать свои связи с колхозниками, что она должна знать все происходящее в колхозах, чтобы во-время притти на помощь и предупредить грозящие колхозам опасности».

Вот как должно совершаться правильное планирование колхозного хозяйства. Этого к сожалению не поняли некоторые партийцы, превратившие колхоз в школу и вообразившие, что раз он образовался как социалистическая форма хозяйства, то «этим уже все дано». Притупление классовой бдительности у таких партийцев способствует проникновению в колхозы, даже в их руководство классовых врагов, которые разлагают колхозы, срывают их плановое хозяйство.

В свете этих фактов приобретает особенную силу замечательно верное положение, высказанное т. Сталиным, о том, что «п л а н и е г о выполнение — это не мертвая, бумажная схема, это — прежде всего живые люди, это — партия и рабочий класс, это — мы с вами». Эта живая диалектика больше всего нужна в руководстве планированием.

Замечательны также указания т. Сталина на методы проведения плана в жизнь. План заключается не только в том, чтобы его составить, — это было бы канцелярско-бюрократическое отношение к живому делу, — план заключается в том, чтобы его провести в повседневном строительстве, на каждом шагу следя за его выполнением и проверяя его результаты.

Живой диалектикой насыщена замечательная речь-обращение т. Сталина к колхозникам на первом историческом съезде колхозников-ударников.

Этой живой большевистской диалектикой проникнуто все руководство т. Сталина социалистическим строительством.

Из всей приведенной истории развития теории социалистического планирования ясно то значение, которое партия придает задаче планового руководства нашим хозяйственным и культурным социалистическим строительством. Отсюда понятна и та роль, которую должны играть во всей системе пролетарского государства органы планирования.

Для нас, разумеется, совершенно бесспорно, что решающим и ведущим, основным, директивным руководителем планирования являются высшие органы нашей партии, этот стержень всей системы пролетарской диктатуры. Такие исторические постановления, как например постановление XV съезда партии «О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства», XVI партконференции «О директивах к составлению пятилетнего плана народного хозяйства», январского пленума ЦК и ЦКК «Об итогах первой пятилетки и народнохозяйственном плане 1933 года — первого года второй пятилетки», а также целый ряд решений ЦК ВКП(б), достаточно красноречиво говорят о том, что основным планирующим началом, производящим действительный переворот во всей нашей экономике, является партия, которая во главе с т. Сталиным руководит планированием на основе всей своей генеральной ленинской линии. Генеральная линия партии, проводимая в планировании, — это марксизм-ленинизм в социалистическом строительстве.

Высшие советские органы, осуществляющие важнейшие директивы нашей партии во всей политике пролетарской диктатуры, также стоят непосредственно у руля всего планирования в общегосударственном его масштабе.

Но помимо всего этого необходим тот специальный аппарат, который и подготавливает материал для решений высших партийных и со-

ветских органов и осуществляет уже во всей конкретности те плановые директивы, которые исходят из решения этих высших органов.

Таким аппаратом являются Госплан и вся система планирующих органов в различных отраслях нашего хозяйства при краевых, областных и районных советах, во всех предприятиях, совхозах и колхозах.

Это по существу своему есть аппарат принципиально новый, неведомый старому капиталистическому миру, созданный исключительно пролетарской революцией, в полном смысле слова ее детище. Он был создан по замыслу Ленина в лице Государственной плановой комиссии при Совете народных комиссаров, ЭКОСО на местах и т. д. в начале восстановительного периода, когда партия и советская власть, разбив интервенцию, вплотную приступили к хозяйственному фронту. Как в этот восстановительный период (1922—1928 гг.), так и в период первой пятилетки (1929—1932 гг.) социалистической реконструкции всего нашего хозяйства планирующие органы оправдали свое назначение. Роль их была особенно важна в период подготовки и выполнения пятилетки в 4 года. В самых различных отраслях нашего строительства они служили действительным приводным ремнем от директив руководящих партийных и советских органов к их правильному плановому осуществлению оперативными организациями. Однако объем и охват планирования ни в коем случае нельзя суживать и замыкать в рамки только одних специально планирующих аппаратов. Нельзя забывать, что вся советская система работает планоно, и все органы ее, начиная от ЦК партии, ЦИК и СНК и до самых низовых партийных ячеек, сельсоветов, дирекций фабрик и заводов, совхозов и правлений колхозов, — все выполняют задачи планового руководства социалистическим хозяйством.

Эта роль планирования и плановых органов еще более возрастает во второй пятилетке, в период построения бесклассового общества. Чем ближе мы к нему будем подходить, чем глубже будем в него входить, чем больше наше общество будет превращаться в единый трудовой хозяйственный организм, тем все больший и больший объем будет занимать в нем плановость и тем значительнее будет роль планирования и планирующих органов. Дальнейшие изыскания неисчислимых богатств нашей страны, стимулирование этих изысканий, огромный рост науки, благосостояния и культуры наших трудящихся масс, подъем их творческого энтузиазма и производительности труда, — все это дает новый, могучий стимул для невиданного еще развития производительных сил страны социализма и в свою очередь почерпнет из него источник для своего движения вперед. Но все это совершится у нас не стихийно, не слепо, не в силу буржуазной конкуренции и борьбы за наживу, а сознательно, по социалистическому расчету и плану, планомерно. Без планомерного и сознательного руководства не может быть никакой речи о строительстве социалистического общества. Мы побеждаем буржуазное общество, развиваем наши невиданные темпы и осуществляем наши гигантские достижения только на основе продуманного плана и повседневного оперативного планирования сверху донизу, начиная от миллиардных контрольных цифр всего СССР и кончая каждой деталью любого заводского цеха, бригады, станка, каждого снопа и килограмма хлеба любого колхоза и совхоза. Только путем такого учета и планирования, но планирования не схематического, а живого, гибкого и творческого, мы придем к социалистическому обществу.

Планирование должно стимулировать вскрытие и использование всех наших ресурсов, приводить в движение все виды и формы нашей жизни, не позволить непродуктивно пропасть малейшей частице наших богатств и производительных сил. Оно должно руководствоваться принципом комплексного строительства в нашем производстве и вести к освоению все новых и новых производств и территорий. Поэтому роль планирования во втором пятилетии будет все более доминировать и прогрессивно возрастать.

Огромные достижения партии и пролетарской диктатуры за 4 года первой пятилетки, блестящее выполнение и перевыполнение пятилетнего плана показывают, что линия, проводимая в социалистическом планировании, совершенно правильна и что согласно ленинским заветам планирование органически вошло во всю систему социалистического строительства.

Роль Госплана и других плановых аппаратов, сформировавшихся, занявших уже определенное место в нашем социалистическом хозяйстве и внедривших планирование во все важные производственные процессы, — эта роль очень велика и безостановочно возрастает. Плановые органы сумели показать себя одной из важнейших составных частей всего механизма пролетарской диктатуры, действующих на серьезном участке классовой борьбы. Наряду с этим значением и положительным итогом работы плановых органов нужно указать на второстепенные недочеты в планирующих аппаратах.

Еще немало расплывчатости, неформальности и неуточненности в их работе. Немало бесцельной, излишней затраты времени и труда и топтания на месте.

Дублирование работы, затяжки и излишняя множественность, несвязанные проработки одного вопроса в разных инстанциях показывают, что еще нужно уточнить самый процесс планирования, рационализировать его.

Нужно устранить всякую запутанность и нагроможденность планирующих инстанций, несогласованность между ними. Нужно создать наибольшую четкость в разделении планирующего труда, наибольшую организационную простоту и ясность в строении планирующих аппаратов, наибольшую согласованность в работе между ними.

Одним из недостатков центрального планирования является недостаточная связанность его с районами и производством на заводах. Необходимо установить более регулярную и тесную связь центральных работников с периферией путем систематических выездов на места. Необходимо также добиться искоренения раздутости планов и запросов, вырабатываемых местными крайпланами. Наблюдаются конечно и обратные явления минимализма, когда местные органы не умеют учесть всех ресурсов и возможностей своего края. Поэтому поднять качество их плановой работы, добиться максимального реализма в соответствии их планов с ресурсами и требованиями социалистического строительства — это серьезная задача плановых органов.

Бичом плановых аппаратов нередко является буквально затопляющий их бумажный поток. Нужно бороться с дезориентирующим работников, мешающим им разобраться в материале и вопросах излишним скоплением бумаг. В этой бумажной шелухе нередко бывает нелегко выявить необходимое рациональное зерно вопроса. В бумажном скопе оно нередко затоплено общими «перспективами» без конкретности, повторениями общих разговоров об условиях местности и пр. Необходи-

дим: сократить до рационального минимума этот бумажный скоп, ввести ясность и конкретность во все заключения и выводы в плановой работе. В отдельных звеньях аппарата встречается еще планирование «на-глазок», планирование приблизительное, с приближенной и отдаленной точностью, неумение учесть опыт и уроки предшествовавшего года.

В происходящей сейчас проработке плана второй пятилетки нам необходимо встать целиком на почву конкретного и точного учета всех экономических данных, всех выводов из прежних промахов и всего опыта нашего планирования, чтобы осуществить с наибольшей правильностью генеральную линию партии в построении социалистического общества.

Имеющий зачастую место эклектизм в плановой работе отдельных работников, составляющих свой план по своему разумению, без единого метода и установки, лепящих его по кускам, должен быть устранен.

У наших лучших специалистов мы должны учиться техническим знаниям, должны овладеть деловитым и ясным подходом к работе, но, разумеется, ни в коем случае не соскальзывать с строго принципиальной партийности, с позиции Ленина и Сталина, не подменять ее беспринципным делячеством и аполитичностью.

В этом — залог дальнейшего роста роли планирования в социалистическом строительстве.

Что же требуется для этого?

Основным фундаментом, на котором только и может развиваться практическая деятельность социалистического планирования, должна быть научная марксо-ленинская теория. Планирование вытекает из всей богатейшей сокровищницы теории марксизма-ленинизма в целом и опирается на все многообразие научных завоеваний современного человеческого знания и на наш социалистический опыт.

Учение о планировании создано Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным. Оно является составной, неразрывной частью всей марксо-ленинской теории нашего советского хозяйства. Иной его основы нет и быть не может. Оно подхвачено мировым пролетарским движением и укреплено опытом нашего социалистического строительства. Но его, во-первых, нужно дальше развивать; во-вторых, уметь постоянно применять практически, в действии и, в-третьих, сделать достоянием широких масс, строящих социализм.

Однако мы не можем сказать, чтобы мы достаточно глубоко и широко занимались дальнейшим развитием и уточнением научных вопросов социалистического планирования. Это еще недостаточно находит себе места в нашей печати, научных организациях, учебных заведениях и во всех звеньях нашей общественности. Недостаточно мы занимаемся и популяризацией вопросов планирования. А между тем вопросы планирования теперь совсем не являются вопросами кабинетных разработок. Они стали достоянием масс, так как планировать теперь необходимо не только в Госплане, но в каждом наркомате, объединении, тресте, заводе, колхозе, совхозе вплоть до цеха и фабрично-заводской бригады, сельсовета и колхозной бригады. Вот почему марксо-ленинская теория в ее конкретном своеобразном применении к планированию в районе и в производстве должна стать предметом изучения миллионов рабочих и колхозников.

Нужно все более квалифицировать кадры плановых работников, владеющих теорией и умело применяющих ее на практике.

Наряду с выдержанной марксистско-ленинской установкой необходимо знание хозяйства СССР во всех его районах и отраслях, необходимо знание техники и ее разветвлений по всем отраслям специальностей, необходимо знание практики во всех отраслях производства. Горизонт планирования необычайно широк. Он охватывает все производство во всей его совокупности, во всех его многообразных проявлениях. Он требует умения применять марксистскую диалектику в естествознании и экономике; требует знания марксо-ленинской теории классовой борьбы и пролетарской революции, способности сочетать понимание марксо-ленинской теории с практическими и техническими знаниями, а они тогда могут иметь цену, когда они объединяются и проникаются одной генеральной линией партии.

Из всего объема теоретических и практических задач планирования вытекает и требование к тому подбору и уровню работников, какими должны обладать плановые органы. Работа по этому подбору в них проводится, но далеко еще не завершена. Аппарат значительно обновлен после вредительства, но еще не вполне усовершенствован.

Очевидно, что в силу тех огромных задач, которые перед нами уже стоят и будут все вновь и вновь становиться, в плановых органах должны быть объединены работники с весьма многосторонней политической, научной и производственной квалификацией. На работе в плановых органах нужно объединить лучших ученых, экономистов и техников с лучшими хозяйственными практиками, руководителями предприятий и с лучшими партийными работниками, теоретиками и практиками марксизма-ленинизма. Вот тот костяк, который должен быть собран и организован на работе в плановых органах.

Отсюда и в отношении коммунистов, работающих в них, вытекают особые, весьма серьезные требования. Необходимо стремиться к тому, чтобы коммунисты и комсомольцы, работающие там, объединяли в себе марксистско-ленинскую теоретическую подготовку и практический партийный опыт с экономической, научной и практической подготовкой.

Теоретическая и практическая учеба и безостановочное повышение своей квалификации, регулярное соприкосновение с практической работой на местах и в производстве, — только этим условием и может быть обеспечено то развитие планирующих работников, которое поставит их в уровень с задачами, стоящими и вновь вырастающими перед социалистическим планированием как одной из важнейших движущих клеток нового, социалистического организма.

ПРОТИВ РЕЦИДИВОВ МЕХАНИЦИЗМА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Последние 3 года, годы развернутого наступления социализма по всему фронту, были годами особенно упорных теоретических боев партии за чистоту маркс-ленинской теории. Именно в эти годы партия вдребезги разгромила контрреволюционные идеалистические и глубоко оппортунистические, механистические искажения в экономической науке. Теоретико-экономическая работа как по линии популяризации Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина и борьбы с буржуазной политекономией, так и по линии разработки теории советского хозяйства сделала крупный шаг вперед. Значительно перестроились учебники. Борьба против механицизма и идеализма, против социал-фашистской политической экономии, заняла в экономической литературе пусть не всегда достаточное, но прочное место.

Тем более досадным диссонансом в этой обстановке является рецензируемая нами работа Н. Бухарина, представляющая стенограмму речи автора на торжественном годовом собрании Академии наук СССР 29 февраля 1932 г. В этой работе мы имеем совершенно определенный рецидив механицизма буквально по всем давно решенным вопросам экономической теории (механистическая трактовка производительных сил и производственных отношений, двойственности труда, соотношения техники и экономики, формы и содержания и т. д. и т. п.).

Основной, так сказать, всепроникающей идеей указанной речи является резкое механистическое противопоставление техники как самодвижущейся сущности. Автор совершенно прямо, без обиняков заявляет, что развитие техники должно быть рассмотрено как самодвижение, как имманентное движение техники. Вот что мы читаем:

«Рост технического строения капитала, движение которого опосредствуется механизмом дифференциальной прибыли, должен быть рассмотрен и как имманентное движение, как «самодвижение» техники с точки зрения внутренних противоречий процесса» (стр. 11).

То же самое повторяется и на стр. 12, где автор делает попытку показать внутреннюю диалектику техники. Чтобы дать некоторое подобие «самодвижения» техники, автор изображает такие линии «имманентных» диалектических противоречий в самой технике:

- а) противоречие между орудием труда и предметом труда;
- б) противоречие между машиной и материалом для ее производства;
- в) противоречие между частями машины;
- г) противоречие между сконструированной машиной и данными техническими возможностями ее производства;
- д) противоречие между техническими основами разных отраслей производства» (стр. 12).

И дальше автор пишет: «Эти противоречия являются движущим моментом развития; они возникают, «снимаются», для того чтобы на новой основе, усложненной и обогащенной, возникнуть вновь; это движение противоречий и дает в своем суммировании (не арифметическом, разумеется) реальное поступательное движение техники» (стр. 12).

Такова совершенно центральная мысль всей книги. Это — ось всех рассуждений автора, вокруг которой и расположены и на которой обоснованы все остальные теоретические обобщения.

Техника, совершенно независимая от экономики, т. е. очевидно взятая как простое вещество природы, вне какой бы то ни было связи с общественным использованием этой техники, вне связи с производственными отношениями людей, — вот о какой самодвижущейся технике говорит автор. Однако такой техники не существует в реальной действительности. Общественная техника, как это много раз говорил Маркс, представляет экономическую категорию. Совокупность орудий труда, научных обобщений и технических приемов ни в какой мере не может быть сведена к простым элементам природы. Общественная техника возникает лишь в процессе общественного производства, в процессе трудового взаимодействия людей. Лишь в этом общественном процессе производства техника может реализоваться как общественная производительная сила. Машина же, которая не функционирует, автоматы, которые не двигаются, не

включены в поток общественного производства, не представляют общественной техники.

Автор, правда, тут же дважды оговаривается, что «имманентное развитие ее (техники — П. Б.) ни в коем случае однако нельзя представлять как изолированный процесс, внешне противостоящий «другим моментам процесса труда»; или выше в скобках, замечает, что «сама техника экономична». Однако эти оговорки не спасают, наоборот, они, эти оговорки подтверждают с особой силой всю неверность высказанной выше теории имманентного движения техники.

И видимо сам автор это чувствовал, делая свои оговорки.

Вся книга, весь большой материал, который пытался обобщить автор в своем докладе, построена именно на теории чистого самодвижения техники.

Нет возможности в рамках небольшой рецензии привести подробное изложение выше перечисленных «диалектических» противоречий (а, б, в, г, д), движущих технику вперед. Приведем только несколько наиболее ярких мест в этом отношении:

«1) Противоречие между орудием труда и предметом труда. Д. изобретения машины Уитни американский зеленосеменной хлопок (предмет труда) не мог конкурировать с черносемненным хлопком, который очищался при помощи сравнительно примитивных орудий. Эти орудия применялись также в очистке зеленосеменного хлопка, но трудность очистки вызвала громадную потерю рабочего времени.

Противоречие было «снято» изобретением и введением в производство машины Уитни (1792 г.). В результате экспорт хлопка из Америки поднялся с 63 тыс. кг до 82 тыс. кг в 1800 г.»

Так развиваются и «снимаются» противоречия по Н. И. Бухарину. По этой теории оказывается, что развитие производительных сил капитализма, развитие одного из составных элементов этих производительных сил — капиталистической техники — и в частности появление машины Уитни, значительно повысившей производительность труда, вытекают из «внутреннего» противоречия между орудием труда и предметом труда. Экономика, отношения классов тут не при чем.

Из этой теории вытекает, что был неправ Маркс, когда развитие производительных сил капитализма, развитие техники его, развитие машин выводил не из внутреннего самодвижения техники, а из глубочайшего противоречия капиталистического способа производства, из развития противоречия между общественным характером труда и частнокапиталистической формой присвоения, из противоречий основных классов капиталистического общества.

Оказывается, дело не в особом (и главном для развивающегося капитализма) способе выкачивания прибавочной стоимости (относительное увеличение прибавочной стоимости), необходимость которого обуславливает появление кооперации, мануфактуры и фабрики, дело, дальше, не в избыточной, временной прибавочной стоимости, безграничное стремление к которой толкает каждого капиталиста на все большее увеличение общественной производительной силы труда, на изобретение новых машин и т. д.; дело, оказывается, не в том, как говорил Маркс, что капиталист вводит машины для борьбы с рабочими. Автор совершенно игнорирует общественно-антагонистический характер развития техники при капитализме.

Выходит дальше, что зря Маркс несколько сот страниц I тома «Капитала» и множество страниц других своих работ посвятил вскрытию общественных закономерностей развития производительных сил и техники в частности.

Точно так же выходит, что Ленин впустую занимался анализом основ развития капиталистической техники на материале конкретного развития России, на богатейшем материале развития общественных классов в России.

Дело, оказывается, по мнению т. Бухарина, просто в том, что развивается чисто внутреннее противоречие орудия труда и предмета труда. В конце концов противоречие «снимается» вполне, по Гегелю, и в результате этой «диалектики» рождается новая машина. А благодаря этой своеобразной чистой диалектике самой техники развивается экспорт, развивается мировая торговля, мировой обмен. Экспорт, торговля, обмен являются пассивными продуктами «самодвижущейся» техники!?

Возьмем еще одно из противоречий: «Противоречие между техническими основами различных производственных отраслей. Прядильная машина была вызвана ведением челнока (Кзя) в ткацких станках. Техническое (и экономическое) соотношение было нарушено. Противоречие было «снято» с появлением прядильной машины (ряд изобретателей, кончая Аркрайтом). Однако появление «Дженни» (исковерканное «енгине», изобретена Гаргрейвсом) «нарушило» это соотношение в другую сторону. Это противоречие в свою очередь привело к рождению первого ткацкого станка Картрайта, введение которого снова дало геге-

монию ткачеству. Это опять привело к новым прядильным машинам (машины Роберта 1830 г., селфакторы). С другой стороны, изменение в прядильной и ткацкой индустрии пришло в противоречие с техническими основами белильной, ситцепечатной и красильной индустрии, противоречие было «снято» технической революцией в этих отраслях... Появление новых машин и огромного количества металла вступило в противоречие с техникой производства и вызвало появление машиностроительной промышленности; технические перевороты в промышленности (и отчасти в земледелии), столкнувшись с узкой транспортной базой, привели к настоящей революции в средствах транспорта... В дальнейшем мы наблюдаем аналогичные процессы: рост электротехнической промышленности например пришел в противоречие с металлургической базой, отсюда — новые сплавы (транспортное железо); авиация вызвала рост техники в производстве дюралюминия и других легких нержавеющей металлов и т. д. и т. п.» (стр. 14—15).

Мы вынуждены были привести эту довольно длинную выдержку потому, что в ней особенно рельефно вырисовывается та «диалектика», которая преподносится в книжке как основа самодвижения техники. Заканчивается изложение этого пятого противоречия общим выводом: «Таковы противоречия и движущие силы в развитии техники, поскольку идет речь об имманентных противоречиях» (стр. 15). Выходит таким образом, что, несмотря на все оговорки, автор считает все же возможным говорить о самодвижении техники.

Любопытно, что в подтверждение этой «диалектической» теории самодвижения техники автор ссылается на Маркса (13-я глава I тома), как раз на ту главу, которая является действительно наиболее законченным изложением марксовской теории развития техники, но которая в то же время является блестящим опровержением каких бы то ни было теорий «имманентного» технического развития.

С большим правом Н. И. ссылается на работу С. Бессонова «Развитие машин». В этой работе автор рецензируемой брошюры мог бы действительно найти достаточное подтверждение своей «диалектики».

Нет никакой нужды подвергать детальному разбору остальные «противоречия», характеризующие самодвижение техники, ибо все они однотипны. Уже из приведенного материала совершенно очевидно, что мы имеем дело с совершенно неправильным, явно механистическим отрывом техники от экономики, изображением процесса развития техники как процесса самодвижения техники.

Эта теория является повторением взглядов автора на соотношение техники и экономики, высказанных им в «Теории исторического материализма». В этой работе вплоть до самого последнего издания 1929 г. автор доказывал, что развитие техники представляет собой совершенно самостоятельный процесс чистого саморазвития, причем развитие техники, полностью отождествлявшейся автором с производительными силами, представляет собой базу для развития трудовых отношений людей, понимаемых автором так же грубо механистически, как расстановку людей в пространстве.

Разница между этой теперь всем известной и разоблаченной теорией автора и его новым выступлением заключается лишь в том, что в «Теории исторического материализма» Н. И. уж слишком грубо механистически определяет самую общественную технику как арифметическую сумму техник отдельных отраслей, которая, по мнению Н. И., целиком, без остатка покрывает понятие производительных сил. Эта, с позволения сказать, «общественная» техника в старой работе Н. И. имеет своей внутренней основой принцип равновесия отдельных отраслей, принцип количественного соответствия пропорций, которые устанавливаются на основе внутренней логики самого технического развития. Развитие идет таким образом, что сдвиг в технике одной отрасли производства вызывает при помощи чисто внешнего воздействия сдвиг в другой отрасли и т. д. Так идет процесс саморазвития механически «единой» общественной техники.

Эта саморазвивающаяся совокупная общественная техника, или материальные производительные силы, как утверждал Н. И., определяет собой трудовые производственные отношения, во-первых, в отдельных отраслях и, во-вторых, во всем обществе. Сами же трудовые производственные отношения автор понимает, как мы уже указывали выше, в виде расстановки людских сил в пространстве, т. е. грубо механистически. Здесь следовательно автор совершенно открыто проповедует вульгарно-материалистическое понимание производительных сил и производственных отношений, причем производственные отношения представляют, по мнению автора, пассивный рефлекс развития техники.

В рецензируемой нами брошюре эта же по существу вульгарно-материалистическая концепция выглядит несколько причесанной под «диалектику», мы тут встречаем и «самодвижение», и «диалектические имманентные противоречия», и даже «снятие». Здесь уже нет открытой пропаганды постулата равновесия, но

суть все та же, механистическая, ибо чем иным, как не замаскированным повторением механистической теории равновесия и теории развития, основанной на внешних силовых давлениях, и т. д., является эта сумма надуманных якобы внутренних противоречий в самой технике?

Чрезвычайно важно иметь в виду, что теорию чистого независимого самодвижения техники сейчас усиленно проповедует буржуазная и социал-фашистская политическая экономия.

Такие откровенные апологеты, как Теодор Фогельштейн и Рент, строят всю свою теорию монополистического комбинирования на основе теории независимого от экономики самодвижения техники (см. «Проблемы экономики» № 7 за 1932 г., статья Блюмина И.).

Указанные авторы утверждают, что развивающийся на основе внутренней логики технический прогресс в его чистом виде обуславливает оптимальные границы монополистических комбинатов в современном капитализме, обуславливает самое появление комбинатов. Такая теория является основой для насквозь буржуазной теории «организованного» капитализма.

Вот почему не случайно социал-фашистский теоретик Браунталь тоже обосновывает необходимость развития комбинатов в современном монополистическом капитализме прогрессивной тенденцией к технической рационализации.

Вся эта свора цепных собак гниющего капитализма стремится доказать самодовлеющий характер технического развития, его независимость от экономики, от классовой борьбы для того чтобы оправдать монополистический грабеж, скрыть паразитические черты современного капитализма и представить монополистический капитализм как прогрессивнейший общественный строй, и, с другой стороны, особенно теперь, в период жесточайшего кризиса, для того следовательно, чтобы взвалить на этот «независимый», «неумолимый» технический прогресс всю ответственность за загнивание капитализма, за свирепую нечеловеческую эксплуатацию рабочих, за кризисы, за бесконечную безработицу и обнищание, именно для того, чтобы скрыть, спасти истинного виновника приближающегося окончательного краха капиталистической цивилизации. Буржуазная наука, и экономическая наука в том числе, объявляет сейчас анафему техническому прогрессу, призывает приостановить развитие техники, развитие научного знания, якобы являющихся единственными виновниками кризиса и безработицы.

Вот почему совершенно недопустимым является пропагандирование этой буржуазной теории «имманентного» самодвижения техники со страниц советской печати, тем более, что мы имеем совершенно недвусмысленные и многократные высказывания Маркса, Энгельса и Ленина по этому вопросу.

Беспощадно высмеивая прудоновскую телеологическую теорию развития машин, Маркс в «Нищете философии» писал:

«Когда английская торговля приняла такие размеры, что ручной труд не мог уже удовлетворять существующему на рынках спросу, почувствовалась потребность в машинах. Тогда стали думать о приложении механических знаний, уже вполне развивавшихся в XVIII в.» (стр. 129).

Вряд ли эта выдержка из Маркса требует еще особых комментариев, для того, чтобы доказать, что Маркс ни в какой мере не стоял на позициях теории самодвижения техники. Маркс делает упор на экономические предпосылки развития машинного производства.

Маркс одобрительно приводит выдержку из работы доктора Гота о предпосылках развития автоматизма в промышленности.

«Уайт, — говорит доктор Гот. — гораздо ^{раньше} Аркрайта изобрел прядильные пальцы (ряд снабженных желобками валиков — Л. Б.). Но главная трудность заключалась не столько в изобретении автоматического механизма... Она состояла главным образом в недостатке дисциплины, которая заставила бы людей отказаться при работе от их неправильных привычек, заставила бы их отождествить себя с неизменной правильною большою автоматической машиной» (стр. 130). Мы видим, что Маркс объясняет невозможность реализации изобретения Уайта не внутренними противоречиями в самой технике, а отсутствием соответствующей дисциплины труда, т. е. капиталистической дисциплины труда, основанной на превращении рабочей силы в товар.

Выше примерно по тому же вопросу Н. И. говорил совершенно другое, а именно то, что если какое-нибудь техническое изобретение не находит своего полного применения в капиталистическом производстве, то этому причина не капиталистическая экономика, а внутреннее «диалектическое» противоречие между «сконструированной машиной и данными техническими возможностями» (стр. 14), т. е. все дело сводится к несоответствию внутри самой техники. В конечном счете это «противоречие» вызывает к жизни новое изобретение, которое «снимает» противоречие, его породившее, т. е. восстанавливает таким образом

нарушенное равновесие составных частей. Понятно, что такое механистическое толкование корней развития машинного производства ничего общего с марксизмом не имеет.

Маркс неоднократно подчеркивал, что машинная техника, развившаяся на основе капиталистического способа производства, на основе капиталистической монополии на средства производства, выступает как антагонист рабочего, как составная часть капитала, противопоставляемая капиталистами живому рабочему.

Капиталист «вводит в игру» машины для того, чтобы задавить сопротивление рабочего.

Эти классовые основы развития капиталистической техники Маркс многократно подчеркивает и в «Капитале» и во множестве других работ.

В уже цитированной «Нищете философии» Маркс писал: «Можно сказать, что до 1825 г. — времени первого всеобщего кризиса — нужды потребления вообще возрастали быстрее, нежели производство, и что развитие машин властно обуславливалось расширявшимися нуждами рынка. После 1825 г. изобретение и применение машин обуславливается лишь войной между хозяевами и рабочими» (стр. 163). Так ставит вопрос Маркс.

То же самое говорил и Ленин о предпосылках технического развития. В статье, написанной в 1913 г. о системе Тейлора, «Научная система выжимания пота» (т. XII) Ленин указывает, что в капиталистическом обществе «прогресс техники и науки означает прогресс в искусстве выжимания пота». Такова единственно правильная, единственно научная трактовка закономерностей технического прогресса. Совокупная общественная техника расширяется вовсе не представляет собой элементы природы или просто натуральную величину, закономерности развития которой тождественны закономерностям развития природы, ничего общего не имеющих с общественными законами развития, как утверждает автор (стр. 5).

Совокупная общественная техника, поскольку речь идет о составной части общественных производительных сил, теснейшим образом связана с экономическими отношениями, с экономикой, с отношениями людей в процессе производства, с отношениями классов в классовых обществах.

Развитие техники в первую очередь обуславливается развитием экономических отношений, следовательно закономерности развития общественной техники есть по сути дела закономерности экономического порядка, в капиталистическом обществе пропитанные жестокой классовой борьбой. Непонимание этого есть непонимание основ марксизма-ленинизма.

Так обстоит дело с теорией «самодвижения техники». Перейдем к разбору второго типа противоречий: «между развитием вещественных элементов производительных сил и технологическими процессами в их материально-вещественном выражении, с одной стороны, и рабочими силами и их технической организацией (которая в то же время является и социально-исторической категорией) — с другой» (стр. 15).

Автор конкретнее разъясняет это новое, надуманное «диалектическое» противоречие. Это оказывается суть: а) Противоречие между техникой, системой труда и рабочей силой (ее квалификацией); б) противоречие между техникой и строем технического разделения труда внутри данной производственной единицы; в) противоречие между техникой и размерами предприятия; г) противоречие между техникой и общественным разделением труда» (стр. 15).

Таковы те противоречия второго типа, которые «углубляют» первые и вместе с ними должны показать глубочайшие основы развития капитализма. Вот что мы читаем в развитии этих положений.

Противоречие первое: «Развитие техники происходит следовательно в противоречии (на базе общих экономических основ капитализма как эксплуататорской системы, обеспечивающей производство прибавочной стоимости) (опять оговорка и опять взята в скобки — П. Б.) с данными квалификациями рабочих сил. Это противоречие «снимается» соответствующими изменениями в структуре рабочей силы» (стр. 16).

Итак, и здесь, в области развития квалификации рабочего, в области раздробления труда и разрыва между умственным и физическим трудом, дело, оказывается, точно так же зависит от самодвижения техники, которая определяет собой и квалификацию, и профессию, и даже «конвейер и рабочую силу, развивающую сверхинтенсивный труд» (стр. 16). Таким образом жесточайшая интенсификация, конвейер и т. д. — все это продукты самодвижения техники, все это не связано с классовой борьбой по Бухарину.

Все дело, собственно, в известном равновесии между самой техникой и квалификацией рабочих.

Доказывать глубочайшую неправильность этой «диалектики» нет никакой необходимости, ибо совершенно ясно, что выводить сверхинтенсивный труд из

самодвижения техники — это значит не видеть классовой борьбы, закрывать глаза на то, что в современном капитализме буквально выпирает наружу и что начинают понимать даже добросовестные буржуазные экономисты.

Противоречие второе: «Противоречие между техникой и техническим разделением труда внутри данной производственной единицы... изменение в технике вступает в противоречие с техническим разделением труда по разным направлениям: а) новая техника требует изменения в квалификации рабочих, тем самым требует другого их технического комбинирования; б) новая техника меняет строй фабричной иерархии (новые функции надзора и управления)» (стр. 16).

Эти откровения являются повторением старой механистической басни о том, что «трудовые отношения», расстановка в пространстве целиком определяются развитием техники. Здесь, правда, формулировки тоньше, «диалектичнее», но суть та же.

Противоречие третье: Процесс концентрации капитала, характернейший признак важнейшего закона развития капитализма, всеобщего закона капиталистического накопления, объясняется поистине любопытно: «Таким образом техническое развитие постоянно взрывает данный размер предприятия, «расширяет» систему машин и сосредоточивает в гигантских зданиях огромные массы агрегатов, топлива, сырья и живого труда, воспроизводя процесс концентрации на все новой и новой основе» (стр. 16).

Это, по автору, и есть движение противоречий между техникой и размером предприятия. И это обуславливает процесс концентрации и централизации.

В этой формуле находит свое, пожалуй законченное, выражение глубокий механицизм, вульгарный материализм самого автора — его радикальный разрыв с марксистской политической экономией.

Правда, Н. И. пытается разделить техническую и экономическую сторону процесса концентрации утверждением, что «технически это означает процесс расширения предприятия, концентрации средств производства и рабочих сил. Экономически это означает концентрацию капитала» (стр. 16).

Но от этой оговорки основная формулировка ни в какой мере не выигрывает, ибо определяющим моментом в процессе концентрации капитала является техника, «взрывающая» размеры предприятия. Мудрено ли после этого, что четвертое «противоречие» подводит вплотную Н. И. Бухарина к отмеченным выше социалфашистским теориям монополистического комбинирования. Мы читаем: «Перевороты в технике... с) выражают техническую потребность в техническом комбинировании, последнее противоречие «снимается» процессом вертикальной концентрации и централизации капитала» (стр. 17).

Таков логический конец теории имманентного самодвижения техники, таково завершение глубоко фаталистической и вульгарно-натуралистической теории развития общества.

Для характеристики того, насколько критикуемая нами концепция рвет с основами марксизма, важно отметить, что последнее разобранное нами противоречие «между техникой и общественным разделением труда», якобы порождающее тенденцию к техническому комбинированию и т. д., является лишь модифицированным изданием прудоновского «антагонизма» между машиной и разделением труда, так точно высмеянного Марксом свыше 80 лет назад. Маркс писал: «Машины являются у г. Прудона «логической антитезой разделения труда»; для подкрепления этой диалектики он немедленно превращает машины в мастерские»

И дальше: «Машины, в собственном смысле слова, появляются лишь в конце XVIII столетия. Нет ничего нелепее, как видеть в них антитезу разделения труда, синтез, восстанавливающий единство раздробленного труда...» «По мнению г. Прудона, концентрация орудий труда есть отрицание разделения труда. В действительности мы опять-таки видим протинное, по мере концентрации орудий развивается также разделение труда, и почему за каждым крупным механическим изобретением следует усиленное разделение труда, а усиление этого разделения ведет в свою очередь к новым изобретениям механики («Нищета философии», стр. 128).

Так оценил эту насквозь фальшивую «диалектику» Маркс давным давно. Поэтому весьма сомнительным «достижением» является реставрация этой теории в условиях монополистического капитализма, в условиях всеобщего кризиса капитализма, в условиях пролетарской революции и победы социализма, в условиях решающих теоретических и практических побед марксизма. Если подобную теорию вытаскивают (и то до кризиса) и обновляют буржуазные экономисты, социалфашисты, то это понятно. Буржуазии во что бы то ни стало надо доказать, что технический прогресс (особенно до современного экономического кризиса) означает рост организованности капиталистических предприятий, а рост комбинированных монополий означает устранение анархии, конкуренции во всем капиталисти-

ческом обществе в целом. Повторяем, такая теория (особенно до наступления опустошительного кризиса) была необходима буржуазии. Но совсем не гоже заниматься популяризацией этой теории революционным марксистам.

Между тем именно не чем иным, как попыткой популяризации глубоко немарксистской буржуазной теории является рецензируемая книга. Исходя из разобранной основной неверной установки, Н. И. весь раздел, посвященный технике и экономике монополистического капитализма, построил на совершенно неправильном утверждении, что наступление империализма характеризуется глубоким качественным сдвигом в материально-технической основе общества в том смысле, что возникает «непосредственная материально-вещественная связь между хозяйствами», под которой (связью) Н. И. понимает процесс теплофикации, газификации, нефтепроводы и т. д. (стр. 18). Эту самую якобы возникшую непосредственную материально-техническую связь между хозяйствами автор противопоставляет связи через обмен между формально независимыми предприятиями и даже тем формам связи, которые возникают в результате передвижения товаров транспортом. Автор подчеркивает, что в области техники, так сказать, произошли имманентно глубокие качественные сдвиги, по существу уничтожившие меновые отношения, и «между отдельными разнородными предприятиями положены связующие материальные балки» (стр. 19); «непосредственной связи». Отсюда, мол, вырастает тенденция к единой электроэнергетической системе, к единой высоковольтной сети, к комбинированию с теплым хозяйством и т. д. Таким образом, по теории Н. И., самодвижение в конечном счете приводит к отмиранию обмена меновых отношений, т. е. в последнем счете товарного хозяйства вообще. Едва ли нужно доказывать, что эта «новая» теория вращаясь в социализм через самодвижущуюся технику представляет собой лишь несколько подновленную старую социал-предательскую теорию вращаясь капитализма в социализм.

Именно основываясь на теории самодвижения независимой техники, Бухарин выводит и основную «существенную техническую тенденцию монополистического капитализма», «тенденцию к многостороннему (а в другом месте и универсальному — П. Б.) техническому комбинированию, которая есть существенная тенденция технического развития в эпоху монополистического капитализма» (стр. 19, 20 и 21).

Доказывается эта «тенденция» развитием электрификации, особенно единой высоковольтной энергетической сети, развитием единичного и группового привода, развитием массового производства, развитием газопроводов, нефтепроводов, конвейера, теплоэлектроцентралей, химизации и т. д.

Из этой неумолимой «существеннейшей» тенденции империализма к универсальному техническому комбинированию как внутренней тенденции самодвижущейся техники наш автор вполне последовательно делает вывод, являющийся рецидивом теории «организованного» капитализма.

«Внутренняя жизнь предприятия все более рационализируется и «объективируется». Роль науки повышается в огромной степени, и она все более становится под углом зрения капиталистической прибыли составной частью производственного процесса» (стр. 28). Таков вывод.

Таким образом еще и еще раз доказано то, что методологически, теоретически неправильный, немарксистский тезис о независимости науки и техники от экономики с неумолимой логикой приводит к выводам о росте «организованности» капиталистических предприятий и т. д.

Теория «организованного» капитализма в ее первом издании достаточно разоблачена и разгромлена партией, чтобы она могла кого-нибудь соблазнить. Поэтому нет нужды особо останавливаться на этом, но одно все же очень важно отметить. Вместо указанной Лениным наиболее существенной для монополистического капитализма «тенденции к загниванию» и в частности к техническому загниванию, основываясь на неленинской теории самодвижения техники, автор взял из арсенала буржуазной политической экономии «тенденцию к универсальному техническому комбинированию».

Отсюда и все выводы. Отсюда и та общая, совершенно неправильная характеристика империализма, которая имеется в брошюре. Нужно сказать, что и в этом вопросе, в вопросе об общем определении империализма автор в известной мере воспроизвел свою старую, ошибочную, по существу каутскианскую теорию империализма.

Как известно, в своей книге «Мировое хозяйство и империализм» Бухарин сводил империализм к политике финансового капитала, направленного на аннексию аграрных стран. Это типично каутскианское определение империализма дополнялось утверждением экономической возможности ультраимпериализма.

Отрыв политики от экономики, непонимание экономической сущности империализма и его противоречий, скат к социал-демократической концепции, — вот

что характеризовало «Мировое хозяйство и империализм», «Империализм и накопление капитала», а также все работы Бухарина, посвященные анализу империализма. Особенно выпукло выражена социал-демократическая струя в анализе проблемы империализма в статьях Бухарина, написанных им во время империалистической войны.

В рецензируемой нами брошюре в общей характеристике империализма, как и во всех других вопросах, рецидивы старых ошибок прикрыты несколько подновленной терминологией. Так например, уже разобранному нами тезису о качественных сдвигах в технике, якобы приводящих к непосредственной материальной технической связи между хозяйствами, «сопутствует утверждение, что империализм (теперь уже, видимо, в экономическом смысле) означал переход к новым организационным формам капитализма» (стр. 18).

Таким образом экономическая сущность империализма совершенно выхолощена, опустошена. Здесь мы имеем несколько видоизмененное повторение ряда положений автора, высказанных им в статье «Теория организованной бесхозяйственности».

Еще яснее это антиленинское выхолощенное определение империализма выступает в разделе «Экономика монополистического капитализма».

Так, автор пишет: «Этот строй (экономический строй капитализма — П. Б. приобрел форму (разрядка наша — П. Б.) монополистического капитализма» (стр. 26).

И дальше: «На базе конкурентной борьбы закон централизации и концентрации капитала привел к образованию разных форм капиталистических монополий» (стр. 26, см. также стр. 30). Сюда относятся корнеры, ринги, пулы, картели, синдикаты, тресты, мерджеры и т. д.

Так выглядит теория империализма нового издания у т. Бухарина.

Изъятие техники из экономики, отождествление техники и производительных сил с простыми элементами природы, утверждение об имманентных законах развития техники, целиком совпадающих с законами природы, — все эти моменты должны неизбежно привести к формалистическому, идеалистическому толкованию экономики, общественных производственных отношений людей. Именно такое идеалистическое искажение действительности представляет рубинский анализ капитализма. То же по существу мы видим и в определении империализма в рецензируемой нами брошюре.

В связи с разбором неправильного экономического определения империализма в брошюре следует отметить и такую любопытную подробность: автор в одном месте определяет монополистический капитализм как «монополистическую тенденцию», хотя и крайне сильную и могущественную. Это определение конечно тоже совершенно неправильно.

Известно, что ленинское наиболее краткое определение империализма выглядит совершенно иначе. Не монополия как новая организационная форма старого капитализма и не монополия как тенденция, а монополия как экономическая сущность империализма, монополия, охватывающая и подчиняющая себе все стороны хозяйственной и общественной жизни, — вот чем характеризуется монополистический капитализм по Ленину.

Всякий уход от этой основной ленинской характеристики империализма означает, волюно или неволюно, приращивание империализма, непонимание глубочайших внутренних противоречий капитализма, достигающих предельной глубины и остроты при монополистическом капитализме. Таковы основные чрезвычайно досадные искажения в рецензируемой нами работе.

На основе указанных основных искажений в брошюре имеется ряд совершенно неправильных положений по другим весьма актуальным вопросам экономической науки. В первую очередь следует отметить неправильное, механистическое толкование двойственного характера труда. Известно, что механисты относили двойственный характер труда ко всем экономическим формациям, считая и конкретный и абстрактный труд неисторическими, вечными категориями.

Тов. Бухарин целиком воспроизводит в своей новой работе давно разбитую механистическую теорию. Он пишет:

«Процесс труда во всех общественно-исторических формациях обнаруживает при ближайшем рассмотрении свой двойственный характер, вскрывая при этом внутренние противоречия разных типов, в нем заложенные. С одной стороны, он есть процесс производства полезных предметов «потребительных ценностей», с другой — его продукты являются воплощением труда и на этой основе приравниваются друг к другу; в первом случае он конкретен, во втором — перед нами общественный безразличный труд» (стр. 2).

Таким образом, по Бухарину, сама двойственность общественного труда как его существенное противоречие есть вечное, абсолютное, неисторическое свойство труда в любом обществе, и конкретный труд и безразличный труд будет

существовать всегда. И единственное отличие общественного труда в различных обществах заключается лишь в том, что внешние формы двойственности труда меняются, содержание же, сущность этого противоречия остается неизменным.

«Двойственность труда имеет особую, совершенно специфическую форму в товарно-капиталистическом обществе, где общественный характер труда принимается форму абстрактного труда. В то время как например в социалистическом хозяйстве конкретный труд сразу выступает как непосредственно общественный труд, противоположный безразличному труду, в условиях товарного (капиталистического) хозяйства конкретный труд противостоит абстрактному как труд частный труду специфически общественному. Безразличный общественный труд становится абстрактным трудом».

Так увековечивается одно из решающих противоречий товарно-капиталистического хозяйства, гениально вскрытое Марксом: двойственный характер труда, противоречие общественного труда, тающее в себе, в зародыше, все основные противоречия капитализма, приводящие его в конечном счете к гибели.

Это увековечение двойственности труда является несомненным механистическим извращением марксизма. Известно, что Маркс и Энгельс неоднократно говорили, что в условиях коммунистического общества определенный полезный труд каждого отдельного работника коммунистического хозяйства будет непосредственным общественным трудом, т. е. с самого начала трудового процесса каждая отдельная трудовая единица коммунистического общества будет сознательно трудиться на все общество в целом и труд индивидуума будет сознательно, планомерно регулируемой частицей общественного труда. Не будет поэтому никакой необходимости сводить качественно определенный полезный труд к безразличному, равнодушному к своей качественной определенности труду, для того чтобы обнаружить общественное значение труда. Обществу совсем не будет безразлично, какой именно труд в какой именно полезной форме будет затрачен. Напротив, именно определенные полезные виды труда, а не безразличный труд будут объектом планового распределения коммунистического общества. Вот почему теряет какой бы то ни было смысл категория безразличного труда. Такого труда не будет и быть не может. Эта категория имеет вполне реальный смысл и существование в условиях товарного хозяйства, где частный труд может реализовать свое общественное содержание только через сведение различных конкретных видов труда к труду абстрактному, безразличному к качественной определенности труда. И это сведение конкретных видов труда к безразличному, абстрактному труду становится «практической истиной», как говорит Маркс в «К критике политической экономии», лишь в условиях современного, т. е. капиталистического способа производства, максимально упрощающего, обезличивающего процесс труда, облегчающего быстрый переход производителей от одного вида конкретного труда к другому.

Итак, абстрактный труд и безразличный труд (это синонимы, и попытка автора противопоставить их как историческую форму и вечное содержание является не более удачной, чем такая же разоблаченная попытка в отношении закона стоимости и так называемого «закона трудовых затрат») являются сугубо историческими категориями, свойственными лишь определенным историческим формациям.

Развитие производительных сил человечества в условиях коммунистического общества достигнет таких гигантских размеров, техника достигнет такого уровня, что физический тяжелый изнурительный труд, требующий специальной сноровки и особой силы, будет целиком заменен машинами, которые потребуют от работников, контролирурующих и регулирующих их ход, общих, почти однородных функций управления автоматами и автоматическими системами машин. Современная техника показывает некоторые контуры автоматической системы машин будущего и функции человека при этой системе.

Таким образом отпадает база для существования общественно закрепленной за данным работником определенной формы труда, отпадут и особые профессии, закрепленные почти наследственно при капитализме.

Все члены коммунистического общества будут всесторонне развитыми людьми, будут «уметь делать все», как говорил Ленин в «Детской болезни «левизны», и будут переходить от одной функции к другой, от одной общественно полезной работы к другой, как указывал Энгельс в «Принципах коммунизма».

И этот переход от одной функции к другой будет облегчен исключительными сдвигами в условиях труда.

Один из решающих лозунгов коммунистического общества «от каждого — по способностям, каждому — по потребностям» предлагает именно такой сдвиг в характере общественного труда, что все будут способны делать все и привыкнут трудиться на общество по-коммунистически; только тогда воз-

можно будет распределение по потребностям, ибо это будет означать гигантский рост производительности труда и количества продуктов. В свете этого положения понятно, что не может быть и речи об определенном труде, являющемся пожизненной функцией одного человека или целых общественных групп. Производители коммунистического общества будут время от времени переходить от одной общественно полезной работы к другой, умея все делать, но не будучи закрепленными, порабощенными одной какой-либо функцией.

В условиях первой фазы коммунизма при социализме, при наличии значительных «родимых пятен старого общества», о которых говорили Маркс и Ленин, общее движение социалистического общества в сторону уничтожения разделения труда, уничтожения разделения города и деревни, умственного и физического труда, уничтожения пожизненных профессий и т. д. происходит через известное закрепление квалификаций, профессий и т. д. Но в то же время социалистическая коллективизация мелкого производства на основе беспощадной борьбы с капиталистическими элементами, всеобщее поднятие культурности, всеобщее начальное, среднее и высшее, общее и техническое образование, организуемое различными путями, политтехнизация самого обучения путем соединения его с производительным трудом, — все это подготавливает в дальнейшем уничтожение разделения труда. Этот процесс уничтожения разделения труда происходит в противоречивых условиях, когда для достижения всех этих задач при социализме, для воспитания коммунистической дисциплины труда, умения и привычки работать по способностям приходится до известного момента закреплять и развивать специализацию, разделение труда между отдельными работниками социалистического хозяйства, повышать специальные знания пока хоть в одной определенной области, овладевать техникой определенной работы. Все это не исключает, а предполагает непрерывный и все увеличивающийся рост общего культурного уровня, общей технической грамотности и т. д. Все большее соединение организаторских и исполнительных функций в процессе социалистического производства, ликвидация разрыва между этими функциями, существовавшего при капитализме, техническая учеба, массовая плановая самостоятельность, ударные бригады, хозрасчетные бригады, — все это подготавливает полное уничтожение старого разделения труда.

Отсюда понятно, что ни о какой двойственности труда в коммунистическом обществе ни в какой форме не может быть и речи.

Также неправильным является отнесение конкретного труда к технике, к природным факторам, к факторам, как выражается автор, имеющим свои специфические не экономические, а чисто естественные закономерности.

Абстрактный же труд автором относится к экономике. Таким образом мы имеем рассеяние труда в том же плане, в каком были раньше рассеяны техника и экономика. Точно так же потребительная стоимость истолковывается автором только как натуральная величина (стр. 10), и это несмотря на то, что несколькими страницами раньше автор в сноске (см. стр. 3) ругает тех, кто недооценивает социально-исторический характер потребительной стоимости.

Собственно можно было бы сказать, что это рассеяние труда на техническую, природную сторону и экономическую сторону является базой для дальнейшего рассеяния техники и экономики. Во всяком случае это рассеяние совершенно неправильно, ибо конкретный труд есть труд человека, т. е. является общественной производительной функцией человека, функцией, которая может проявиться лишь в обществе. Поэтому отнести конкретный труд к природе — значит становиться на позицию Рубина, который именно на этом основании исключает конкретный труд и потребительную стоимость из числа объектов политической экономии. В связи с разбором ошибок автора о действительном характере труда необходимо остановиться на ошибке автора в вопросе о политэкономии в узком и широком смысле слова.

В брошюре мы читаем: «Следовательно можно различить раздвоение единого процесса труда и вскрыть его внутренние противоречия:

а) как они развиваются в историческом движении экономических формаций и их перехода одной в другую (что будет соответствовать политической экономии в широком смысле слова, если употреблять выражение Ф. Энгельса);

б) с точки зрения капиталистического общества и его категории (что будет соответствовать теории капитализма, т. е. политической экономии в узком смысле слова)» (стр. 4).

Это определение политической экономии в широком и узком смысле слова, основанное целиком на неправильном, механистическом, неисторическом понимании двойственного характера труда, дает неправильное представление об этом предмете. Во-первых, автор считает очевидно возможным не употреблять выражения Энгельса, ибо фраза у него поставлена условно: «Если употреблять...»

Дальше. Политэкономия в узком смысле слова, оказывается, зависит от точки зрения капиталистического общества.

Из сказанного вторым можно сделать вывод, что автор отождествляет политическую экономию в широком смысле с истматом, т. е. с общим учением о развитии общества, с учением о переходах одной общественно-экономической формации в другую, а такое отождествление явилось бы ликвидаторским в отношении политической экономии в широком смысле слова, что означало бы рецидив ошибочных взглядов автора, высказанных им в отношении политической экономии в широком смысле в более ранних работах — в «Политической экономии рантье» и «Экономике переходного периода».

Во всяком случае вышеприведенные положения являются запутанными и неясными, совершенно неправильным является положение об «Ущерblении действия закона ценности при империализме» (стр. 29). Это положение является рецидивом старых ошибок автора, имеющихя в работе «Мировое хозяйство и империализм», а также и в «Экономике переходного периода», где доказывалось ограничение закона стоимости в условиях империализма.

Теорию ограничения закона стоимости в условиях империализма весьма рьяно проповедают социал-фашисты (Гильфердинг, Каутский, Браунталь, Нельтинги и др.) и троцкисты (Троцкий, Преображенский). Им это необходимо для оправдания теории «организованного» капитализма. И автор зря солидаризовался с этой теорией.

Совершенно неправильным и нелепым является толкование закона неравномерного развития. Мы читаем:

«Нетрудно видеть, что закон неравномерности капиталистического развития неизбежно обостряет все конкурентные противоречия и развязывает борьбу. Постоянные передвижки технического базиса, перегруппировки силовых отношений, опрокидываются на всю совокупность экономических связей как на мировом рынке, так и на внутренних рынках» (разрядка наша — П. Б.; стр. 29).

Таким образом закон неравномерного развития капитализма, этот важнейший закон империализма, сведен к чисто механистическим сдвигам и передвижкам в технике и в силовых отношениях, к фокусническому опрокидыванию развивающейся техники на экономику. По существу же закон неравномерного развития сведен к механистическому «закону» равновесия, чем искажена основная сущность ленинского закона.

В заключение нашего разбора весьма существенных «погрешностей» автора в отношении марксизма-ленинизма нужно указать на некоторые «стилистические» особенности рецензируемой работы, еще более обесценивающие ее.

Так например, необходимо отметить сугубо «объективную» критику Каутского, у которого, по мнению Н. И., в его гнуснейшей работе «Материалистическое понимание истории» имеются только «ошибки» по вопросу о соотношении техники и экономики.

Должен быть отмечен и странный прием подтверждать Маркса Миллем и другими вульгаризаторами, ссылки на которых буквально пестрят в книжке. Этот прием никакой пользы никому не приносит. Вред же приносит очень большой, ибо создается впечатление, что марксизм можно в известной мере изучать на вульгарной политической экономии. Отметим дальше рецидивы старой склонности автора к Begriffscholastik которые проявились в работе, во-первых, в уже разобранных нами внутренних «противоречиях» техники, во-вторых, в позаимствовании совершенно ненужной, ничего не объясняющей терминологии у буржуазных экономистов типа Шмаленбаха.

К. ПЯРТМАН „ЕДИНОЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО СССР“ Паргиздат, 1932 г.

Известно, что вопросам электрификации партия под руководством тт. Ленина и Сталина всегда придавала особое значение. Рассматривая проблемы социалистического строительства в их длительной перспективе, партия, следуя указаниям Маркса и Энгельса и особенно Ленина, брала проблему электрификации как важнейшую основу технической реконструкции, как важнейший стержень технической политики пролетарской диктатуры.

Изучая проблему энергетики на фоне достижений новейшей техники, Ленин вскрыл те противоречия, те барьеры на путях реализации новейших тенденций электротехники, которые неизбежны при капиталистической форме хозяйства. Ленин указывал на то, что при капитализме электрификация не может быть ни быстрой, ни планомерной, что в той мере и форме, в какой она осуществляется при капитализме, электрификация является средством не освобождения, а дальнейшего порабощения рабочих и крестьян. Ленин с особой силой подчеркивал революционную роль электрификации в деле социалистической переделки нашей страны, в деле создания материально-технического фундамента нового общества — базиса социализма, — решительного подъема производительности труда. Отсюда ясно то теоретическое и практическое значение, которое приобретает проблема электроэнергетики при разрешении технических и экономических проблем нашей советской действительности.

Пропаганда марксистско-ленинского наследия в этом вопросе и наряду с этим дальнейшая теоретическая разработка этих проблем в соответствии с задачами социалистической современности являются поэтому важнейшей задачей социалистического фронта.

Необходимо однако признать тот факт, что за редким исключением (мы имеем в виду выступление т. Кржижановского) до самого последнего времени (вплоть до 1930 г.) эти позиции находились в руках явно чуждых нам элементов, сознательно вредивших делу социалистического строительства. Этой участи не избежала в значительной мере и наша печать.

Рост наших собственных кадров на этом участке значительно улучшил положение. В нашей печати появился целый ряд работ коммунистов, которые в известной мере заполнили существующий пробел. Но большинство этих работ составляли статьи журнального характера или самостоятельные работы узко-технического порядка, по разным причинам недоступные широкому массовому читателю.

Известно, как Ленин отзывался о работе т. Степанова об электрификации. Уже в первых строках своего предисловия к книге Степанова Ленин писал: «От всей души рекомендую настоящую книгу т. Степанова вниманию всех коммунистов». Далее Ленин писал: «Чего нам больше всего не хватает для настоящей (а не для чиновнически бездельной) работы по народному просвещению, — это именно вот таких «пособий для школ» (для всех, обязательно для всех школ вообще), как настоящее. Если бы все наши литераторы-марксисты вместо того, чтобы тратить свои силы на всем надоевшую газетную и журнальную политическую трескотню, засели за такие же пособия или учебники по всем без изъятия общественным вопросам, тогда мы бы не переживали такого позора, что почти пять лет спустя после завоевания политической власти пролетариатом, в его, пролетариата, государственных школах и университетах учат (вернее, развращают) молодежь старые буржуазные ученые старому буржуазному хламу». В нашу задачу не входит осветить вопрос, в какой мере указания Ленина выполнены. Укажем лишь, что, хотя мы сделали на этом участке немалые успехи, мы далеко еще не осуществили указания Ленина, и многое из того, что бичует Ленин, имеет место и поныне.

Книжка т. Степанова уже не отвечает современным задачам, сохранив лишь исторический интерес.

За этот промежуток времени достигнуты гигантские успехи в реализации ленинских идей электрификации. Казалось бы, что работы типа Степанова должны были значительно умножиться. Однако на книжном рынке мы можем найти целый

ряд монографий, посвященных отдельным исследованиям по экономике электрификации или электропромышленности САСШ, Германии или Франции, но не СССР.

Книга т. Пяртмана не охватывает всех проблем электрификации народного хозяйства, а посвящена вопросам энергетики.

Автор разбираемого здесь социально-экономического очерка т. Пяртман по образованию является инженером, что особенно важно для выполнения работы на такую тему, как электрификация.

Книга т. Пяртмана, как это явствует из названия, имеет своей целью осветить проблемы планового энергетического хозяйства СССР. Помимо предисловия и введения, где автор дает ряд общих замечаний, работа состоит из четырех основных глав:

1. Проекты единой высоковольтной сети. 2. Единая высоковольтная сеть будет создана только в Стране советов. 3. Перспективы плана единой высоковольтной сети в СССР. И наконец глава, в которой даются популярные сведения по высоковольтной линии электропередач.

Ближайшее знакомство с работой т. Пяртмана показывает, что автор далеко не справился с поставленной им задачей.

Достоинством этой работы является то, что автор пытается изложить в общедоступной форме задачи построения единого энергетического хозяйства, единой высоковольтной сети СССР в перспективе генерального плана. Если не считать малодоступных работ технических конференций (и в частности Всесоюзной конференции по высоковольтным передачам в Ленинграде) и 8 томов конференции по генплану электрификации, этот вопрос освещен в нашей литературе очень слабо. Однако, занявшись изложением этих задач, автор допускает существенные промахи и зачастую серьезные ошибки.

Само название брошюры т. Пяртмана явно претенциозно и не соответствует ее содержанию. Автор излагает в своей брошюре отнюдь не проблемы единого энергетического хозяйства, куда включаются и топливные проблемы, и теплофикация, и газофикация, и использование отходов и т. п., и даже не проблему единого электроэнергетического хозяйства. Он берется лишь за вопросы электроэнергетического хозяйства в аспекте единой высоковольтной сети. Далее, весь его подход в этом направлении, степень проработки и использования существующих материалов, глубина постановки отдельных вопросов, — стоят не на должной высоте. Сама постановка, в которой пытается разрешить вопрос о единой высоковольтной сети т. Пяртман, в настоящий момент, по меньшей мере, преждевременна. Одно дело — доказать преимущества планового электроэнергетического хозяйства в связи с ЕВС, и совершенно другое дело — преподнести этот вопрос в таком виде, как будто вся трактуемая проблема в разрезе генерального плана схематически (даже схематически) является уже решенной. Такой подход является преждевременным. Но об этом — ниже.

Первую главу своей брошюры автор посвящает анализу капиталистической электрификации в связи с потугами отдельных фирм и ополгетов капитала построить единое электроэнергетическое хозяйство отдельных стран и Европы в целом. Подход совершенно правильный. За последний десяток лет в этой области в капиталистических странах накопилась значительная литература и появился ряд проектов создания единого энергетического хозяйства Европы. Но этот материал использован автором далеко не достаточно. Автор ограничивается поверхностным описанием капиталистических планов. Не в достаточной степени анализируются те трудности и глубочайшие противоречия, на которые наталкивается электрификация в своем поступательном движении в капиталистических странах (стр. 19—20). Не вскрывается тот факт, что электрификация в целом и постройка единой высоковольтной сети в частности, рассчитанные на широкий охват всего народного хозяйства, необходимо затрагивают интересы сотен тысяч мелких собственников, что это в сильной степени усложняет, удорожает, затягивает, а местами и вовсе затрудняет создание ЕВС в капиталистических странах, как мы это видим на примере Англии и других стран (использование источников энергии, прокладка кабельной и воздушной сети, конкуренция отдельных мелких фирм и т. п.).

При проектировании единой высоковольтной сети в капиталистических странах, как правило, исходят из необходимости базирования этой сети на крупных источниках дешевой энергии и в частности гидроэнергии. В этой связи т. Пяртману следовало бы выявить борьбу старых капиталов за свое существование.

С другой стороны, осуществление такого плана поставило бы все другие отрасли в зависимость от диспетчерского пункта электрической монополии, которая вызвала бы решительную борьбу других групп капитала. Выгодность крупных электрических систем доказана давным давно. Однако против централизации электрического хозяйства, а тем более против попыток «плановой» электрификации ведется там решительная борьба. Это мы видим на примере САСШ и в

частности Пенсильвании. Известно, что в ряде своих выступлений пенсильванский губернатор Пинчат явился рупором этих взглядов.

Помимо того следовало бы еще вскрыть тот факт, что единое электроэнергетическое хозяйство в масштабе целых стран, а тем более стран европейского континента вне связи с общими перспективами всего народного хозяйства является бессмыслицей. С другой стороны, следовало бы этот вопрос связать с кризисом. При том положении вещей, когда громадные мощности электроэнергетической системы капиталистических стран не используются, спрашивается, какой же смысл в новых вложениях капитала? Все это т. Тьяртман обходит молчанием.

Во второй главе автор трактует главным образом вопрос о выполнении плана ГОЭЛРО, об успехах электрификации СССР. Нам кажется, что именно этот вопрос должен был стать центром тяжести всей работы. В самом деле, разве истекшие 12 лет электрификации дают мало материала и доказательств в области победы планового начала и его преимуществ в этой важнейшей области народного хозяйства? Неоспоримым фактом является то, что своей политикой плановой электрификации мы положили решительный конец той политике в области энергетики, которую т. Кржижановский еще в период ГОЭЛРО называл хищнической политикой «рассыпного строя». Политика кольцевания существующих станций, объединение под единой электрической крышей электроэнергетики промышленности важнейших районов, постройка целой серии мощных электростанций и сетей электропередач дала блестящие технические и экономические результаты. Совершенно несомненно, что этими успехами единого (планового) энергетического хозяйства — первым этапом электротехнической реконструкции и создания единой высоковольтной сети великолепно подчеркиваются преимущества нашей системы. Проследить на конкретных примерах эти достижения в связи с развитием и реконструкцией всего народного хозяйства (особенно промышленности), обобщить этот опыт, сделать из него основные выводы для периода второй пятилетки — вот чем нужно было заняться т. Пяртману, взявшемуся за обработку этой темы в направлении освещения главным образом проблем единой высоковольтной сети.

Изложение наших успехов, успехов создания единого электроэнергетического хозяйства у автора крайне куцое. Несмотря на то, что брошюра сдана в печать в самом конце 1932 г., итоги выполнения плана ГОЭЛРО по важнейшим районам автором почему-то даны лишь на 1 января 1931 г. Но ведь известно, что за последние два года нашей действительностью внесены в этом направлении ряд существенных «поправок». В данный момент такой методологически неверный подход не может не быть объясним недостаточным знакомством т. Пяртмана с материалами последних лет. В дальнейшем (стр. 29) он пытается исправить это характеристикой динамики общей мощности и роста выработки электроэнергии. Но это, разумеется, далеко не достаточно, ибо по ходу самого изложения требуется освещение вопроса об электрификации важнейших районов (в особенности Донбасса, Урала и других, ранее значительно отставших) к началу второй пятилетки.

Наряду с этим имеется в этой главе утверждение о том, что «Основной установкой плана ГОЭЛРО являлось использование местных топлив и водных сил» (стр. 23). Такое утверждение не соответствует действительности. Проблема использования местных топлив и водных сил являлась несомненно важнейшей установкой энергетической политики ГОЭЛРО. Но ведь план ГОЭЛРО является единым народнохозяйственным планом, ставящим задачу восстановления и реконструкции хозяйства страны на новейшей технической основе — на основе электрификации. Это неоднократно подчеркнуто в выступлениях Ленина и у самих авторов ГОЭЛРО.

Третья глава, посвященная автором перспективам единой высоковольтной сети, является для него очевидно центральной.

Эта часть работы носит и наиболее общий и вместе с тем наиболее конкретный характер. Общий характер заключается в том, что здесь делается попытка наметить картину единой высоковольтной линии передач по всему Союзу в целом и по районам. Конкретность же выражается в том, что автор определяет конкретные линии пресечения ЕВС, места строительства станций и видов топлива (всрнее, энергии), на которых последние должны базироваться. Но вся беда в том, что эта часть работы является описательной повестью о схеме единой высоковольтной сети без единого обоснования. Можно было привести множество примеров и заняться критикой отдельных частей схемы, но мы для иллюстрации ограничимся взятой нами наугад одной цитатой в качестве образчика рассуждений автора:

«Вокруг Нижнего создается кольцо из первой НИГРЭС, крупной новой теплоцентрали и Чорнореченской станции. Отсюда передача идет на восток, включает вторую НИГРЭС, Марийскую районную электростанцию и затем идет вдоль

Волги через угольную станцию к Казани и Ульяновску, к Ундоре и Кашниру (очевидно имеется в виду Кашпир), т. е. к сосредоточиям горючих сланцев. От Кашнира на восток идет кольцо сланцевых станций Общего сырта. Передача доходит до мощного узла, поворачивает к Донбассу, а передача меньшего напряжения доходит до Астрахани. Такова восточная часть европейского четырехугольника Москва — Нижний — Сталинград — Донбасс — Москва.

С запада на восток европейское кольцо перерезывается линией передачи, начинающейся в Западной области и доходящей до Волги. Крупные торфяные станции, доходящие до Западной области (Жарковская, Брянская, Комсановская и др.), должны быть обеспечены возможностью при нужде перебросить в этот район энергию извне. Передача идет от этого куста и, пересекая магистраль Москва — Харьков, смыкается с Центрально-черноземной областью. ЦЧО имеет все ресурсы для превращения в один из основных промышленных районов. Липецкий завод — это только начало. Несомненно недра этого края содержат богатства, к которым тяготеет и Донбасс. Эти перспективы индустриального развития сочетаются с с.-х. нагрузками, чрезвычайно важными для этого района. ЦЧО должен получить установки в Воронеже, Липецке (при заводе) и Богучарскую мощную районную станцию» и т. д. и т. п.

Так излагает автор на всем протяжении своей книги проблему единой высоковольтной сети. Но где же доказательства, что такая-то станция должна быть мощной, построена там-то, а ее энергия передается туда-то? Ведь таким образом можно с тем же успехом все наименования перефразировать в совершенно противоположном духе, дать другое направление сетям, другую мощность станциям, другую их географическую расстановку, и такая работа будет выглядеть одинаково убедительно, вернее — одинаково неубедительно. Ведь каждая такая линия, каждая станция, отдельные системы, транспортровка связующих их передач, — все это должно быть конкретно и детально обосновано, иначе — такие проекты теряют всякий смысл. Если же автор строит свою схему на основе других исследований, то, во-первых, необходимо это четко оговорить, указав источники и краткую суть их обоснований, экономического анализа в первую голову. Ни того, ни другого у т. Пяртмана нет.

Вместе с тем, говоря о перспективе плановой электрификации в генеральном плане, постройке ЕВС, автор не называет ни мощности станций и агрегатов, ни напряжения линий передач, ни чередований этих станций и передач во времени и в пространстве. А ведь элементарным методологическим требованием для такой работы должно быть определение перспектив развития всего народного хозяйства. Без этого ЕВС и ее составные элементы будут построены на песке.

Несомненно, что размер станций, размер линий передач, планировка передаваемой мощности, направление потоков электроэнергии как в районном, так и в союзном масштабе, — все это вопросы, которые базируются на совершенно определенных технических и главным образом экономических слагаемых, и должны быть обоснованы совершенно конкретно. В той мере, в какой автор мимоходом касается перспектив развития мощности станции в перспективе генерального плана, он базируется на материалах, далеко еще не апробированных в общегосударственном масштабе и к тому же относящихся к первоначальному периоду работы над этим вопросом (конференция по высоковольтным передачам, состоявшаяся в Ленинграде в начале 1931 г.). Так например, он исходит из того, что за период 1931—1938 гг. производство турбогенераторов даст в общей сложности не менее 47 млн. квт. К моменту, когда автор сдавал свою работу в печать, стало совершенно ясно, что эта цифра ничего общего не имеет с реальной действительностью. Последующая работа, а также целый ряд общепартийных решений показали, что эти первоначальные решения значительно преувеличены. Мы уже не будем говорить о тех прямых директивах, которые даны т. Сталиным в его последнем выступлении на январском пленуме ЦК партии. Странно, что автор нашел возможным выпустить свою работу в свет с подобной ошибочной ориентацией.

Автор на всем протяжении своей брошюры не занимается вопросами технической политики в области электрификации и вовсе не касается проблем внедрения электричества в отдельные сферы производства. На стр. 57—61 он говорит лишь о сравнительной выгоде электронного транспорта перед колесным. Приводя сравнительные данные, позаимствованные у т. Русаковского, о выгоде перевозки топлива различными способами (электропередачей — 4,7 руб. за 1 т, по железной дороге — 5,5 руб. и по электрифицированной ж. д. — 4,5 руб.), он справедливо замечает, что вопрос не решается простым сопоставлением стоимости транспортировки разными способами, что нужен учет ряда других факторов. Но это свое указание он по существу ничем не подкрепляет. Он делает лишь одно существенное указание о необходимости учета водного фактора, но вместе с тем это указание сделано настолько туманно, что неизвестно, в пользу чего говорит

это его замечание. А ведь следовало бы совершенно ясно подчеркнуть, что водный фактор говорит в пользу электрифицированного транспорта. В этом месте (стр. 59) автору следовало бы вскрыть то положение, что электрифицированный транспорт (не говоря уже о его преимуществах перед паровым) не может быть противопоставлен электричному, ибо эти два вида транспорта по существу друг друга дополняют, являясь двумя сторонами одного и того же процесса, опираясь на один технический базис, сопутствуя друг другу. Но этим нельзя ограничиться. Мало сказать, что электрифицированный ж.-д. транспорт выступает одновременно и как электронный (что несомненно отражается положительно на слагаемых перевозки). Сравнение данных о себестоимости тонны перевозки по общепринятому методу выявляет преимущества электрифицированного транспорта перед паровым далеко не в полной мере. Есть целый ряд факторов, крайне важных по своему экономическому значению, которые вовсе не входят или не помещаются в рубрики современных сравнительных калькуляций.

Правильный учет этих факторов зачастую может играть решающее значение в области определения технической политики на нашем транспорте, в области решения проблемы реконструкции ж.-д. транспорта в перспективном плане. Электрификация магистрального ж.-д. транспорта означает создание наиболее современного колесного транспорта, приспособленного для освоения массовых потоков грузов, все более увеличивающихся как следствие социалистической индустриализации. Наряду с этим фактом достигается ускорение как производственного цикла, так и процесса обращения в его целом. С другой стороны, этим путем транспорт, его энергетика становятся составной частью общей электроэнергетической системы страны, что также имеет немаловажные экономические результаты. Помимо того мы при этом получаем такие качественные и количественные результаты, как рационализация грузооборота, выключение значительных количеств топливных грузов за счет передачи электронного транспорта, а следовательно и увеличения пропускной способности других грузовых потоков и перевозочных возможностей в целом, экономия на топливе и т. п. Проведение же электрификации важнейших магистралей, а в перспективе генплана большинства железных дорог создает гигантские возможности для электрификации широкой полосы вдоль железной дороги, что в свою очередь умножает наши возможности в деле реконструкции народного хозяйства на базе электрификации в целом. Таков самый краткий перечень вопросов в этом направлении.

Ставить вопрос о едином энергетическом хозяйстве в перспективе генплана и не коснуться указанных нами проблем, — значит отказать от постановки и понимания важности трактуемого вопроса.

Как мы это показали на отдельных примерах, брошюра не блещет принципиально теоретическим освещением проблемы. Отдельные общетеоретические и принципиальные замечания даны лишь в предисловии и введении (проблема размещения, город и деревня и т. п.), причем они далеко не во всех случаях достаточно четки, а в отношении определения роли электрификации автор явно сбивается. Так например, на стр. 4 автор считает, что «ведущая роль в завершении технической реконструкции принадлежит советскому машиностроению», а на стр. 62, где речь идет о том же перспективном плане, он пишет, что «электрификация страны является ведущим началом в деле развития народного хозяйства СССР», что, как известно, идет вразрез с указаниями XVII партконференции.

В последней части брошюры в небольшой главе автор «коснулся» проблемы нагрузок. Мы говорим «коснулся», беря это понятие в кавычки. Этой важной проблеме посвящена одна страница общих замечаний и малозначащих фраз. Было бы с полбеды, если бы автор этим ограничился, но автор приводит таблицу с указанием числа часов использования мощности электрических станций в различных странах. Эта таблица дает совершенно неверную искаженную картину использования мощности электростанций и доказывает, не более и не менее как то, что социалистическая электрификация уступает капиталистической. На самом деле, по т. Пяртману, в этом отношении СССР стоит позади Норвегии (5 060 ч.), Канады, Швейцарии, Японии, САСШ, Франции и даже Швеции (2 861 ч.). А вместе с тем широкому читателю нашей прессы известно, что это не так (см. работы т. Вейца, нашу статью в журнале «Большевик» № 13 и 14 за 1930 г., статью т. Г. М. Кржижановского в № 22 за 1932 г.).

Тов. Пяртман не указывает ни источника этой злосчастной таблицы, ни того, к какому году она относится. Но одно несомненно, что это типично апологетический документ. Прежде всего укажем, что совершенно неправильно сравнивать страны так называемого белого угля (например Канада или Норвегия, обладающие гидравлическими станциями со специальными вокруг их электрическими потребителями) со странами, базирующими свою электроэнергетику главным образом на источниках топлива. Во-первых, укажем, что автор приводит не совсем точные данные на этот счет. Трудно судить точно о содержании ошибок его таблицы, поскольку

ку неизвестен ее источник. Но нам думается, что автор сравнивает среднегодовую выработку всех станций СССР со средними данными станций общего пользования капиталистических стран, что в корне ошибочно. Если же мы возьмем сравнимые данные по станциям общего пользования, то нижеследующие данные за 1929—1930 гг. дают достаточно наглядную картину СССР: по районным станциям — 42% годового использования, а по станциям общего пользования — 39,5. Те же данные (по станциям общего пользования) дают: по Англии только 21,2%, по Германии — 25, по Франции — 18, по Италии — 28,5, по Бельгии — 28,3, а лишь по Японии и САСШ этот процент доходит до 35. Таким образом мы видим, что по этому важнейшему показателю мы значительно опередили так называемые передовые капиталистические страны, в период кризиса этот контраст еще более углубился. В этом свете политическая ошибочность установки т. Пяртмана более чем очевидна.

Наряду с этими основными недочетами книги имеется целый ряд других второстепенных погрешностей и ряд довольно спорных утверждений. Так например, на стр. 26 автор пишет довольно категорически, что «сейчас с необходимо ориентироваться на протяжение в 400 тыс. вольт и выше».

На стр. 47 указывается, что запасы торфа на Урале составляют 3 млн. т, когда на самом деле максимальный запас торфа, пригодного для энергетического использования, составляет 128 млн. т, а по более полным данным эта цифра увеличивается в три раза.

По электропромышленности даны крайне отрывочные и недостаточные данные о наших достижениях и еще менее о наших задачах.

Вывод напрашивается сам собой. Мы считаем работу т. Пяртмана неудачной, содержащей ряд ошибок, требующей коренной переработки и значительно более углубленной постановки вопросов.

„ЭКОНОМИКА СОВЕТСКОЙ ТОРГОВЛИ“

Учебное пособие для вузов и втузов под редакцией Л. ГАТОВСКОГО, Г. НЕЙМАНА, В. НОДЕЛЯ. Институт экономики Комкадемии, Соцэкиз, Москва, 1933 г., стр. 333, цена 3 руб.

Рецензируемая работа является результатом одной из первых попыток создания учебного пособия по экономике советской торговли. До сих пор мы не имеем ни учебника по экономике советской торговли, ни достаточного количества исследовательских работ по ее отдельным вопросам. Теоретические обобщения опыта советской торговли, содержащиеся в решениях партии и выступлениях т. Сталина, не получают значительного конкретного развития в исследовательских работах научных учреждений. Поэтому данная работа представляет исключительный интерес в силу ее практической значимости, поскольку в результате изучения предмета по данному пособию учащиеся должны приобрести теоретические знания и знание практики советской торговли.

Справились ли авторы с поставленной задачей?

Глава I — «Сущность советской торговли» — представляет теоретическое введение в предмет экономики советской торговли. Автор т. Гатовский начинает с указания, что «основой развития советской экономики является диктатура пролетариата, осуществляющего под руководством ленинской партии народнохозяйственный план построения социализма в союзе с трудящимся крестьянством и в борьбе с капиталистическими элементами. Отсюда вытекает особый характер торговли в СССР, особый характер торговли современного этапа — советской торговли «без капиталистов — малых и больших» (стр. 7).

Автор однако совершенно недостаточно внимательно уделяет укладам переходной экономики и анализу торговли по этапам.

«Социалистическое расширение воспроизводства в условиях переходного периода, — говорит т. Гатовский, — в том числе и на последнем этапе этапа, требует обращения общественного продукта, смены его товарной и денежной формы. Товарная продукция социалистических предприятий должна быть реализована, продана. Деньги, полученные за эту товарную продукцию, в свою очередь должны быть вновь превращены в товар, должны быть куплены средства производства и продукты личного потребления рабочих. Однако этот кругооборот представляет собой не кругооборот капитала, а кругооборот общественного продукта социалистических предприятий, выраженный в товарно-денежной форме» (стр. 7). Автор правильно отмечает, что в этом кругообороте отсутствует реализация стоимости и прибавочной стоимости. Принципиальное отличие социалистического производства от капиталистического снимает проблему капиталистической реализации продукции. «Реализация» в условиях советской экономики принципиально отличается от условий капиталистической экономики, потрясаемой периодическими кризисами. Социалистический способ воспроизводства не знает кризиса сбыта. Советская торговля — орудие пролетарской диктатуры — представляет собой организованную торговлю. Это значит, что в советской торговле выражается плановый характер воспроизводства в СССР. Движимым мотивом капиталистических торговых предприятий является прибыль, нажива. Советская торговля представляет собой плановую форму распределения растущей социалистической продукции, орудие повышения материального уровня жизни трудящихся. Следовательно в советской торговле выражается плановое сочетание производства, распределения и потребления.

Поскольку советская торговля осуществляет кругооборот общественного продукта социалистических предприятий, аппарат советской торговли занимается и функциями продолжения производства в обращении (транспорт, хранение, сортировка, упаковка и т. д.). Наши торговые организации занимаются также и непосредственным производством (огороды, совхозы, свиноводники, крольчатники, предприятия общественного питания и т. д.). Все это не означает, что тем самым стираются границы между сферой обращения и сферой производства. Диктатура пролетариата устанавливает в пользу социализма и в ущерб капитализму определенное распределение средств производства, которое обуславливает в свою очередь определенное распределение средств личного потребления. Диктатура пролетариата при этом пускает в ход всю систему финансовых рычагов, которые

приводят к существенным изменениям в системе распределения (налоги, льготы, финансирование и т. д.). В результате устанавливается известное распределение денег как средства накопления и потребления в ущерб капитализму и в пользу социализма. Система советской торговли, через которую «реализуется» превращение денег в товар, вносит целый ряд существенных изменений для разных классов, групп и категорий населения. Так, одна и та же сумма денег в руках индустриального рабочего превращается в большую массу потребительных благ, чем деньги у других категорий населения. Диктатура пролетариата, которая держит в своих руках рычаги всего народного хозяйства, определяет и развитие производства и развитие спроса. План распределения товарных масс по районам, по торговой системе, между городом и селом, по целевому назначению, планирование цен, прибыли и т. д., — все это представляет собой моменты единого народнохозяйственного плана.

Автор приводит ряд данных, показывающих паразитический характер загнивающего капитализма, сказывающийся особенно в огромном раздувании издержек обращения. Для советских торговых предприятий государство пролетарской диктатуры устанавливает планом цены и уровень наценок, прибыли и издержек обращения. Конкуренция, характерная для капиталистической торговли, в СССР заменяется социалистическим соревнованием различных торговых систем и предприятий в интересах лучшего выполнения торгфинплана, лучшего обслуживания потребителя. Вместо капиталистической рекламы в СССР организуется тщательная и добросовестная информация потребителя о наличии ассортимента товара, о способе его приобретения, причем эта информация ведется не в интересах капиталистической наживы, а в интересах самого потребителя. В советской торговле нет эксплуатации рабочих и служащих; их рабочая сила не является товаром. Труд торговых служащих направлен на выполнение функций обслуживающего социалистического расширенного воспроизводства.

Торговый капитал содействовал и содействует разложению ремесленничества, обнищанию крестьянского хозяйства, его пауперизации и пролетаризации. Автор правильно подчеркивает, что диаметрально противоположную роль играет в отношении мелкого товаропроизводителя советская торговля, являющаяся одним из орудий уничтожения противоположности между городом и деревней.

Выяснив таким образом сущность советской торговли и ее коренное отличие от капиталистической торговли, автор переходит к анализу функций советской торговли. Здесь он подчеркивает, что если функции капиталистической торговли являются стихийными, осуществляя задачи капитала, то функции советской торговли являются организованным осуществлением задач, заранее намеченных пролетарской диктатурой. К этим функциям он относит:

1. Функции обслуживания смычки города и деревни.
2. Функции, осуществляющие систему распределения народного дохода, проводимую пролетарской диктатурой.
3. Функции по активному воздействию на производство в сторону максимального его приближения к спросу потребителя.
4. Функции, непосредственно направленные на ускорение всего кругооборота общественного продукта, на рост социалистического накопления.
5. Кроме того торговые организации имеют функции борьбы с капиталистической торговлей, с частником и капиталистическими элементами производства.
6. Функции активного формирования потребительского спроса путем планового внедрения соответствующих продуктов, соответствующего ассортимента, вытеснения других продуктов в интересах роста материального и культурного уровня трудящихся, борьбы с предрассудками, отсталостью, в частности на национальных окраинах и т. д.
7. Функции непосредственного производства — по дополнительному производству главным образом продовольственных продуктов (огороды, животноводческие фермы, предприятия по первичной переработке и т. д.).

Автор подчеркивает, что перечисленные выше функции теснейшим образом переплетаются между собой, что их нужно рассматривать в едином комплексе, в постоянном переходе одной в другую. Выполнение каждой из этих функций требует неустанной борьбы с буржуазными тенденциями всего аппарата советской торговли, борьбы с бюрократическим «нэпманским духом» и «тенденциями к механическому распределению».

Такова роль советской торговли в процессе социалистического расширенного воспроизводства. Автор подчеркивает, что советский товарооборот в конечном счете при полном социалистическом обществе будет заменен прямым социалистическим распределением. Перескакивания через необходимые предпосылки для этого перехода дало бы весьма отрицательные результаты, о чем свидетельствуют последствия попыток «левых» загибщиков перейти к прямому распределению и прямому продуктообмену в условиях 1930—1931 гг.

Мы видим, что первая функция обслуживания смычки города с деревней выводит автора за пределы анализа товарной формы движения продукта последовательно социалистических и социалистических предприятий, поскольку в деревне и сейчас существуют хозяйства крестьян-единоличников. Однако, теоретически анализируя товарную форму движения продукта в СССР, автор по существу ограничивается лишь анализом характера товара и денег, функционирующих в наших социалистических предприятиях. Таким образом автор по существу не анализирует природы товарной формы в единоличном хозяйстве. Это несомненно является недостатком главы. Автор правильно указывает, что за товарно-денежной формой производства в последовательно социалистических предприятиях (купля, продажа, деньги, зарплата) скрывается собственность государства пролетарской диктатуры на средства производства, социалистическое обобществление производства, отсутствие купли и продажи рабсилы, социалистическая организация оплаты труда, непосредственный общественный характер труда, накопление, идущее исключительно по социалистическому руслу. Он обращает внимание на различия, вытекающие из отношений между госпредприятиями и их работниками, госпредприятиями и колхозниками, госпредприятиями и трудящимися-единоличниками и т. д. Приводя указания Ленина, что продукт, производимый в госпредприятии, «уже не есть товар в политико-экономическом смысле, — перестает быть товаром» (Ленин) и что продукт госпредприятий пока не является продуктом, идущим на общественное потребление не через рынок, автор подчеркивает, что товарно-денежная форма, используемая нашими социалистическими предприятиями, не является капиталистической или мелко-товарной формой. Она — «форма осуществления социалистического расширенного производства в условиях переходного периода» (стр. 19).

Недостатком главы является то, что он по существу обходит вопрос о том, что же представляет товарная форма движения продуктов в мелко-товарном секторе.

Проанализировав вопрос об условиях перехода к прямому социалистическому распределению, автор резко подчеркивает, что в перспективе второй пятилетки речь идет не только не о сокращении советской торговли и ликвидации системы контроля рублем, но о необходимости дальнейшего развертывания системы советской торговли, дальнейшего укрепления рубля и хозрасчета.

Далее, т. Гатовский в общих чертах анализирует процесс развертывания торговли, начиная с черного периода после Октябрьской революции. Особый отдел посвящен критике антиленинских установок в теории и практике торговли в СССР. Несмотря на указанный недостаток, глава т. Гатовского дает полное представление о сущности и функциях, а также о задачах и перспективах советской торговли.

В главе II — «Торговля в СССР на различных этапах развития народного хозяйства» — обстоятельнейшим образом анализируется процесс развития товарно-обращения в СССР, на различных этапах. Правда, начинается эта глава с повторения того, что содержится в работе т. Гатовского относительно сущности капиталистической и социалистической систем хозяйства, капиталистической и советской торговли. Автор главы т. Нейман, так же как и т. Гатовский, подчеркивает, что торговля и деньги, являющиеся в условиях капитализма инструментом буржуазии, в условиях пролетарской диктатуры принципиальным образом изменяют свое назначение, превращаясь в мощное орудие пролетарской диктатуры и играя громадную роль в деле построения социализма, в борьбе с капитализмом. Оба автора приводят данные относительно чудовищных издержек капиталистического обращения. Дополнительно к критике взглядов буржуазных экономистов, данной в I главе, т. Нейман подвергает критике взгляды буржуазного экономиста-вредителя Фишгендлера.

После этого дублирования содержания I главы т. Нейман переходит к анализу характера торговли в СССР в период до нэпа, затем — к развитию торговли в восстановительный период. Фактами и богатейшим цифровым материалом т. Нейман показывает, как государство пролетарской диктатуры овладевало деньгами и торговлей — этим оружием буржуазии — и действовало этим оружием в пользу социализма, в ущерб капитализму. Развитие оптовых оборотов за период 1923/24—1926/27 гг. представляется в следующем виде (в миллионах рублей):

Г о д ы	У д е л ь н ы й в е с с е к т о р о в			
	государствен- ный	коопера- тивный	частный	всего
1923/24	49,9	32,0	18,1	100
1924/25	52,9	38,6	8,5	100
1925/26	49,5	42,6	7,9	100
1926/27	45,9	49,3	4,8	100

Таким образом задача овладения торговлей и вытеснения частного капитала была успешно осуществлена к концу восстановительного периода. Поэтому на XV съезде партии т. Сталин сделал вывод, что проблема «кто — кого» в области товарооборота решена в пользу социализма. Подводя итоги восстановительному периоду в области товарооборота, XV съезд партии подчеркнул в резолюции: «Если в начале новой экономической политики ... в области товарооборота государственные и кооперативные органы сами прибегали к частному посредничеству, а частный капитал, имея все преимущества быстрого оборота, играл относительно крупную роль, то на пороге перехода от восстановительного к реконструктивному периоду... государственная и кооперативная торговля обнимает собой подавляющую часть общего товарооборота... Обобществленный сектор обращения, расширяясь за счет вытеснения частного капитала, внес плановое начало в сферу товарооборота путем рационализации торговой сети, максимального сокращения непроизводительных затрат в сфере обмена, закрепил все громадные экономические преимущества новой социальной системы распределения».

Далее т. Нейман анализирует процесс развития товарооборота в условиях вступления в реконструктивный период и подводит основные итоги пятилетке в области товарооборота. Сравнивая фактический размер розничного товарооборота с наметками пятилетнего плана, т. Нейман выявляет картину значительного превышения фактического выполнения по сравнению с плановыми наметками по товарообороту. Пятилеткой намечался на 1928/29 г. объем розничного товарооборота обобществленного сектора в размере 10,7 млрд. руб. Фактически же розничный товарооборот обобществленного сектора составлял около 14 млрд. руб. В 1929/30 г. розничный товарооборот обобществленного сектора составлял 16,5 млрд. руб. против 12,3 млрд. руб. по пятилетке. Более резкое превышение фактического выполнения наметки оптимального варианта пятилетки дает 1931 г., когда товарооборот составлял около 25 млрд. руб. вместо 14,5 млрд. руб. по плану.

Еще в большей степени превышены наметки оптимального варианта пятилетнего плана в части темпов вытеснения частной торговли.

Изменение удельного веса отдельных торгующих систем в розничном товарообороте характеризуется следующими данными в процентах ко всему товарообороту:

	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1931 г.	1932 предв.
Весь оборот					
Госторговля	14,9	17,4	24,9	26,7	36,4
Кооперация	60,3	66,5	75,1	73,3	63,6
Городской оборот					
Госторговля	18,2	20,6	28,5	30,7	39,0
Кооперация	53,6	60,8	71,5	69,5	61,0
Сельский оборот					
Госторговля	7,6	10,3	18,3	18,6	31,1
Кооперация	75,5	79,2	81,7	82,4	68,9

Место вытесненных из товарооборота частных торговцев заняла сеть государственной и кооперативной торговли.

Особенно обстоятельно анализируется развитие торговли на современном этапе. Решающие количественные и качественные сдвиги в экономике страны за годы первой пятилетки обусловили коренные изменения в сфере обращения, непрерывный рост объема товарооборота и «подняли торговую форму смычки на новую, более высокую ступень, на такую ступень советской торговли, когда обеспечено как в городе, так и в деревне господствующее положение государственной, кооперативной, а также колхозной торговли и ведется систематическая борьба за искоренение спекуляции в торговле» (из резолюции январского пленума ЦК и ЦКК 1933 г.).

Если для начальной стадии нэпа характерна торговля с известным допущением частнокапиталистических элементов, то на современном этапе советская торговля предполагает искоренение частнокапиталистических элементов в торговле. Тов. Сталин это принципиальное изменение содержания торговли в СССР выра-

зил таким образом: «Если торговля на первой стадии нэпа допускала оживление капитализма и функционирование частнокапиталистического сектора в товарообороте, то советская торговля исходит из отрицания как того, так и другого. Что такое советская торговля? Советская торговля есть торговля без капиталистов — малых и больших — торговля без спекулянтов — малых и больших, — это особого рода торговля, которой не знала до сих пор история и которую практикуем только мы, большевики, в условиях советского развития».

Советская торговля на современном этапе отражает крупнейшие успехи социалистического обобществления производства, абсолютное преобладание социалистических элементов во всем народном хозяйстве.

Нестъемлемой частью советской торговли на данном этапе является расширение круга объектов советской торговли, развертывание торговли колхозов, колхозников и единоличников, а также и торговли кустарно-промысловой кооперации и торговых объединений промышленности. В докладе об итогах пятилетки т. Сталин сказал: «Производственная смычка между городом и деревней есть основная форма смычки. Но одной лишь производственной смычки недостаточно, ее надо дополнить смычкой товарной, для того чтобы связь между городом и деревней стала прочной и неразрывной. Этого можно добиться лишь через развертывание советской торговли. Было бы неправильно думать, что советскую торговлю можно развернуть через какой-либо один канал, например через кооперацию. Для развертывания советской торговли необходимо использовать все каналы: кооперативную сеть и государственно-торговую сеть, и колхозную торговлю».

Значительные изменения характеризуют советскую торговлю на данном этапе и по линии планирования. Мы имеем повышение руководящей роли плана пролетарской диктатуры в определении движения товарных потоков и усиления оперативности планирования советской торговли. Планирование товарооборота стало более глубоким и всесторонним, методы и техника планирования — более совершенными. Основными элементами плана советской торговли являются товарооборот (фонды, объем, структура и т. д.), материально-техническая база (план капитального строительства, план развертывания торговой и розничной сети и т. д.), издержки обращения, цены, финансовый план торговли, план заготовок с. х. продуктов, план снабжения пром- и продовольствия, труд и кадры в торговле.

Автор помещает материал, ориентирующий читателя в вопросах практики планирования товарооборота и практики регулирования торговли. В результате чтения этой главы получается полное представление как о содержании этапов развития торговли в переходный период в СССР, так и об основных задачах советской торговли на современном этапе.

Глава III — «Централизованные заготовки» — знакомит читателя с системой государственных заготовок на всем протяжении существования пролетарского государства, причем главное внимание уделяется заготовкам предметов питания, второстепенное — заготовкам сырья для промышленности. Автор правильно указывает, что объем, характер и метод заготовок (продразверстка, продналог, товарообмен, развернутые заготовки в порядке купли-продажи, система контрактации, обязательные поставки, имеющие силу налога, и т. д.) целиком и полностью определялись линией партии применительно к данным условиям, данной обстановке, соотношением классовых сил, системой взаимоотношений между пролетариатом и основными массами крестьянства.

Автор этой главы т. Балабанов тоже дублирует содержание предыдущей главы в части общего освещения политики партии после Октября, в период военного коммунизма и нэпа. Автор приводит цифры заготовок, начиная с 1917/18 г. (тогда было заготовлено всего 45 млн. пуд. хлеба) и вплоть до 1931 г., когда было заготовлено 1 400 млн. пуд. хлеба. Соответственно по остальным годам: 1918/19 — 108 млн. пуд. хлеба, 1919/20 — 2 212 млн. пуд., 1921/22 — 6,6 млн. пуд., 1926/27 — 644 млн. пуд. Такие же данные приводятся по основным техническим культурам.

В заключение автор анализирует характер заготовок в 1933 г., в котором обязательные поставки, имеющие силу налога, являются важнейшей формой заготовок. Автор правильно анализирует различие между поставками, имеющими силу налога в 1933 г., и хлебозаготовками предыдущих лет. Однако он не уделяет достаточного внимания вопросам рыночных заготовок продуктов кооперацией. Его статья «Государственные заготовки» в основном посвящена анализу форм и методов заготовки преимущественно продуктов питания на протяжении всей истории нашей революции.

Глава IV — «Колхозная торговля» — начинается с анализа природы колхозной торговли. Тов. Ноделъ критикует некоторых теоретиков, которые пытались толковать, будто до 1932 г. торговля колхозникам и крестьянам-единоличникам была запрещена. Еще 10 марта 1932 г. ЦК ВКП(б) специально указал: «Проводя кон-

триктацию сельскохозяйственной продукции, не допускать закрытия рынков, восстановить базары, не стеснять продажи и в частности колхозниками своих продуктов на рынке».

Однако возможности для широкого развертывания колхозной торговли накапливались постепенно. Сейчас они настолько выросли, что нет района в Советской стране, где колхозы и колхозники, используя свои ресурсы, не могли бы развернуть колхозную торговлю, причем широкое развитие колхозной торговли теснейшим образом связано с реализацией лозунга т. Сталина — сделать всех колхозников зажиточными.

Колхозная торговля должна быть организована, а не предоставлена самотеку. Равным образом должно быть усилено плановое руководство борьбой за советские цены, складывающиеся на рынке, ибо цены эти не есть цены спекулятивного рынка, а являются также советскими ценами.

В некоторой мере т. Нодель дублирует содержание предыдущей главы, говоря о централизованных заготовках (см. стр. 162). Однако автор правильно указывает, что централизованные заготовки, являясь важнейшей формой связи между социалистической промышленностью и колхозным производством, содействуют росту товарности, помогают лучше наладить процесс производства, стимулируют развертывание самой колхозной торговли.

Автор знакомит читателя с методами руководства процессом борьбы за советские цены, складывающиеся на рынке, с работой конвенционных бюро, с методами борьбы против спекулятивных элементов. Далее он знакомит читателя с фирмами централизованных заготовок и ярмарочной торговлей главным образом пищевыми продуктами.

Глава V — «Организация рабочего снабжения» — начинается с анализа роли победы пролетарской сознательной дисциплинированности над стихийной мелкобуржуазной анархией, роли борьбы за повышение производительности труда до уровня, соответствующего социалистическому способу производства. «Кто не работает — тот не ест». «От каждого — по способности, каждому — по работе». Автор указывает, как партия во главе с Лениным и Сталиным боролась и борется против уравниловки с первого дня захвата власти. Борьба за установление действительного социалистического контроля над мерой труда и мерой потребления протекала в различных формах на первом этапе революции, когда остро стоял вопрос о сохранении рабочего класса, и в последующий период после выхода из гражданской войны, когда со всей остротой был поставлен вопрос о системе снабжения и ликвидации уравниловки в распределении продуктов.

Особенно обстоятельно анализирует автор формы рабочего снабжения в настоящий период (через ЗРК, ОРС). Читатель получает полное представление о формах рабочего снабжения, осуществляемого как за счет централизованных фондов, так и путем децентрализованных заготовок, а также развития подсобных хозяйств, ОРС и ЗРК.

Тов. Нодель указывает, что дальнейший рост количества продуктов, подлежащих распределению, даст возможность отказаться от системы нормирования и централизованного распределения, что эта задача будет осуществляться развернутой советской торговлей.

Глава VI — «Потребительский спрос и его изучение» — начинается с анализа задач изучения потребления и потребительского спроса в советском хозяйстве. Автор указывает, что процесс капиталистического накопления сопровождается абсолютным и относительным ухудшением материального положения рабочих. В условиях же СССР результатом расширенного воспроизводства является непрерывный рост материального благосостояния, расширение потребления трудящихся масс. Следовательно социалистическое накопление нельзя противопоставлять потреблению, ибо рост накопления предполагает и рост потребления.

«Рост обобщественного сектора, — говорит т. Сталин, — означает прежде всего сокращение эксплуататорских элементов города и деревни, падение их удельного веса в народном хозяйстве... При росте обобщественного сектора часть народного дохода, шедшая до сих пор для кормления эксплуататорских классов и их челяди, должна остаться отныне в самом производстве — на расширение производства, на постройку новых фабрик и заводов, на улучшение быта трудящихся».

Отсутствие антагонистических отношений между производством и потреблением в советском хозяйстве отнюдь не исключает наличия некоторых противоречий между ними.

Таким образом социалистический способ производства, обуславливая характер обращения, в свою очередь испытывает воздействие со стороны рынка в переходный период. На конкретных примерах т. Лифиц показывает влияние полити-

ки индустриализации и коллективизации сельского хозяйства на характер общественных потребностей, на потребительский спрос. Замена домашней кухни фабрикой-кухней ведет к возникновению машиностроения для пищевой индустрии. Следовательно новая форма потребления также влияет на производство. Колхозное производство вызывает к жизни потребность в общественном питании колхозников. Следовательно вызывает потребность в горшках не в 3—4 литра, достаточных для индивидуальной крестьянской семьи, а в 25—30 литров, необходимых для колхозной бригады.

Победа социалистического способа производства обусловила изменение потребительского спроса в СССР, о чем совершенно правильно говорит автор в первой части своей статьи. Однако заканчивает он ее следующим образом: «Принцип рациональности потребления сочетает, с одной стороны, положительные стороны потребности, вкуса, привычек населения того или иного хозяйственного комплекса, являющегося результатом наложения целого ряда факторов политического, экономического и бытового характера, с другой стороны, моменты революционной ломки, имеющих место отрицательных явлений потребления, и, в-третьих, активное внедрение новых качественных сторон потребления, и в этом заключается одно из творческих проявлений производства, создающего не только объекты потребления, но и потребителя» (стр. 214).

Следовательно наряду с правильными мыслями у автора появились «рациональное потребление» и «хозяйственные комплексы» в качестве результатов наложения целого ряда факторов, а не результата преобразования патриархального и мелко-товарного производства, победы социалистического способа производства и разгрома капиталистических элементов.

Далее автор переходит к освещению методов изучения потребительского спроса. «Изучение потребительского спроса отнюдь не является задачей одного только звена торговой системы, а выступает как составная, органическая часть работы всего товаропроводящего аппарата снизу доверху, имея свои специфические особенности в опте и рознице» (стр. 214). Так ставит вопрос автор.

Далее следует описание практически применявшихся методов изучения потребительского спроса. Здесь есть и система открытых писем-анкет и богатый материал заказов потребителя при системе целевых авансов, и система заказов на индивидуальную пошивку одежды и обуви, и метод созыва конференций потребителей, и бюджетные данные, и данные о населении, и данные о сезонности производства и т. д. Однако автор не использовал имеющего большое значение указания Энгельса о методах учета потребительского спроса, хотя выдержка из статьи Энгельса приведена в главе IX, стр. 295.

«В разумно организованном обществе, — говорит Энгельс, — ...подобно тому, как легко узнать, сколько отдельная колония потребляет хлопка или хлопчатобумажных фабрикатов... подобно этому легко будет центральному управлению узнать, сколько потребляют все местности и общины страны. Если такая статистика будет организована, что легко может быть выполнено в один или два года, то средняя величина ежегодного потребления будет изменяться пропорционально росту населения, поэтому легко в надлежащее время заранее определить, какое количество каждого отдельного товара потребует для удовлетворения потребностей народа. Все большее количество его будет заказывать прямо на месте, их можно будет получать прямо без посредников, без других перегрузок и издержек, кроме тех, которые действительно вытекают из природы обращения...».

При таком подходе чрезвычайно ценные конкретные приемы, о которых говорит автор, могли бы дать действительно ценный результат. Эта задача, задача учета потребительского спроса, учета размера потребностей как для производственного, так и для индивидуального потребления, чрезвычайно важна для планирования покрытия этих потребностей в ходе социалистического воспроизводства. Поэтому естественно она является делом не только торгующих организаций, как это говорит автор, но делом всех органов пролетарской диктатуры с переложением центра тяжести в этой работе на органы советской торговли, непосредственно сталкивающиеся с советскими потребителями.

Глава VII — «Организация труда в советской торговле» — начинается с характеристики труда торговых служащих в капиталистическом обществе. Автор приводит чрезвычайно яркие примеры, характеризующие «царство тьмы и эксплуатации» торговых служащих в царской России и капиталистических странах, а также подвергает критике ревизионистские воззрения, рассматривающие труд торговых служащих как труд производительный, имеющий такой же характер, как и труд рабочего, создающего потребительную стоимость, стоимость и прибавочную стоимость. Труд, применяемый в социалистическом секторе народного хозяйства, является социалистическим трудом. Однако между трудом, затрачен-

ным в сфере материального социалистического производства, и трудом торгового служащего социалистического торгового предприятия имеется то различие, что труд рабочего создает материальные социалистические ценности, а труд торгового служащего, являясь общественнополезным трудом, непосредственно этих потребительных ценностей не создает. Следовательно пролетариат кровно заинтересован в том, чтобы при наилучшем обслуживании потребителя возможно меньшая доля труда приходилась на сферу обращения, поскольку затрата на этот вид труда является вычетом из совокупного общественного производимого труда.

Тов. Печатников подвергает критике оппортунистические извращения в организации труда торговых служащих, которые выражались на практике в обезличке и уравниловке в оплате труда, слабом развертывании социалистических форм труда, слабой борьбе за рационализацию трудовых процессов и механизацию труда в торговле, в отказе от применения различных форм сдельной оплаты труда, в отказе увязывать вопрос зарплаты с количеством труда, затраченного торговым служащим, в недооценке роли труда торговых работников. Автор правильно подчеркивает, что шесть условий т. Сталина имеют исключительное значение для руководства и организации труда в торговле.

Он показывает, как должна проходить перестройка форм организации труда в торговых предприятиях (ликвидация текучести рабочей силы в торговом аппарате, перестройка системы оплаты труда торговых служащих, развитие социалистических форм организации труда в советской торговле, ликвидация обезлички в руководстве работой каждого торгового служащего, борьба за правильную расстановку торговых работников в торговом аппарате, внедрение и укрепление хозрасчета в советской торговле).

Правильное освещение проблемы, богатый фактический материал, дающий читателю возможность познакомиться с действительным положением в этой области, заканчивается однако срывом в сторону переложения центра тяжести борьбы за нормирование труда на плечи общественности и квалифицированных кадров нормировщиков. Следовательно не подчеркнута особая ответственность руководителей торговых организаций в деле нормирования труда торговых служащих.

В главе VIII—«Организация товародвижения»—автор на конкретных примерах показывает огромные издержки товародвижения в условиях капитализма, являющиеся естественным результатом анархии производства. Он приводит ряд данных, характеризующих проблему товародвижения, начиная от капиталистической фабрики и до села в дореволюционный период в России. Многозвенность, встречные перевозки — наиболее характерные черты товародвижения в капиталистическом обществе, где более за высокой прибылью определяет направление движения товарных потоков.

Тов. Махов правильно подчеркивает большое принципиальное значение транспортировки готовых продуктов из сферы производства в сферу потребления в условиях СССР. Автор приводит богатый фактический материал, освещающий борьбу за действительную планомерность движения товарных потоков, за ликвидацию излишней многозвенности, за установление наиболее целесообразных форм организации товародвижения. Читатель получает представление относительно состояния этого вопроса в СССР, об основных фактах, влияющих на организацию товародвижения, и о методах борьбы за наиболее целесообразные формы организации товародвижения.

Главу IX — «Издержки обращения» — автор также начинает с анализа издержек обращения в капиталистическом хозяйстве, после чего переходит к анализу издержек обращения в советской торговле. Автор знакомит нас с состоянием теоретической разработки этого вопроса и с практикой установления и учета издержек обращения в СССР.

Глава X — «Цена в советской торговле» — начинается с анализа природы цены в советской торговле. Автор подчеркивает, что в отличие от цены в условиях буржуазного общества, где она является денежным выражением стоимости, в условиях СССР цена есть «выражение в советских деньгах плановой оценки товара, данной государством в лице его центральных органов или органов, возглавляющих те или иные участки советского хозяйства. Цена подчинена задачам расширенного воспроизводства производительных сил социализма и социалистических производственных отношений. Цена в советской экономике, в советской торговле — не результат стихийной закономерности, независимой от цели и сознания людей, как в капиталистической системе хозяйства, — она является серьезнейшим инструментом пролетарской диктатуры в классовой борьбе с частнокапиталистическими и спекулянтскими элементами» (стр. 313). Автор правильно подчеркивает, что цену товаров социалистического предприятия устанавливает государство пролетарской диктатуры, ибо у нас «развитие производства подчинено

не принципу конкуренции, а принципу планового руководства» (Сталини). Но тем не менее указание, что цена есть выражение в советских деньгах плановой оценки товара, означает уклонение от теоретического рассмотрения данного вопроса, поскольку плановая оценка товара в денежной форме выражает действительные издержки социалистического производства (или, как говорят другие теоретики, — определенную меру общественного труда, затраченного на производство того или иного товара в нашем социалистическом предприятии). Правильно критикуя троцкистскую теорию двух регуляторов и правооппортунистическую теорию закона трудовых затрат, сам т. Силонов не дает исчерпывающего анализа данной проблемы. После этого недостаточно глубокого теоретического введения автор переходит к освещению существующей практики регулирования цен в советской торговле. Здесь он приводит ценный фактический материал, знакомящий читателя с ходом регулирования цен и с практикой повседневной работы. В этой части автор ограничивается лишь описанием таких важных проблем, как различные цены, без всякой попытки теоретического анализа этого вопроса (цены «нормальные», цены коммерческие, цены, по которым сдаются продукты в порядке обязательных поставок, цены конвенционные, цены городских базаров). Заканчивает автор свою работу освещением задач советской политики цен на современном этапе социалистического строительства.

Таково основное содержание рецензируемой работы. Мы можем сделать некоторые обобщающие выводы в отношении всей этой работы в целом.

Первый вывод: авторы в основном успешно разрешили поставленную задачу. Студенты вузов получили неплохое учебное пособие, написанное за небольшими исключениями научно-популярным языком.

Второй вывод: необходимо заполнить тот пробел в нашей литературе, который данным учебным пособием не заполнен, поскольку товарно-денежная форма движения средства производства не анализируется ими ни в разрезе обращения в пределах социалистической городской промышленности I и II подразделений (группы «А» и «Б»), ни обращения между городом и деревней (тракторы, с.-х. машины, оборудование предприятий по переработке с.-х. сырья и т. д.).

Товарно-денежная форма движения средств производства имеет целый ряд особенностей в сравнении с товарно-денежной формой движения предметов индивидуального потребления. Но эти особенности конечно не изменяют характера обращения в целом. Так например, в полном соответствии с решением партии об «антибулшевицком характере левой фразы о переходе к «продуктообмену» и об «отмирании денег» уже на данной стадии социалистического строительства СНК СССР 18 октября 1931 г. принял решение о ликвидации ненормальных фактов прямого товарообмена между хозяйственными организациями.

Особенность торговли средствами производства в основном вытекает из однотипности предприятий-производителей и предприятий-потребителей как предприятий последовательно социалистического типа (при продаже средств производства колхозам социалистического типа).

Если в первый период нэпа имело место частное посредничество не только в сфере торговли предметами потребления, но в известной степени также в сфере торговли средствами производства, то уже, начиная с 1923—1925 гг., частное посредничество решительно вытесняется, заменяясь формой непосредственной торговой связи между предприятиями, производящими средства производства. Именно в этой области быстро возрастало значение планирования товарооборота.

Попытки вредителей формально в суммовом выражении выполнять план товарооборота при нарушении требований соответствующего ассортимента приводили нередко к омертвлению крупнейших товарных запасов, уже имевшихся на предприятии, поскольку использование средств производства в большинстве случаев возможно лишь при условии комплектной покупки этого рода товаров. Образование в 1929—1930 гг. отраслевых промышленных объединений и централизация их в ведении всей разности фондов между отдельными входящими в их состав предприятиями привели к тому, что фонды нередко разассигновывались из центра между отдельными предприятиями с дроблением на самое минимальное количество. Вместе с тем сама система фондирования оказалась на практике чрезвычайно громоздкой и сложной, включающей, как правило, при внутрипромышленном обороте не менее 6 звеньев.

Эти недочеты должны быть устранены системой договорных отношений между предприятиями-поставщиками и предприятиями-потребителями, и кредитной формой, которая обеспечила контроль рублем над осуществлением плана производства и обращения. Эти меры были приняты именно «в целях укрепления хозяйства и практического осуществления планов производства и обращения товаров и накопления в общественном секторе».

Борьба за уменьшение издержек обращения, за ускорение процесса обращения средств производства имеет огромное значение для темпов социалистического рас-

ширенного воспроизводства. Важен также вопрос о формах торговой связи между предприятиями-потребителями и предприятиями-поставщиками. Вопрос о роли комбинирования, кооперирования предприятий, производящих средства производства, и вопрос о создании особого торгового аппарата для торговли средствами производства тоже должны быть освещены в учебной литературе.

Редколлегия: Бутаев К. (Ответственный редактор), Вознесенский Н.,
Гатовский Л., Кривицкий М., Партигул С., Шурыгин В.

Сдано в производство 1/X 1933 г.
Подписано к печати 25/XI 1933 г.
Уполн. Главлита В—62735.
Выпускающий Стрельникова М. А.

Формат 72×105 ¹/₁₀.
Партиздат № 930. Зак. тип. 2634
Объем 10¹/₂ печ. лист. 61 000 экз. в п. л.
Тираж 15 855 экз.

Х Р О Н И К А П А Р Т И Й Н О Й К Н И Г И

Сборник Института экономики к пятидесятилетию со дня смерти К. Маркса, под ред. Э. Квиринга, Комакадемия при ЦИК СССР, Институт экономики, 168 стр., ц. 1 р. 25 к., пер. 75 коп. Квиринг Э. — Марксизм-ленинизм о диктатуре пролетариата и строительстве социализма. Вейсберг Р. — Марксизм и планирование социалистического строительства. Лурьев Д. — О революционной роли аграрной теории Маркса. Пашков А. — Маркс как критик политической экономии. Реуэль А. — К истории „Капитала“ К. Маркса в России.

В полосе кризиса, второе дополненное издание сборника «Три года мирового кризиса», 280 стр., ц. 3 р. 50 к., пер. 1 рубль.

Аржанов Г., Гегельянство на службе германского фашизма. Критика неогегельянских теорий национализма, 152 стр., ц. 1 рубль., пер. 75 коп.

Колониальные проблемы, Сборник первый, Институт мирового хозяйства и мировой политики, колониальный сектор, 259 стр., ц. 3 р. 50 к.

Сафаров Г. — Маркс и колониальные вопросы. Терентьев Н. — Кризис на Дальнем Востоке. Александров Б. — Подмандатные острова Японии на Тихом океане. Столяр С. — Филиппины и американский империализм. Резема В. — События на голландском флоте в Индонезии. Арджено — Причины восстания на военном флоте в Индонезии. Бергер — Французский империализм и революционное брожение в Сирии. Ренджбар — Борьба за персидскую нефть. Лисовский П. — Борьба за иракскую нефть. Синани Г. — Конец капиталистической стабилизации в странах Южной и Караибской Америки. Сагалатов В. — Обострение кризиса и революционный подъем в Бразилии. Гомес Х. — Мексика.

Советы в Китае, Сборник материалов и документов. Вводная статья. Иогансон Е. и Таубе О. Перевод с немецкого. Научно-исследовательский институт по Китаю, колониальный сектор ИМХ и МН при Комакадемии, 524 стр., ц. 5 руб., пер. 1 рубль.

Отдел I Иогансон Е. и Таубе О. — Советское движение в Китае

Отдел II Материалы и документы.

Отдел III Враги о китайских советах. Приложения: хронология советского движения в Китае, библиография о советском движении в Китае, китайские меры и деньги, предметный указатель, карты главных районов, упоминаемых в материалах, и общеисторическая карта развития советского движения в Китае.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Ц К В К П (б)

ПАРТИЗДАТ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1934 г.

НА ЖУРНАЛ

МИРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Научно-исследовательский журнал Института мирового хозяйства
и мировой политики Комкадемии

12 номеров в год

Год издания 9-й

Ответственный редактор
Е. ВАРГА

ЖУРНАЛ ДАЕТ марксистское освещение актуальных вопросов мирового хозяйства и мировой политики, теоретические статьи по вопросам мирового хозяйства, обзоры политики и хозяйства главных стран.

ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА: Статьи. Обзоры. Конъюнктура мирового хозяйства. Критика и библиография. Аннотации иностранных книг.

ЖУРНАЛ РАССЧИТАН на научных работников, журналистов, вузовцев, пропагандистов, руководителей кружков и т. д.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

на 12 мес. — 24 руб.

„ 6 „ — 12 „

„ 3 „ — 6 „

Цена отдельного номера — 2 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ отделениями, магазинами и киосками Партиздата, уполномоченными по партпечати на предприятиях и в учреждениях, газетными бюро союзпечати, всеми письмоносцами и почтовыми отделениями.

ПОДПИСКУ НЕОБХОДИМО СДАВАТЬ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б)—ПАРТИЗДАТ

Открыта подписка на 1934 год

НА ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ОРГАН КОМАКАДЕМИИ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
К. ОСТРОВИТЯНОВ

ГОД ИЗДАНИЯ II-й
6 НОМЕРОВ В ГОД

„Вестник Коммунистической академии“, являясь центральным общетеоретическим журналом Комакадемии, дает развернутые статьи по основным разделам социально-экономических дисциплин, особенно в части освещения и разработки проблем аторой пятiletки.

„Вестник Коммунистической академии“ освещает состояние работы на отдельных теоретических фронтах, научную работу в центре и на периферии.

„Вестник Коммунистической академии“ систематически печатает рефераты докладов в Коммунистической академии и в отдельных научно-исследовательских институтах, а также хронику о научной жизни в центре и на периферии.

„Вестник Коммунистической академии“ дает критическую оценку основной социально-экономической литературы, выходящей в СССР и за границей.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

на 12 мес. 12 руб.

„ 6 „ 6 „

Цена отдельного номера — 2 руб.

Подписка принимается отделениями, магазинами и kiosками Партиздата, уполномоченными по партпечати на предприятиях и в учреждениях, газетными бюро Союзпечати, всеми письменными и почтовыми отделениями. Подписку необходимо сдавать заблаговременно.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) — ПАРТИЗДАТ

**ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1934 ГОД
НА ЖУРНАЛ**

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

ОРГАН ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ КОМКАДЕМИИ

Ответственный редактор Н. БУТАЕВ

ГОД ИЗДАНИЯ 5-й 6 НОМЕРОВ В ГОД

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА:

теоретическая разработка проблем социалистической реконструкции народного хозяйства СССР;

теоретическое освещение проблем современной фазы империализма, мирового экономического кризиса и проблемы взаимоотношений СССР с капиталистическими странами;

теоретическое разоблачение уклонов от ленинизма и генеральной линии партии;

борьба против буржуазной идеологии в области экономики СССР и капиталистических стран;

теоретическая разработка наименее разработанных сторон марксовской политэкономии.

Журнал рассчитан на экономистов, вузовцев и партактив.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

на год — 24 рубля, на 6 месяцев — 12 рублей

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА — 4 РУБ.

Подписка принимается отделениями, магазинами и kiosками Партиздата, уполномоченными по партпечати на предприятиях и в учреждениях, газетными бюро Союзпечати, всеми письменными и почтовыми отделениями.

Подписку необходимо сдавать заблаговременно.